

Russian-Armenian (Slavonic) University

*Printed by the decision of the
Academic Council of RAU*

V E S T N I K
OF RUSSIAN-ARMENIAN (SLAVONIC) UNIVERSITY
(SERIES: HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES)

(55)
RAU University Press
No. 4/2025

Российско-Армянский (Славянский) университет

*Печатается по решению
Ученого Совета РАУ*

В Е С Т Н И К
РОССИЙСКО-АРМЯНСКОГО (СЛАВЯНСКОГО)
УНИВЕРСИТЕТА
(СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ)

(55)
Издательство РАУ
№ 4/2025

Главный редактор: д.эконом.н., профессор **Сандоян Э.М.**

Заместитель главного редактора: д.филос.н., проф., к.ф.-м.н. **Аветисян П.С.**

Ответственные секретари: к.филос.н., доц. **Саркисян О.Л.**, к.филол.н., доц. **Авакян М.Э.**

Редакционная коллегия

Юридические науки

Т.В. Епифанова – д.э.н., к.ю.н., проф. Кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Россия).

В.Л. Толстых – д.ю.н., проф. Кафедры международного права МГИМО МИД России, главный научный сотрудник Лаборатории международно-правовых исследований МГИМО (Россия).

В.М. Баранов – д.ю.н., проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности, Президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» (Россия).

В.В. Ярков – д.ю.н., проф., заведующий Кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.

С.С. Аветисян – д.ю.н., проф., Заслуженный юрист РА, проф. Кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права Российско-Армянского (Славянского) университета, судья Уголовной палаты Кассационного суда РА.

Политические науки

М.М. Лебедева – д.п.н., к.псих.н., проф., заведующая Кафедрой мировых политических процессов МГИМО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный работник высшей школы (Россия).

С.М. Маркедонов – к.ист.н., доц. Кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО, ведущий научный сотрудник Центра Евро-Атлантической безопасности МГИМО, ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО, главный редактор журнала «Международная аналитика» (Россия).

И.С. Семенов – д.п.н., проф., член-корреспондент РАН, заместитель директора по научной работе ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Россия).

И.И. Кузнецов – д.п.н., проф., проф. Кафедры истории и теории политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия).

С.П. Поцелуев – д.п.н., к.филос.н., доц., проф. Кафедры теоретической и прикладной политологии института философии и социально-политических наук Южного Федерального университета (Россия).

А.П. Енгоян – д.полит.н., проф., проф. Кафедры политологии Ереванского государственного университета.

Экономические науки

А.А. Широ – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия).

А.К. Моисеев – д.э.н., исследователь Междисциплинарного исследовательского центра кибербезопасности им. Блаватника Тель-Авивского университета.

М.А. Абрамова – д.э.н., проф., руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ (Россия).

М.Ю. Головин – чл.-корр. РАН, д.э.н., проф., директор Института экономики РАН (Россия).

С.А. Кристиневич – д.э.н., доц. Кафедры экономической теории Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (Белоруссия).

А.М. Суварян – д.э.н., проф., заведующий Кафедрой управления и бизнеса Российско-Армянского (Славянского) университета.

М.А. Восканян – д.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета.

И.Б. Петросян – к.э.н., доц., заведующая Кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета.

Филологические науки

А.К. Егиазарян – д.филол.н., проф., проф. Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Симонян – д.филол.н., проф., заведующая Кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

К.С. Акопян – к.филол.н., доц., заведующий Кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского (Славянского) университета.

Л.С. Меликсетян – к.филол.н., проф., заведующая Кафедрой русской и мировой литературы и культуры Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Т. Золян – д.филол.н., проф.

Н.В. Поплавская – к.филол.н., доцент Кафедры массовых коммуникаций РУДН, заместитель декана филологического факультета по международной деятельности РУДН, руководитель образовательных программ “Multimedia journalism”, “Global and digital media” РУДН (Россия).

И.С. Леонов – д.филол.н., проф. Кафедры мировой литературы Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Россия).

Исторические науки

Е.Г. Маргарян – д.ист.н., проф., директор Института международных отношений и общественно-политических наук Российско-Армянского (Славянского) университета.

А.А. Мелконян – д.ист.н., проф., академик НАН РА, директор Института истории НАН РА.

Психологические науки

А.С. Берберян – д.псих.н., проф., заведующая Кафедрой психологии Российско-Армянского (Славянского) университета.

О.А. Корнилова – д.псих.н., доц., первый заместитель директора, проф. Кафедры педагогической и прикладной психологии Самарского филиала ГГАОУ ВО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Россия).

Философские науки

Г.Э. Галикян – к.филос.н., доц., заведующий Кафедрой философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

С.Г. Оганесян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии Российско-Армянского (Славянского) университета.

Р.З. Джиджяян – д.филос.н., проф., проф. Кафедры философии и логики Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна.

Востоковедение

Е.И. Зеленов – д.и.н., проф., директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург (Россия).

Г.С. Асатрян – д.филол.н., проф., директор Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

В.А. Аракелова – к.и.н., проф. Института востоковедения Российско-Армянского (Славянского) университета.

Журнал основан в 2003 году и входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2025г.

ISSN 1829-0450

© Издательство РАУ, 2025

Vestnik of the RAU, No. 4 (55). – Yer.: RAU Publishing House, 2025. – 207p.

Editor-in-Chief: Doctor of Economics, Professor **Sandoyan E.M.**

Deputy Chief Editor: Doctor of Philosophy, Professor, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, **Avetisyan P.S.**

Responsible Secretaries: Candidate of Philosophy, Associate Professor, **Sarkisyan O.L.**,
Candidate of Philology, Associate Professor, **Avakyan M.E.**

Editorial Team

Legal Sciences

T.V. Epifanova – Doctor of Economics, Candidate of Juridical Sciences, Professor. Chair of Civil Law, Rostov State Economic University (RINH) (Russia).

V.L. Tolstyh – Doctor of Juridical Sciences, Professor. Chair of International Law, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Chief Researcher at the Laboratory of International Legal Studies, MGIMO (Russia).

V.M. Baranov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Assistant to the Chief of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Innovative Development of Scientific Activities, President of the Nizhny Novgorod Research and Applied Center “Legal Technology” (Russia).

V.V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Russia).

S.S. Avetisyan – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law at the Russian-Armenian (Slavonic) University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia.

Political sciences

M.M. Lebedeva – Doctor of Political Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of World Political Processes at MGIMO (Moscow State Institute of International Relations), Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education (Russia).

S.M. Markedonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia at MGIMO, Senior Researcher at the Center for Euro-Atlantic Security at MGIMO, Senior Researcher at the Institute of International Studies at MGIMO, Chief Editor of the journal “International Analytics” (Russia).

I.S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Scientific Research at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the Russian Academy of Sciences (Russia).

I.I. Kuznetsov – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University (Russia).

S.P. Potseluev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Institute of Philosophy and Social-Political Sciences, Southern Federal University (Russia).

A.P. Engoyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor at the Department of Political Science, Yerevan State University.

Economic Sciences

A.A. Shirov – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences (Russia).

A.K. Moiseev – Doctor of Economics, researcher in Blavatnik Interdisciplinary Cyber Research Center (ICRC), Tel Aviv University.

M.A. Abramova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Banking and Financial Markets at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russia).

M.Yu. Golovnin – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia).

S.A. Kristinevich – Doctor of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Belarusian State Economic University (BSEU) (Belarus).

A.M. Suvaryan – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management and Business at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

M.A. Voskanyan – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economics and Finance at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

I.B. Petrosyan – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Economic Theory and Issues of the Economy in the Transitional Period at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Philological sciences

A.K. Eghiazaryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of Armenian Language and Literature, Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Simonyan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Language Theory and Intercultural Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

K.S. Akopyan – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian (Slavonic) University.

L.S. Meliksetyan – Candidate of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and World Literature and Culture, Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.T. Zolyan – Doctor of Philological Sciences, Professor.

N.V. Poplavskaya – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Mass Communications, RUDN University, Deputy Dean of the Philological Faculty for International Activities at RUDN, Head of Educational Programs “Multimedia Journalism”, “Global and Digital Media” at RUDN (Russia).

I.S. Leonov – Doctor of Philological Sciences, Professor, Chair of World Literature at the State Institute of Russian Language named after A.S. Pushkin (Russia).

Historical Sciences

E.G. Margaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanities at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

A.A. Melkonyan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of Armenia (NAS RA), Director of the Institute of History at NAS RA.

Psychological Sciences

A.S. Berberyan – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

O.A. Kornilova – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, First Deputy Director, Professor at the Department of Pedagogical and Applied Psychology, Samara Branch of the Moscow City Pedagogical University (Russia).

Philosophical Sciences

G.E. Galikyan – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

S.G. Oganessian – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

R.Z. Djidjyan – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at the Department of Philosophy and Logic at the Armenian State Pedagogical University named after Kh. Abovyan.

Oriental Studies

E.I. Zelenov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies and African Studies at the National Research University Higher School of Economics (HSE), Saint Petersburg (Russia).

G.S. Asatryan – Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

V.A. Arakelova – Candidate of Historical Sciences, Professor, Institute of Oriental Studies at the Russian-Armenian (Slavonic) University.

The journal founded in 2003 is included in the list of periodicals registered by HAC RA and RSCI

Russian-Armenian (Slavonic) University, 2025

ISSN 1829-0450

© RAU University Press, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

Давтян В.С., Хачикян С.Р. Атомная энергетика Индии: институциональный опыт и потенциал сотрудничества с Арменией.....	10
Восканян М.А., Григорян А.Т. Анализ воздействия политики протекционизма на экономику развивающихся стран.....	26
Говдя В.В., Дегальцева Ж.В. Развитие учетной триады в условиях применения инновационных технологий в хозяйствующих субъектах агропромышленного комплекса РФ.....	37
Лалабекова В.Р., Хагагорян И.А. Анализ и перспективы развития национальных платежных систем на примере «АрКа» и «Мир»	50
Мнацаканян В.Р. Анализ торговых связей Армении со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.....	74

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Куфлева В.Н. Индивидуальный правовой статус лица, совершившего преступление.....	88
Аршакиан М.А. Некоторые аспекты судебной и досудебной защиты иностранных инвестиций: сравнительный анализ ЕАЭС с практиками ЕС, ЮСМКА и МЕРКОСУР.....	99
Нерсисян И.Н. Реализация права на мирные собрания в цифровой среде: виртуальные мирные собрания, правовые аспекты и практика	115

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Дунамалян Н.А., Казаринова Д.Б. Специфика урегулирования межэтнических конфликтов в контексте приоритетов устойчивого развития ООН: пример Южного Кавказа	128
Саркисян О.Л., Саргсян Д.О. Процессы нациестроительства в республиках Южного Кавказа: основные факторы и тенденции развития	147
Аванесян М.Г. Роль энерготранспортной повестки в формировании констант национальной безопасности Турции: анализ официального дискурса по защите и развитию критических инфраструктур в контексте евразийского транзита (2009–2025 гг.).....	158
Арутюнян М.Л. Образовательная политика как объект политического анализа: конструктивистский и системный подходы	167
Галстян М.С. Экологический дискурс: история возникновения и этапы становления	181

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

Искандарян Н.М. Специфика преподавания армянского языка как иностранного русскоязычным студентам в РАУ (особенности, методы и трудности)	194
---	-----

CONTENTS

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Davtyan V., Khachikyan S. Nuclear energy in India: institutional experience and cooperation potential with Armenia	10
Voskanyan M., Grigoryan A. Analysis of the impact of protectionist policies on the economies of developing countries	26
Govdya V., Degaltseva Zh. Development of the accounting triad in the conditions of applying innovative technologies in business entities of the agro-industrial complex of RF	37
Lalabekova V., Khagagortyan I. Analysis and prospects for the development of national payment systems on the example of “ArCa” and “Mir”	50
Mnatsakanyan V. Analysis of Armenia's trade relations with the Gulf Cooperation Council (GCC) countries	74

JURISPRUDENCE

Kufleva V. Individual legal status of the person who committed a crime	88
Arshakyan M. Some aspects of judicial and pre-trial protection of foreign investments: a comparative analysis of the EAEU with the practices of the EU, USMCA, AND MERCOSUR	99
Nersesyan I. Implementation of the right to peaceful assemblies in the digital environment: virtual peaceful assemblies, legal aspects and practice	115

POLITICAL SCIENCE AND INTERNATIONAL RELATIONS

Dunamalyan N., Kazarinova D. The specifics of ethnic conflict resolution in the context of the UN's Sustainable Development Goals: the case of the South Caucasus.....	128
Sargsyan H., Sargsyan D. Nation-building processes in the republics of the South Caucasus: main factors and trends of development	147
Avanesyan M. The role of the energy-transport agenda in forming constants of Turkey's national security: an analysis of the official discourse on the protection and development of critical infrastructures in the context of Eurasian transit (2009–2025)	158
Harutyunyan M. Educational policy as an object of political analysis: constructivist and systemic approaches	167
Galstyan M. Environmental discourse: origins and stages of development	181

LINGUISTICS AND PHILOLOGY

Iskandaryan N. Specifics of teaching Armenian as a foreign language to Russian-speaking students at RAU (features, methods, and challenges)	194
--	-----

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-10-25

УДК 327+339.9

Поступила: 03.12.2025г.

Сдана на рецензию: 06.12.2025г.

Подписана к печати: 20.12.2025г.

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА ИНДИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ПОТЕНЦИАЛ СОТРУДНИЧЕСТВА С АРМЕНИЕЙ

В.С. Давтян¹, С.Р. Хачикян²

Российско-Армянский (Славянский) университет

vahedavtyan@yandex.ru, khachikyans@gmail.com

ORCID¹: 0000-0002-0848-3436; ORCID²: 0000-0003-3604-1392

АННОТАЦИЯ

Проанализировано развитие атомной энергетики Индии, изучен ее институциональный опыт, включая этапы формирования инфраструктуры, научно-технической базы и государственной политики в сфере «мирного атома». Особое внимание уделено геополитическим и экономическим факторам, влияющим на диверсификацию энергетики, рост производства и внедрение инновационных технологий. Рассмотрены возможности индийско-армянского сотрудничества в атомной сфере, включая трансфер технологий, подготовку кадров и научно-исследовательское взаимодействие. Подчеркнут потенциал Армении в контексте внедрения индийских атомных технологий и реализации совместных проектов, что может способствовать укреплению энергетической безопасности и инновационному развитию.

Ключевые слова: Индия, Армения, атомная энергетика, сотрудничество, диверсификация, безопасность, геополитика.

Введение

Согласно Национальному плану по электроэнергии Индии (далее – Третий план), к концу 2026–2027гг. доля неископаемых источников энергии достигнет 57,4% [1]. План демонстрирует нацеленность Нью-Дели на максимальную диверсификацию энергетической системы, что является основой энергетической безопасности любого государства. Таким образом, Индия стимулирует развитие национального энергетического рынка, снижает риски энергетических кризисов и тем самым повышает уровень своей инвестиционной привлекательности. Развитие электроэнергетики способствует экономическому росту в различных секторах экономики, таких как промышленность, сельское хозяйство, коммерческая и железнодорожная отрасли.

Наряду с этим Индия занимает лидирующие позиции в мире по общему потреблению энергии после США, Китая и России. В то же время около 0,8% (11,4 млн человек) населения Индии не имеют доступа к электричеству, и власти Индии намерены к 2030г. полностью решить эту проблему [2]. Индия демонстрирует беспрецедентный прогресс на пути к доступу к электричеству, поскольку степень электрификации в стране возросла с 60% в 2000г. до 99,2% в 2022г. В целом, сегодня экономика Индии в основном базируется на сельском хозяйстве, горнодобывающей промышленности и производстве, обеспечивая 7% роста в год.

Традиционно в энергобалансе Индии доминирующее положение занимают уголь и нефть – около 60%, что не совсем вписывается в стратегию экономического развития Индии, разработанную на долгосрочную перспективу. Текущее десятилетие объявлено решением проблемы энергетической диверсификации Индии. Согласно программе инновационного развития Индии, инициированной экс-премьер-министром Манмоханом Сингхом (2004–2014), была поставлена задача создания в стране инновационной модели экономического роста, в том числе за счет реализации политики в области научного инжиниринга и опытно-конструкторского проектирования. В результате последовательной реализации программы ряд ключевых игроков мирового технологического рынка (например, IBM, Microsoft, Cisco, Nokia, Xerox и др.) сегодня рассматривают Индию как площадку для вывода на рынок новых продуктов. На этом фоне сырьевая составляющая индийской экономики должна со временем сократиться.

К 2026–2027гг. планируется увеличить долю возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общем объеме производства энергии до 24,2%. Однако есть ряд факторов, заставляющих взглянуть на новую модель индийского энергетического рынка под другим углом. Прежде всего, энергетическое будущее Индии необходимо рассматривать в контексте региональной геополитической архитектуры. В этой связи при рассмотрении перспектив развития индийской энергетики важно учитывать проекты строительства трубопроводов ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), Мьянма-Бангладеш-Индия и «Мир» (Иран-Пакистан-Индия), которые формируют определенный скептицизм относительно энергетического будущего Индии без ископаемого топлива. В то же время Индия продолжает наращивать добычу нефти, что сопровождается строительством ряда нефтеперерабатывающих заводов, а их продукция стабильно экспортируется на зарубежные рынки, в том числе в Китай и ОАЭ. В последние годы доля топливной продукции составляет около 21,75% в общей структуре экспорта Индии [3].

Диверсификация индийской энергетики предполагает укрепление «мирного атома» как гаранта энергетической безопасности Индии, что также обо-

значено в Третьем плане. В этой связи важно учитывать перспективы российско-индийского сотрудничества, которое уже дало ощутимые результаты в виде запуска двух реакторов на атомной электростанции (АЭС) «Куданкулам» с текущей установленной мощностью 2000 МВт. Таким образом, параллельное развитие традиционного и возобновляемого секторов энергетики по сути является основой новой энергетической стратегии Индии и свидетельствует о ее «энергетическом прагматизме» и конвергентном подходе, позволяющем планировать наращивание экспорта электроэнергии в страны Азии.

Изучение индийского опыта эффективного развития энергетической инфраструктуры и, в частности, ее ядерной составляющей может быть полезным для развивающихся стран. Для раскрытия феномена индийского «энергетического прагматизма» необходимо глубоко изучить основные особенности функционирования индийской энергетической системы и ее ядерной составляющей.

В данном контексте особое значение приобретает анализ перспектив индийско-армянского сотрудничества в энергетической сфере, включая атомную энергетику. Армения, обладая ограниченной ресурсной базой и высокой чувствительностью к внешним энергетическим рискам, объективно заинтересована в расширении международного взаимодействия в области развития электроэнергетической инфраструктуры и внедрения современных технологий. Индийский опыт формирования диверсифицированной энергетической системы, в том числе в части развития «мирного атома», представляет практический интерес с точки зрения возможного использования отдельных элементов индийской институциональной модели, инженерных решений и кадрового потенциала.

История электрификации Индии

Влияние Индии в мире и, в частности, в азиатском регионе демонстрирует перманентный рост. В этой связи важно проанализировать опыт модернизации ее энергетической системы.

Процесс электрификации в Индии прошел несколько этапов. Он начался в конце XIX века, когда были электрифицированы Калькутта, Бомбей и Дели. Энергетическая отрасль в основном контролировалась индийскими филиалами британских и американских компаний. В 1910г. было создано первое законодательство, регулирующее энергетический сектор [4]. Согласно закону 1919г., регулирование электроэнергетики перешло в ведение индийских штатов, что устранило единую политику в энергетическом секторе [5]. После обретения независимости в 1948г. был принят Закон о поставках электроэнергии (Electricity supply act), направленный на развитие электрических сетей на местном уровне. В 1954г. был создан Департамент атомной энергии для раз-

работки ядерных энергетических технологий и содействия исследованиям радиационных технологий. В конце 1950-х гг. в стране началась разработка урановых месторождений. Первая АЭС была построена в Тарапуре, штат Махараштра (при участии американской корпорации General Electric), которая состояла из двух реакторов общей мощностью 300 МВт и была введена в эксплуатацию в 1969г. В последующие годы новые атомные электростанции были запущены в Раджастане, Мадрасе и других местах. В 1960–1970-х гг. в Индии были построены 18 тепловых электростанций (ТЭС) и одна гидроэлектростанция (ГЭС) общей мощностью 5200 МВт при содействии СССР [6]. В 1987г. была создана Корпорация ядерной энергетики Индии (NPCIL), которая отвечает за производство атомной энергии. Начиная с восьмой пятилетки (1992–1997гг.), правительство Индии стало уделять больше внимания электрификации сельских районов. Была сформирована Центральная комиссия по регулированию электроэнергетики (CERC) для поддержания единого планирования и политики во всех штатах Индии с целью решения проблемы электрификации.

В 2015г. премьер-министр Индии Н. Моди в своей речи в День независимости Индии обозначил срок в 1000 дней для завершения электрификации всех сельских районов. Согласно официальной статистике, в 2015–2016гг. в Индии было электрифицировано 100% городов и 98,1% – деревень [7]. Примечательно, что в Индии около 42% электроэнергии потребляется промышленным сектором, 24% – для бытовых нужд, 17% – сельским хозяйством. Однако эта статистика не в полной мере характеризует современное состояние электрификации населения Индии. По данным Всемирного банка, к 2022г. городское население в Индии уже было полностью электрифицировано, но только 99,2% сельского населения имели доступ к электричеству [8]. Неоднозначность официальных заявлений о полной электрификации индийских сельских районов вытекает из общего принципа учета данных по электрификации: деревня считается электрифицированной, если 10% ее домов и все общественные здания подключены к сети [9]. Несмотря на неоднозначность национальной статистики, очевидна положительная тенденция в обеспечении доступа к электроэнергии в Индии после программной речи Н. Моди.

Другой важной проблемой в электроэнергетике Индии является большая степень потерь при передаче электроэнергии от производителя к потребителю, которая составляет 22–34% [10]. При этом к 2025г. около 52,7% производимой в Индии электроэнергии вырабатывается ТЭС, 1,7% – АЭС и 45,6% – ВИЭ, из которых 10% – ГЭС [11]. Большинство ТЭС вырабатывают электроэнергию на низкокачественном угле с высоким уровнем выбросов CO₂. В 2016г. Индия подписала и ратифицировала Парижское соглашение, согласно которому страна намерена существенно сократить выбросы парниковых газов.

Основные этапы развития ядерной энергетики в Индии

Индия – одна из первых стран Азии, которая инициировала развитие ядерной энергетики. Изначально ядерная программа Индии развивалась в рамках «Плана Коломбо», призванного укрепить позиции Британской империи. Согласно плану, Великобритания и ее доминионы обязывались оказывать техническую помощь Индии, Пакистану, Цейлону (ныне Шри-Ланка) для содействия их экономическому и социальному развитию. Началом зарождения ядерной отрасли в Индии можно считать основание в 1945г. Института фундаментальных исследований Тата в Мумбаи. С тех пор в стране формируется научная и производственная база, позволяющая создавать практически все виды ядерных технологий, как мирного, так и военного назначения. В 1950-х гг. известный индийский физик Хоми Бхабха разработал трехэтапную программу развития ядерной энергетики, согласно которой урановая зависимость в перспективе должна была снизиться за счет перехода на торий, запасы которого в Индии составляют 13% от мировых запасов. Программа исходила из того, что запасы урана в Индии незначительны и низкого качества, что обуславливает его высокую стоимость (в 4–5 раз дороже импортного) и, следовательно, зависимость страны от внешних поставок топлива.

В настоящее время в Индии действуют 24 ядерных реактора общей мощностью 8055 МВт. Предполагается, что в ближайшие 25 лет спрос на электроэнергию увеличится в четыре раза, что связано с ростом населения, развитием промышленности и урбанизацией. С учетом этого Индия разработала перспективную программу развития атомной энергетики, согласно которой к 2032г. мощность АЭС составит 63 000 МВт [12]. В целом, согласно планам, к 2050г. 25% электроэнергии будет вырабатываться на АЭС. К этому времени Индия планирует обеспечить 30% своих энергетических потребностей за счет ториевых реакторов. В ближайшие два десятилетия планируется построить 12 атомных энергоблоков в Индии по российскому проекту. В настоящее время на разных стадиях строительства находятся 6 атомных реакторов мощностью 5200 МВт, в том числе 4 блока АЭС «Куданкулам» общей мощностью 4000 МВт [13].

Индия не скрывает амбиции стать одним из основных поставщиков атомных технологий на мировом рынке. При этом для выхода на зарубежные рынки необходимо решить проблему зависимости от импорта сырья и дефицита ресурсов. Стране удалось добиться значительного прогресса в разработке оригинальных технологий в сфере атомной энергетики. По оценкам экспертов Департамента атомной энергетики Индии, зависимость страны от зарубежного оборудования и материалов в атомной отрасли не превышает 10–15%. Согласно их оценкам, в обозримом будущем Индия может стать поставщиком тяжеловодных реакторов на зарубежном рынке.

Индия также производит инновационные ядерные технологии, применяемые в таких отраслях, как медицина, сельское хозяйство, опреснение и

очистка воды. Технологии в области ядерной медицины используются для диагностики и лечения онкологических заболеваний, стерилизации медицинского оборудования, разработки лазеров, используемых при хирургическом лечении. В сельском хозяйстве ядерные технологии используются для повышения урожайности путем изменения свойств семян на генетическом уровне. Технологии ядерного опреснения и очистки воды широко применяются в засушливых регионах Индии.

Некоторые геополитические аспекты развития индийского «мирного атома»

Сегодня в Индии проблема «мирного атома» особенно актуальна, поскольку развитие ядерной энергетики неизбежно связано с вопросами нераспространения ядерного оружия. Эти вопросы регулируются различными соглашениями, такими как Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Конвенция о физической защите ядерных материалов, договоры о зонах, свободных от ядерного оружия, и т.д., а также Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ), Советом Безопасности ООН, Группой ядерных поставщиков (ГЯП) и другими институтами.

Индия не присоединилась к ДНЯО, поскольку развивала собственную военную ядерную программу. По этой причине ГЯП, созданная в 1975г. после испытаний Индией ядерного оружия в 1974г., наложила ограничения на поставки ядерного оборудования и технологий в Индию, что сдерживало развитие ядерной энергетики в течение 34-х лет. В результате снятия ограничений ГЯП в 2008г. Индия получила более широкие возможности для развития ядерной энергетики и преодоления дефицита энергии. Решение о снятии ограничений стало результатом усилий США по достижению геополитического преимущества в азиатском регионе в качестве противовеса влиянию Китая.

Сегодня атомная энергетика в Индии развивается в большей степени за счет конкуренции крупных иностранных поставщиков. Индия поддерживает сотрудничество с крупнейшими мировыми поставщиками технологического оборудования для ядерного топливного цикла – Россией, Францией и США. Наиболее эффективно развивается сотрудничество с Россией. России уже удалось запустить два энергоблока АЭС «Куданкулам» в штате Тамилнаду. По сравнению с другими партнерами по атомной энергетике, Россия сохраняет лидерство в индийской атомной отрасли. По данным Департамента атомной энергии, расчетная себестоимость вырабатываемой электроэнергии составляет около 6,5–12 индийских рупий за единицу для АЭС, базирующихся на американских и французских компаниях, тогда как для двух блоков «Куданкулам» она составляет всего 3,5–4 рупии за единицу [14].

На этом фоне проекты США и Франции продвигаются менее успешно. Изначально американским компаниям были выделены два участка земли – Коввадав в Андхра-Прадеше и Митхи Вирди – в Гуджарате, однако из-за неблагоприятного законодательства строительство АЭС было приостановлено. Франция планирует построить АЭС Джайтапур, но сроки строительства продлеваются. В ноябре 2015г. было заключено соглашение о гражданском ядерном сотрудничестве с Великобританией, а в ноябре 2016г. аналогичное соглашение было заключено с Японией. В феврале 2025г. Индия и Франция подписали письмо о намерениях сотрудничать в области передовых модульных и малых модульных реакторов (ММР). В том же месяце Индия и США договорились полностью реализовать Соглашение-123 США-Индия о гражданской ядерной энергии, продвигая планы по строительству реакторов в Индии, спроектированных США.

Следует отметить, что строительство АЭС в Индии часто приводит к конфликтам с местными жителями в индийских поселениях. Причинами массовых протестов являются неосведомленность и недоверие местных жителей к модернизации страны и энергосистемы, особенно после крупных катастроф на химическом заводе в Бхопале (1984), Чернобыльской АЭС (1986) и АЭС «Фукусима» (2011). Наиболее активные и продолжительные протесты прошли против строительства АЭС «Куданкулам». Это позволяет предположить, что протесты могли быть организованы французскими и американскими компаниями с целью нанесения ущерба российским интересам. В сентябре 2019г. NPCIL подтвердила факт кибератаки на АЭС «Куданкулам». Представители Госдепартамента США и американские СМИ обвинили в организации атаки Северную Корею [15]. Однако через несколько дней NPCIL исключила возможность кибератаки на АЭС «Куданкулам», так как ее сеть не была подключена к интернету.

Несмотря на критику и протесты, очевидно, что Индия, наряду с другими азиатскими странами (Китаем, Японией и Южной Кореей), активно развивает ядерную энергетику. Параллельно с решением внутренних проблем электрификации, Индия имеет возможность стать одним из основных экспортеров мирных ядерных технологий и ядерных энергетических реакторов, как Россия, Франция, США, Япония и Южная Корея. Индия готова предложить свои научные достижения и большой опыт в сфере развития ядерной энергетики. Так, Индия и Россия уже сотрудничают в проекте строительства АЭС «Руппур» в Бангладеше. АЭС «Руппур» – первый в истории Бангладеш атомный энергетический объект, реализуемый как элемент долгосрочной стратегии преодоления структурного дефицита электроэнергии и снижения зависимости от ископаемого топлива. Станция строится на берегу реки Падма в 160 км от Дакки и включает два энергоблока с реакторами ВВЭР-1200 поколения III+ суммарной установленной мощностью 2,4 ГВт. Проект предусматривает

срок эксплуатации не менее 60 лет с возможностью продления. Ввод АЭС «Руппур» в промышленную эксплуатацию рассматривается Даккой не только как инфраструктурный, но и как институциональный прорыв, формирующий основы национальной ядерной отрасли и усиливающий энергетический суверенитет страны.

Сотрудничество Москвы и Нью-Дели в ядерной сфере, по всей видимости, будет продолжаться, поскольку стороны обсуждают совместные проекты в третьих странах, включая строительство АЭС в Африке и на Ближнем Востоке [16]. Вероятно, это только начало становления Индии как экспортера ядерных технологий. Это неизбежно приведет к росту геополитического влияния Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе и за его пределами.

Потенциал индийско-армянского сотрудничества в области атомной энергетики

Индийско-армянские отношения имеют давнюю историю, несмотря на географическую удаленность стран. Дипломатические отношения между Арменией и Индией были установлены в 1992г., после обретения Арменией независимости в 1991г. С тех пор между странами налажен эффективный политический, экономический и культурный диалог. Однако нынешнее состояние экономических отношений не в полной мере отражает потенциал двустороннего сотрудничества и все еще требует переосмысления. С одной стороны, предпосылкой углубления сотрудничества является быстрый экономический рост Индии и ее геополитическое переустройство, а с другой стороны – интеграция Армении в Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Кроме того, Армения и Индия имеют межправительственные соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом сотрудничестве, о поощрении и защите инвестиций и т.д.

Армянская энергосистема полностью покрывает потребность в электроэнергии на внутреннем рынке и имеет значительный потенциал для экспорта. «В советское время энергосистема РА проектировалась как энергоизбыточная, покрывающая часть потребностей региона, в результате чего сегодня Армения способна обеспечить бесперебойный экспорт электроэнергии в соседние страны. Очевидно, что при дефиците электроэнергии в таких странах, как Грузия, Азербайджан, Турция, Иран и Ирак, Республика Армения имеет все шансы заявить о себе как о ключевом игроке на региональном рынке электроэнергии» [17]. Армения традиционно проводит протекционистскую ядерную политику в области «мирного атома», развивая атомную энергетику как один из основных источников национального энергоснабжения (около 30% от общего объема производства электроэнергии). Согласно Закону РА «Об энергетике» (глава 2, статья 6), «атомная энергетика является государственной мо-

нополией. Государственные органы, уполномоченные Правительством Республики Армения, контролируют деятельность по формированию организационно-правовых и технических систем ядерной и радиационной безопасности. Вопросы атомной энергетики, ее воздействия на окружающую среду и безопасности регулируются в соответствии с международными договорами и законодательством Республики Армения» [18].

Армения присоединилась к ДНЯО в 1991г., а в 2006г. ратифицировала ДВЗЯИ. С 1993г. Армения является членом МАГАТЭ и активно сотрудничает с агентством как страна, использующая атомную энергию в мирных целях. Поскольку Армения не является производителем ядерных материалов, оборудования и технологий, она не участвует в организациях, осуществляющих режим экспортного контроля – ГЯП и Комитете Цангера (Комитет ядерных экспортеров). Ереван придает большое значение международным договорам в области атомной энергетики, которые имеют стратегическое значение в процессе поддержания международной безопасности.

Армянская АЭС рассматривается как один из ведущих факторов экономической и геополитической конкурентоспособности Армении в регионе. Наличие мирной атомной энергетики в Армении поддерживает политико-экономическое равновесие и региональную безопасность на Южном Кавказе.

Армянская АЭС является гарантом энергетической независимости и энергетической безопасности Армении. Единственная Армянская АЭС расположена в Мецаморе и состоит из двух блоков с установленной мощностью по 408 МВт каждый. После масштабных модернизационных работ, проведенных российской госкорпорацией «Росатом», срок эксплуатации 2-го энергоблока продлен до 2036г., а его мощность была увеличена на 15%.

Первый блок был введен в эксплуатацию в 1976г., второй – в 1980г. В период работы энергоблоков Армянской АЭС было выработано 44 млрд 231 млн кВт·ч электроэнергии. После Спитакского землетрясения 1988г., в результате непрерывных протестов общественности, Армянская АЭС была закрыта в 1989г. Второй блок был снова введен в эксплуатацию в 1995г., тем временем как первый энергоблок был законсервирован. Эксплуатация 2-го блока осуществляется при содействии России, а системная оценка и повышение безопасности энергоблока проводятся при содействии МАГАТЭ, Евросоюза, США и российских организаций [19].

За последние десятилетия обсуждались разные сценарии строительства новой атомной станции в Армении. С 2021г. между армянской и российской сторонами возобновились переговоры о строительстве нового атомного энергоблока на территории Армении. Мощность будущей АЭС до сих пор является предметом переговоров. Исходя из заявлений российской стороны, рассматриваются два сценария: вариант строительства типового стандартного энергоблока ВВЭР мощностью в 1000–1200 МВт и вариант строительства

ММР. Первый прошел соответствующие испытания и имеет международную референтность. В свою очередь, «Росатом» располагает опытом строительства и эксплуатации плавучих АЭС, используемых на ледоколах. Российский ММР «РИТМ-200» сегодня адаптируется к наземным условиям (РИТМ-200Н) и является предметом переговоров между Москвой и Ереваном.

Возможность строительства АЭС имеет определенное геополитическое значение для региональных игроков, так как участие России в строительстве нового атомного блока свидетельствует о возрастании роли России на Южном Кавказе после 44-дневной Арцахской войны в условиях региональной расстановки сил. При этом переход на ММР не соответствует долгосрочным интересам Армении, ограничивая ее возможности в осуществлении экспорта электроэнергии, в том числе в рамках строящегося электроэнергетического коридора «Север-Юг» (Иран-Армения-Грузия-Россия).

В современных геоэкономических реалиях госкорпорация «Росатом» стоит перед необходимостью надежно закрепиться на рынке технологий и оборудования ядерного топливного цикла, в том числе путем продолжения разработки передовых ядерных технологий и реакторов четвертого поколения. В связи с этим Россия рассматривается как потенциально ключевой партнер Армении в строительстве нового энергоблока АЭС, учитывая последние договоренности сторон. Так, 19 апреля 2022г. Москва и Ереван на высшем уровне подтвердили свою готовность к наращиванию сотрудничества в области мирного использования атомной энергии. Приветствовалось продление срока эксплуатации Армянской АЭС, а также выражался настрой на проработку строительства новых энергоблоков. В документе также отмечается «совместная плодотворная работа по последовательному формированию общих рынков энергоресурсов в рамках Евразийского экономического союза» [20].

Как было отмечено выше, Индия имеет успешный опыт сотрудничества с Россией не только в возведении объектов в самой Индии, но и на зарубежных рынках (АЭС «Руппур»), что позволяет рассматривать ее как потенциального партнера Армении и России в развитии армянского «мирного атома». Этому способствует также сложившийся геополитический климат. Между Индией и Арменией наблюдается схожесть позиций по многим важным геополитическим вопросам. Армения признает Кашмир неотъемлемой частью Индии. При этом, несмотря на установление дипломатических отношений между Ереваном и Пакистаном, последний продолжает поддерживать экспансионистские стремления Азербайджана на Южном Кавказе. Это во многом служит основой для интенсификации армяно-индийского сотрудничества в сфере поставок вооружений, которое наблюдается в последние годы. В целом углубление индийско-армянского сотрудничества может стать политическим противовесом пакистано-азербайджанскому тандему на международной арене.

Сотрудничество в сфере атомной энергетики может быть выгодным для обеих сторон в политическом и экономическом плане, предоставляя возможности для технического взаимодействия и инновационного развития. Армения может стать площадкой для внедрения индийских ядерных технологий и установок, а также научных инноваций в сфере атомной энергетики, учитывая многолетний успешный опыт развития отрасли в обеих странах. Индийско-армянское сотрудничество может привести к научным достижениям также в других отраслях мирного использования атомной энергии (сельское хозяйство, здравоохранение, медицина и т.д.) [21]. С другой стороны, Индия может стать ключевым партнером ЕАЭС в процессе формирования общего электроэнергетического рынка, что выглядит вполне реалистично, учитывая углубляющийся диалог между ЕАЭС и Нью Дели.

Таким образом, полагаем, что индийско-армянское сотрудничество в области атомной энергетики может привести к следующим результатам.

- Армения может стать площадкой для внедрения индийских ядерных технологий и установок, а также научных инноваций в области производства ядерной энергии, учитывая многолетний успешный опыт развития ядерной энергетики в обеих странах. Армения имеет полувековой опыт в этой области: республика разработала образовательную систему для подготовки профессиональных работников в области ядерной энергетики и богата высококвалифицированными специалистами-ядерщиками.
- Индийско-армянское сотрудничество может привести к научным достижениям в других сферах мирного использования ядерной энергии (сельское хозяйство, здравоохранение и медицина).
- Образовательные обмены окажут положительное влияние на подготовку высококлассных специалистов с инновационными идеями в области ядерной энергетики.

Выводы

1. Снятие ограничений со стороны ГЯП по отношению к Индии позволило достичь стране определенных успехов в сфере атомной энергетики. Перед Индией стоит стратегически важная задача: добиться 100% электрификации страны за счет развития атомной энергетики, что позволит части населения страны выйти из состояния крайней бедности и обеспечить «энергетическую справедливость» в соответствии с логикой «энергетической трилеммы» [22, 23].

2. Учитывая богатый опыт Индии в развитии атомной энергетики, можно предположить, что в рамках новой стратегии развития энергетики атомная составляющая будет доминировать в ее энергобалансе. Мировая практика показывает, что возобновляемая энергетика в этой ситуации будет выполнять

не менее важную, но все же вспомогательную функцию. Такой подход, предполагающий параллельное развитие традиционного и возобновляемого секторов, является основой новой энергетической стратегии Индии и свидетельствует о ее «энергетическом прагматизме».

3. Для выхода на внешние рынки Индии необходимо решить проблемы зависимости от импорта, а также нехватки сырья. При этом стране удалось добиться значительного прогресса в разработке оригинальных технологий в сфере атомной энергетики. Зависимость Индии от зарубежного оборудования и материалов в атомной промышленности не превышает 10–15%.

4. В результате снятия ограничений на поставки ядерных технологий Индия получила большие возможности для развития ядерной энергетики и преодоления дефицита энергии, что во многом стало результатом усилий США по достижению геополитического преимущества в азиатском регионе в противовес влиянию Китая.

5. Индия имеет возможность стать одним из основных экспортеров мирных ядерных технологий и установок наряду с Россией, Францией, США, Японией и Южной Кореей. Индия может предложить свою экспертизу в сфере развития ядерной энергетики. Об этом свидетельствует нынешнее российско-индийское сотрудничество в проекте строительства АЭС «Руппур» в Бангладеше.

6. Атомная энергетика является одним из основных источников национального энергоснабжения Армении (около 30% от всего энергопроизводства), обеспечивая энергетическую безопасность страны. Индийско-армянское сотрудничество в области атомной энергетики приведет к положительным эффектам для обеих сторон. Армения может стать площадкой для внедрения индийских атомных технологий и проведения научных исследований в области атомной энергетики, учитывая многолетний успешный опыт развития атомной энергетики в обеих странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Electricity Plan (Volume 1). Generation // Government of India, Ministry of Power. January, 2018. URL: https://cea.nic.in/wp-content/uploads/2020/04/nep_jan_-2018.pdf (Accessed: 19.05. 2025).
2. Ritchie H., Roser M. Access to Energy, 2019. URL: <https://ourworldindata.org/energy-access> (Accessed: 19.05. 2025).
3. Product Exports by India to all countries 2022. WITS. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2022/TradeFlow/Export/Partner/WLD/Product/all-groups> (Accessed 19.05.2025).
4. The Indian Electricity Act. 18th March. 1910. URL: <http://www.cercind.gov.in/IEA-1910.pdf> (Accessed: 19.05.2025).
5. Kale S. Structures of Power: Electrification in Colonial India // “Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East”. V. 34, № 3, 2014.

6. *Ibragimova K.* Energy Sector of India: Past and Present // “MGIMO Review of International Relations”, № 2 (53), 2017. PP. 109–130.
7. Number of Towns and Villages Electrified in India. Energy – Statistical Year Book India, 2018. Ministry of Statistics and Programme Implementation. URL: <http://www.mospi.gov.in/statistical-year-book-india/2018/185> (Accessed: 19.05.2025).
8. Access to electricity (% of population) – India. World Bank, Sustainable Energy for All (SE4ALL) database from the SE4ALL Global Tracking Framework. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=IN> (Accessed: 19.05.2025).
9. Modi claims all Indian villages have electricity but India Today report says otherwise // India Today. 29 April 2018. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-claims-all-indian-villages-have-access-to-electricity-india-today-ground-report-says-otherwise-1223078-2018-04-29> (Accessed: 19.05.2025).
10. Electricity Generated (from utilities), Distributed, Sold and Lost. Energy – Statistical Year Book India, 2018. Ministry of Statistics and Programme Implementation. Government of India. URL: <http://www.mospi.gov.in/statistical-year-book-india/2018/185> (Accessed: 19.05.2025).
11. Power Sector at a Glance “ALL INDIA”. Government of India. Ministry of Power. URL: https://powermin.gov.in/sites/default/files/uploads/power_sector_at_a_glance_Feb_2025.pdf (Accessed: 19.05.2025).
12. India eyeing 63,000 MW nuclear power capacity by 2032: NPCIL. October 11. 2010. The Economic Times. <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/india-eyeing-63000-mw-nuclear-power-capacity-by-2032-npcil/articleshow/6730724.cms> (Accessed: 19.05.2025).
13. Nuclear Power in India. Updated Friday, 2 May 2025. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india> (Accessed: 19.05.2025).
14. Cost of nuclear power proving high, DAE in a fix. // The Times of India. December 25. 2013. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/Cost-of-nuclear-power-proving-high-DAE-in-a-fix/article-show/27920490.cms> (Accessed: 19.05.2025).
15. An Indian nuclear power plant suffered a cyberattack. Here’s what you need to know // Washington Post. November 4 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/11/04/an-indian-nuclear-power-plant-suffered-cyberattack-heres-what-you-need-know/> (Accessed: 19.05. 2025)
16. India, Russia discuss cooperation in third countries. World Nuclear News. 27 January 2020. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/India-Russia-discuss-cooperation-in-third-countrie> (Accessed: 19.05.2025).
17. *Davtyan V.* The Armenian nuclear power plant: problems of electricity export // “MATEC. Web of Conferences”. V. 212, № 010, 2018. URL: <https://doi.org/10.1051/matec-conf/201821202010>.
18. Republic of Armenia, Law on Energy of the Republic of Armenia, 2001.03.22 /10 (142) (2001).
19. *Apikyan S., Diamond D.* Nuclear Power and Energy Security, Springer Science + Business Media B.V. 262, 2010.
20. Официальный визит премьер-министра Никола Пашиняна в Российскую Федерацию / Аппарат Премьер-министра Республики Армения. URL: <https://www.primeminister.am/ru/foreign-visits/item/2022/04/19/Nikol-Pashinyan-visit-to-Russia/> (Дата доступа: 26.08.2022).

21. Davtyan V., Khachikyan S. An Outlook for Indian «Peaceful Atom»: Prospects of Indian-Armenian Cooperation in the Field of Nuclear Energy // “International Journal of Innovation”, № 10 (2), 2020. PP. 11–20.
22. Давтян В.С., Хачикян С.Р. Энергетическая трилемма как инструмент оценки национальных энергетических систем: на примере Республики Армения // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экономика», Т. 30, № 2, 2022. СС. 139–154.
23. Давтян В.С., Хачикян С.Р. Оценка энергетической устойчивости стран ЕАЭС с применением индекса энергетической трилеммы // «Экономические и социальные проблемы России», № 1 (61), 2025. СС. 50–64.

REFERENCES

1. National Electricity Plan (Volume 1). Generation // Government of India, Ministry of Power. January, 2018. URL: https://cea.nic.in/wp-content/uploads/2020/04/nep_jan_-2018.pdf (Accessed: 19.05.2025).
2. Ritchie H., Roser M. Access to Energy, 2019. URL: <https://ourworldindata.org/energy-access> (Accessed: 19.05.2025).
3. Product Exports by India to all countries 2022. WITS. URL: <https://wits.world-bank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2022/TradeFlow/Export/Partner/WLD/-Product/all-groups> (Accessed 19.05.2025).
4. The Indian Electricity Act. 18th March. 1910. URL: <http://www.cercind.gov.in/IEA-1910.pdf> (accessed: 19.05.2025).
5. Kale S. Structures of Power: Electrification in Colonial India // “Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East”, 34, № 3, 2014.
6. Ibragimova K.A. Energy Sector of India: Past and Present // “MGIMO Review of International Relations”, № 2 (53), 2017. PP. 109–130.
7. Number of Towns and Villages Electrified in India. Energy – Statistical Year Book India, 2018. Ministry of Statistics and Programme Implementation. URL: <http://www.mospi.gov.in/statistical-year-book-india/2018/185> (Accessed: 19.05.2025).
8. Access to electricity (% of population) – India. World Bank, Sustainable Energy for All (SE4ALL) database from the SE4ALL Global Tracking Framework. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.ACCS.ZS?locations=IN> (Accessed: 19.05.2025).
9. Modi claims all Indian villages have electricity but India Today report says otherwise // India Today. 29 April 2018. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/pm-modi-claims-all-indian-villages-have-access-to-electricity-india-today-ground-report-says-otherwise-1223078-2018-04-29> (Accessed: 19.05.2025).
10. Electricity Generated (from utilities), Distributed, Sold and Lost. Energy – Statistical Year Book India, 2018. Ministry of Statistics and Programme Implementation. Government of India. URL: <http://www.mospi.gov.in/statistical-year-book-india/2018/185> (Accessed: 19.05.2025).
11. Power Sector at a Glance “All India”. Government of India. Ministry of Power. URL: https://powermin.gov.in/sites/default/files/uploads/power_sector_at_a_glance_Feb_20-25.pdf (Accessed: 19.05.2025).
12. India eyeing 63,000 MW nuclear power capacity by 2032: NPCIL. October 11. 2010. The Economic Times. <https://economictimes.indiatimes.com/industry/energy/power/india-eyeing-63000-mw-nuclear-power-capacity-by-2032-npcil/articleshow/6730724.cms> (Accessed: 19.05.2025).

13. Nuclear Power in India. Updated Friday, 2 May 2025. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/india> (Accessed: 19.05.2025).
14. Cost of nuclear power proving high, DAE in a fix. // The Times of India. December 25. 2013. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/Cost-of-nuclear-power-proving-high-DAE-in-a-fix/article-show/27920490.cms> (Accessed: 19.05.2025).
15. An Indian nuclear power plant suffered a cyberattack. Here's what you need to know // Washington Post. November 4 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics-/2019/11/04/an-indian-nuclear-power-plant-suffered-cyberattack-heres-what-you-need-know/> (Accessed: 19.05.2025)
16. India, Russia discuss cooperation in third countries. World Nuclear News. 27 January 2020. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/India-Russia-discuss-cooperation-in-third-countrie> (Accessed: 19.05.2025).
17. Davtyan V. The Armenian nuclear power plant: problems of electricity export // "MATEC. Web of Conferences". V. 212, № 010, 2018. URL: <https://doi.org/10.1051/mateconf-/201821202010>.
18. Republic of Armenia, Law on Energy of the Republic of Armenia, 2001.03.22 /10 (142) (2001).
19. Apikyan S. *Diamond D. Nuclear Power and Energy Security*, Springer Science + Business Media B.V. 262, 2010.
20. Official visit of Prime Minister Nikol Pashinyan to the Russian Federation // Office of the Prime Minister of the Republic of Armenia. URL: <https://www.primeminister.am/ru/foreign-visits/item/2022/04/19/Nikol-Pashinyan-visit-to-Russia/> (Accessed: 26.08.2022).
21. Davtyan V., Khachikyan S. An Outlook for Indian "Peaceful Atom": Prospects of Indian-Armenian Cooperation in the Field of Nuclear Energy // "International Journal of Innovation", № 10 (2), 2020. PP. 11–20.
22. Davtyan V., Khachikyan S. Energy trilemma as an assessment tool for national energy systems on the example of the Republic of Armenia // "RUDN Journal of Economics". Vol. 30, № 2, 2022. PP. 139–154.
23. Davtyan V., Khachikyan S. Assessment of energy sustainability of the EAEU countries using the energy trilemma index // "Economic and social problems of Russia", № 1 (61), 2025. PP. 50–64.

NUCLEAR ENERGY IN INDIA: INSTITUTIONAL EXPERIENCE AND COOPERATION POTENTIAL WITH ARMENIA

V. Davtyan, S. Khachikyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The development of India's nuclear energy sector and its institutional experience was analyzed, including the stages of infrastructure formation, scientific and technical capacity, and state policy in the field of "peaceful atom". Particular attention was paid to geopolitical and economic factors influencing energy diversification, production growth, and the implementation of innovative technologies. The possibilities for Indo-Armenian cooperation in the nuclear sphere were examined, including technology transfer, personnel training, and scientific research collaboration. The po-

tential of Armenia was emphasized in the context of adopting Indian nuclear technologies and implementing joint projects, which may contribute to strengthening energy security and promoting innovative development.

Keywords: India, Armenia, nuclear energy, cooperation, diversification, security, geopolitics.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-26-36
УДК 2964

Поступила: 03.11.2025г.
Сдана на рецензию: 09.11.2025г.
Подписана к печати: 17.12.2025г.

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЛИТИКИ ПРОТЕКЦИОНИЗМА НА ЭКОНОМИКУ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

М.А. Восканян¹, А.Т. Григорян²

*Российско-Армянский (Славянский) университет
anna.grig2612@gmail.com, mariam.voskanan@rau.com
ORCID¹:0009-0006-0561-9138, ORCID²: 0000-0002-5417-6648*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются роль и влияние протекционистской политики на макроэкономическую и отраслевую структуру развивающихся стран. Опыт малых и средних стран рассматривается на примере Литвы, Польши, Южной Кореи, Тайваня. В статье рассматривается, как ограничение импорта и стимулирование местного производства повлияли на рост ВВП, экспорт, долю промышленного производства в ВВП и показатели занятости выбранных стран. В статье используются относительно аналитический и сравнительный методы, подчеркивающие, что протекционизм может быть эффективным инструментом только при эффективном выборе младенческой отрасли и всеобъемлющем и системном применении.

Ключевые слова: протекционизм, младенческие отрасли, ВВП, экономический рост, промышленность, экспорт, занятость, развивающиеся страны.

Введение

Протекционизм как форма экономической политики направлен на защиту отечественных производителей от иностранной конкуренции посредством введения тарифов, квот или субсидий. Он развивался как классическая форма государственного вмешательства, создавая благоприятную среду для развития новых или недостаточно развитых секторов. Идея протекционизма восходит к меркантилистской школе, которая утверждала, что государство должно стимулировать экспорт и ограничивать импорт, обеспечивая положительный торговый баланс и накопление национального богатства [1].

В современных условиях протекционизм становится все более актуальным для стран, стремящихся снизить свою внешнюю зависимость и укрепить внутреннюю производственную базу. Этот подход особенно важен для малых и средних развивающихся стран, чья экономическая структура часто основана на экспорте сырья и ограниченном промышленном потенциале [2]. Эти

страны чувствительны к колебаниям внешних рынков, инфляционному давлению и глобальным экономическим потрясениям, следовательно, правительства прибегают к контролю импорта или государственной поддержке для обеспечения стабильности внутреннего рынка.

Протекционистские инструменты включают в себя не только тарифы, но и импортные квоты, экспортные субсидии, технические стандарты и политику государственных закупок, направленную на стимулирование внутреннего производства. Государство выступает в роли регулятора экономической системы, создавая условия, в которых новые отрасли могут развиваться без прямого давления со стороны международных конкурентов [3].

Для малых и средних развивающихся стран протекционизм часто является первым шагом к экономической самодостаточности и индустриализации. Эта политика не только увеличивает внутреннее производство, но и стимулирует технологические инновации и занятость. Успешно реализуя временную защиту и последовательно продвигаясь к открытию рынка, государство может стать конкурентоспособной страной-экспортером, как это сделали Южная Корея и Тайвань во второй половине XX века.

Поэтому протекционизм следует рассматривать не как экономическую изоляцию, а как прогрессивную стратегию. Он может стать основным двигателем экономических преобразований при условии его реализации в разумные сроки и сопровождения институциональными реформами.

Цель – оценить влияние протекционистской политики на макроэкономический рост и экономическую структуру на примере развивающихся стран.

Задачи:

- раскрыть теоретические основы протекционизма;
- изучить его роль в малых и средних странах;
- проанализировать влияние протекционизма на ВВП и промышленность;
- провести сравнение последствий проведенных политик в постсоветских и азиатских странах.

Теоретический обзор

В экономической теории протекционизм рассматривается как политика ограничения внешней торговли, направленная на стимулирование внутреннего производства и защиту национальной экономики от иностранной конкуренции. Такой подход противоречит идеологии свободной торговли, которая подразумевает открытую и нерегулируемую рыночную среду без государственного вмешательства. Сторонники протекционистского гимна утверждают, что без какой-либо формы государственной защиты развивающиеся страны не смогут конкурировать с технологическими преимуществами развитых экономик [1].

Классическим обоснованием протекционистской политики является теория «новорожденной промышленности» (младенческой отрасли), сформулированная Фридрихом Листом. Лист утверждал, что развивающиеся отрасли должны получать временную защиту в виде тарифов, квот или государственных субсидий до тех пор, пока они не достигнут уровня, позволяющего им конкурировать на международном рынке без государственной поддержки [2]. По его мнению, свободная торговля может быть эффективной только тогда, когда все страны имеют сопоставимые промышленные базы и технологические уровни. Если развивающаяся страна открывает свой рынок без предварительной защиты, местное производство сокращается, а зависимость от продукции развитых стран возрастает.

Позднее эта идея получила развитие в кейнсианской и структурной школах экономики как поэтапный механизм экономического роста. Протекционизм стал важным элементом экономической политики во второй половине XX века, особенно в случае «азиатских тигров» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг), которые использовали государственное вмешательство и политику контроля над торговлей для защиты и развития отечественной промышленности, пока не стали конкурентоспособными на международном уровне [3].

Более того, в современных теориях протекционизм рассматривается не только как защитный, но и как стратегический инструмент развития. Дани Руло и Г.А. Дхун Чан подчеркивают, что временные ограничения могут способствовать развитию технического прогресса, повышению производительности и экономической диверсификации. С этой точки зрения протекционизм не противоречит правилам мировой экономики, а, скорее, является средством создания условий равенства.

Таким образом, протекционизм можно охарактеризовать как переходную, прогрессивную и целенаправленную экономическую политику, которая позволяет развивающимся странам трансформировать структуру производства, укреплять промышленный потенциал и постепенно переходить к конкурентоспособной, экспортноориентированной экономической модели.

Макроэкономические показатели оценки включают в себя:

- темпы роста ВВП,
- долю промышленности и сельского хозяйства в ВВП,
- соотношение экспорта и импорта,
- структуру занятости.

Результаты

Протекционизм как экономическая политика является многогранным инструментом, эффективность которого зависит от корректного выбора отрас-

лей и согласованности с другими мерами государственной политики. Несмотря на то, что после Второй мировой войны и основных геополитических перестроек XX-го века, почти все страны предприняли торговый протекционизм для поддержки внутреннего ослабшего производства, большинство стран с на тот момент относительно развитыми сельским хозяйством сделали упор именно на аграрный протекционизм. Однако успех проведенных мер оказался неоднозначен, например для таких стран как Литва, Латвия, Молдова, Польша.

В период с 1950-х по 1970-е годы Польша и Литва, будучи частью Советского Союза, применяли защитные меры, сосредоточенные на поддержке сельского хозяйства как основы национальной продовольственной безопасности. В Польше, начиная с 1950-х годов, вводились высокие импортные пошлины на продукты питания, такие как мясо и молочные продукты (35–40%), зерно и муку (до 50%), а также были установлены квоты на импорт сахара и мяса из Западной Европы. Помимо этого, правительство предоставляло субсидии на удобрения и оборудование (около 15% общей стоимости) и гарантированные закупочные цены, превышавшие рыночные. Эти меры помогли стабилизировать внутренние поставки, но не способствовали увеличению производительности: урожайность зерновых возросла всего на 11% в период с 1960 по 1975 год, а доля экспорта сельскохозяйственной продукции снизилась с 6,5% до 3,8% от общего объема экспорта страны. Среднегодовой рост ВВП составлял 3–4%, доля же промышленности ВВП увеличилась на 2% (до 34%) [4], [5].

В Литве аналогичные меры применялись через советскую систему государственного планирования и взаимного субсидирования фермеров. С начала 1960-х годов налоговые льготы и субсидии на топливо и оборудование распространялись на зерновые и молочные фермы, а импорт продовольствия в регионе Балтии регулировался централизованными квотами, действующими как скрытый тариф. Сельское хозяйство Литвы в период 1965–1975 гг. получало около 28–30% всех капитальных вложений, однако производительность труда выросла менее чем на 8%, а доля промышленности в общей продукции республики оставалась примерно на уровне 40%, зарегистрировав лишь двухпроцентный рост. Среднегодовой рост ВВП составлял не более 3%. Протекционизм, ориентированный на аграрный сектор, укрепил низкую технологическую динамику и не способствовал индустриализации [6], [7], [8].

В то время, когда страны Восточной Азии начинали активные инвестиции, их экономическое преимущество проявлялось в отраслях с низким уровнем технологий. Япония, Южная Корея и Тайвань не обладали опытом в автомобильном и судостроительном производстве и не имели достаточного капитала для вложений в эти капиталоемкие области. Несмотря на рекоменда-

ции Всемирного банка о том, чтобы сосредоточиться на своих сильных сторонах, таких как производство риса, шелка или париков, эти страны установили высокие тарифы на импорт и запретили ввоз определенных товаров, а также предоставили значительные субсидии местным производителям в целевых отраслях. Несмотря на то, что на первый взгляд такой подход является рискованым, без такой защиты, их компании могли бы быть вытеснены с рынка международными конкурентами.

Тайвань

После Второй мировой войны правительство Тайваня последовательно использовало комбинацию таможенных барьеров, ограничений на импорт и целевых стимулов для развития новых секторов, однако подход и инструменты изменялись со временем. В 1950–60-е гг. доминировала политика замещения импорта с жесткой защитой местного производства, но с середины 1950-х произошел постепенный переход к мерам, направленным на стимулирование экспорта и переработку импортированного сырья. Был значим отбор отраслей для поддержки. Несмотря на низкую промышленную развитость страны, большинство мер было направлено на поддержку промышленности во всех ее аспектах, а не на сельское хозяйство, что было бы логичным в то время.

Таблица 1. Протекционистская политика Тайваня, 1950–1975 гг.
[9], [10], [11].

Отрасль / товар	Период	Меры	Тарифы и инструменты	Цель
Текстиль	1955–65	Пошлины, квоты, запреты импорта	Тариф на готовые изделия 45%; лицензирование и запреты на импорт ткани	Создание внутреннего производства, переход к экспорту после 1961 г.
Пищевая промышленность	1955–65	Тарифы, льготные кредиты	40–50% на импорт готовых продуктов	Развитие переработки и сельхозпроизводства
Бумажная промышленность	1958–65	Пошлины и субсидии на оборудование	45–50% на готовую бумагу; 10% на целлюлозу	Импортозамещение и технологическое развитие
Швейная и обувная	1955–70	Тарифы и лицензии	35–45% на готовые изделия	Поддержка мелких производителей, рост экспорта

Отрасль / товар	Период	Меры	Тарифы и инструменты	Цель
Электро-ника	1961–70	Duty draw-back, экспортные зоны	35% на готовые изделия; 0% на компоненты	Формирование экспортно-ориентированной сборки
Металлооб-работка	1958–70	Селективная защита, льготы на оборудование	40–50% на изделия; нулевые ставки на станки	Освоение технологий, локальная сборка
Автосборка	1965–75	Запрет импорта готовых авто, нормы локализации	>60% на готовые авто, <10% на детали	Развитие национального автопрома

Экономическая стратегия острова сочетала умеренный протекционизм с активными образовательными и технологическими реформами (Табл. 1). Государство ограничивало импорт готовых изделий, одновременно инвестируя в науку и подготовку инженерных кадров. С 1950-х по 1980-е гг. среднегодовой рост ВВП составил 8%, а экономика прошла структурный переход от аграрной к индустриальной. В этот период был создан полупроводниковый кластер, ставший основой современной экспортной модели Тайваня. Пример страны подтверждает, что протекционизм эффективен лишь тогда, когда сопровождается инновационной политикой и развитием человеческого капитала.

Южная Корея

После Корейской войны правительство выстроило индустриальную стратегию, в которой протекционизм сочетался с жестким государственным планированием и селективной поддержкой частных корпораций (чеболей). В 1950-е годы, как и на Тайване, политика была ориентирована на импортозамещение, с высокими тарифами, импортными лицензиями и валютным контролем, обеспечивавшими защиту легкой промышленности: текстильной, обувной, пищевой. Однако уже с конца 1950-х начался постепенный поворот к экспортноориентированному росту: протекционизм стал инструментом не столько закрытия рынка, сколько временной поддержки с последующей интеграцией на внешние рынки. Государство активно вмешивалось в структуру экспорта, используя налоговые льготы, субсидии и преференциальное кредитование для предприятий, выполнявших экспортные планы.

Таблица 2. Протекционистская политика Южной Кореи, 1950–1975гг.
[12], [13], [14], [15], [16].

Отрасль / товар	Период	Меры	Тарифы и инструменты	Цель
Текстиль	1955–65	Тарифы, экспортные кредиты	40–50% на готовые изделия, экспортные субсидии 15–20%	Развитие конкурентного экспортного сектора
Судостроение	1965–75	Госгарантии, налоговые стимулы	Освобождение импорта оборудования от пошлин; субсидии до 30%	Формирование новой экспортной отрасли
Сталь (POSCO)	1968–75	Госфинансирование и защита	Пошлины до 40% на импорт стали; льготные кредиты	Создание национальной металлургической базы
Электроника	1966–75	Duty drawback, экспортные зоны	30–40% на готовые изделия, нулевые ставки на комплектующие	Переход к наукоемкому производству
Автомобилестроение	1962–75	Запрет импорта, локализация деталей	>60% на готовые авто; <15% на компоненты	Основание внутреннего автопрома
Химическая промышленность	1965–75	Тарифная защита, госинвестиции	40–50% на готовые химикаты	Развитие сырьевой и технологической базы
Машиностроение	1967–75	Кредиты и налоговые каникулы	Высокие тарифы на машины, низкие на станки	Освоение технологий и экспансия на внешние рынки

Если обратить внимание на последовательность отраслей, получивших поддержку, то можно заметить, что обе страны за 20 лет проведенной политики постепенно включали все новые отрасли, от менее капиталоемких и наукоемких (легкой промышленности) к наиболее капиталоемким (автомобилестроению, судостроению и химической промышленности), тем самым значительно повышая добавленную стоимость и долгосрочную отдачу от эффекта протекционизма (Табл. 2).

Резюмируя, после введения протекционистских мер в 1950–1960-х годах производство и экспорт ключевых отраслей Тайваня, особенно текстильной,

бумажной, пищевой и электронной, выросли в несколько раз, превратив страну из аграрной в индустриальную. К 1972 году экспорт увеличился с 170 млн до более 3 млрд долларов, а реальный ВВП за 1952–1973 годы вырос более чем в четыре раза, доля промышленности ВВП достигла 45%, что отражает эффективность протекционизма как основы для последующей экспортно-ориентированной модели развития экономики.

В Корее же за 1962–1979 гг. среднегодовой рост ВВП превышал 9%, а доля промышленности в структуре экономики увеличилась с 14% до более чем 35%. Экспорт вырос с 55 млн долл. в 1962 году до более 10 млрд долл. к 1978, что стало результатом перехода от легкой промышленности к тяжелой и химической.

Обсуждение

Обзор постсоветских и азиатских стран показывает, что успех протекционизма определяется не масштабом торговых барьеров, а выбором целевых отраслей и последовательностью проведения данной политики.

Если Литва и Польша применили аграрный протекционизм, то Южная Корея и Тайвань вместо выбора на тот момент наиболее развитых отраслей, сделали акцент на неочевидных в тот период отраслях, но рассчитывая на их высокую добавленную стоимость в долгосрочном периоде. В центре внимания оказались сначала такие менее капиталоемкие отрасли, как текстиль и пищевая промышленность, а уже в последующие годы акцент был переставлен на машиностроение, автомобилестроение, судостроение и химическую промышленность. Именно данные, не обладающие на тот момент экономическим потенциалом отрасли, сегодня являются локомотивом азиатских экономик.

Также важно отметить, что азиатские страны использовали протекционизм как временный инструмент, направленный на укрепление экспорта и развитие национальных корпораций. И сразу после укрепления национальных производств сделали переход к агрессивной глобализации, обеспечив диверсификацию экспорта и к концу рассматриваемого периода вышли на положительное сальдо торгового баланса по младенческим отраслям.

В обеих странах наблюдается сдвиг занятости из сельского хозяйства в промышленность, рост доли обрабатывающих отраслей в ВВП и укрепление экспортных позиций, тогда как в Литве и Польше не зарегистрировано увеличения доли сельского хозяйства в ВВП или же ощутимого роста производительности.

Таблица 3 Сравнительные характеристики.

Показатель	Малые страны	Страны среднего роста
Рост ВВП	Незначительный, краткосрочный 2–3% в Польше, 3–4% в Литве	Значительный и устойчивый (7–8% в год)
Структура экономики	Без существенных изменений преобладание сельского хозяйства в ВВП. Рост на 2% в обеих странах, до 38–40% (высокий показатель связан с проводимой по всему Союзу промышленной политикой)	Переход к индустриальной и технологической модели, доля промышленности в ВВП достигла 45% в Тайване и 35% – в Южной Корее
Экспорт	В Польше доля экспорта с/х продукции снизилась с 6,5% до 3,8% (для Литвы данные отсутствуют)	Рост экспорта за счет выбранных отраслей в 181,8 раз в Южной Корее, в 17.6 раз в Тайвани

Опыт стран среднего роста доказывает, что протекционизм может стать мощным стимулом экономической модернизации, если он реализуется в рамках долгосрочной стратегии, ориентированной на экспорт и технологическое обновление. Южная Корея и Тайвань продемонстрировали, что временная защита отраслей, сопровождаемая инвестициями в науку и образование, позволяет перейти от зависимости к инновационному развитию.

Сравнение малых экономик со странами среднего роста показывает одно ключевое различие: выбор тех самых младенческих отраслей и последовательность стимулирования данных отраслей.

Данный подход может быть имплементируем и в сегодняшних реалиях развивающихся малых экономик, однако требуется рациональная и глубокая оценка долгосрочного потенциала младенческих отраслей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krugman P. Obstfeld M.* International Economics: Theory and Policy. "Pearson", 2018.
2. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective, 2002.
3. *Rodrik D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century. "Harvard University", 2004.
4. Polish Statistical Yearbook (1976–1980).
5. FAO. Wine Production and Consumption in Eastern Europe, 1950–1980. Rome, 1984.
6. *Berend I.* Central and Eastern Europe, 1944–1993. Cambridge: "Cambridge University Press", 1996.
7. OECD. Agricultural Policies, Markets and Trade: Monitoring and Outlook, 1990.
8. *Lains P.* Productivity Growth in Agriculture and Industry in Eastern Europe, 2005.
9. *Wade R.* Governing the Market, Princeton University Press, 1990. Ch. 5–6; *Fei R. & Kuo.* Growth with Equality. The Taiwan Case. "Oxford University Press", New-York, 1979; Taiwan Statistical Data Book (CEPD, 1975).

10. *Fei R. & Kuo.* Growth with Equality. The Taiwan Case. "Oxford University Press", New-York, 1979; Council for U.S.-Taiwan Trade (1968). Taiwan's Economic Development.
11. *Haggard St.* Pathways from the Periphery. "Cornell University Press", 1990; CEPD, Taiwan Statistical Data Book (1973–1977).
12. *Amsden A.* Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford: "Oxford University Press", 1989.
13. *Wade R.* Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. "Princeton University Press", 1990.
14. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. "Anthem Press", 2000.
15. *Kim E.* Big Business, Strong State: Collusion and Conflict in South Korean Development, 1960–1990. "SUNY Press", 1997.
16. World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. Washington, D.C., 1993.

REFERENCES

1. *Krugman P. Obstfeld M.* International Economics: Theory and Policy. "Pearson", 2018.
2. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective, 2002.
3. *Rodrik D.* Industrial Policy for the Twenty-First Century. "Harvard University", 2004.
4. Polish Statistical Yearbook (1976–1980).
5. FAO. Wine Production and Consumption in Eastern Europe, 1950–1980. Rome, 1984.
6. *Berend I.* Central and Eastern Europe, 1944–1993. Cambridge: "Cambridge University Press", 1996.
7. OECD. Agricultural Policies, Markets and Trade: Monitoring and Outlook, 1990.
8. *Lains P.* Productivity Growth in Agriculture and Industry in Eastern Europe, 2005.
9. *Wade R.* Governing the Market, Princeton University Press, 1990. Ch. 5–6; *Fei R. & Kuo.* Growth with Equality. The Taiwan Case. "Oxford University Press", New-York, 1979; Taiwan Statistical Data Book (CEPD, 1975).
10. *Fei R. & Kuo.* Growth with Equality. The Taiwan Case. "Oxford University Press", New-York, 1979; Council for U.S.-Taiwan Trade (1968). Taiwan's Economic Development.
11. *Haggard St.* Pathways from the Periphery. "Cornell University Press", 1990; CEPD, Taiwan Statistical Data Book (1973–1977).
12. *Amsden A.* Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialization. Oxford: "Oxford University Press", 1989.
13. *Wade R.* Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. "Princeton University Press", 1990.
14. *Chang H.-J.* Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective. "Anthem Press", 2000.
15. *Kim E.* Big Business, Strong State: Collusion and Conflict in South Korean Development, 1960–1990. "SUNY Press", 1997.
16. World Bank. The East Asian Miracle: Economic Growth and Public Policy. Washington, D.C., 1993.

ANALYSIS OF THE IMPACT OF PROTECTIONIST POLICIES ON THE ECONOMIES OF DEVELOPING COUNTRIES

M. Voskanyan, A. Grigoryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article delves into the impact of protectionist measures on the economic frameworks of developing nations, both at the macroeconomic and sectoral levels. The experiences of Lithuania, Poland, South Korea, and Taiwan, as representative small and medium-sized countries, are utilized as case studies. The article investigates how limitations on imports and the support for local manufacturing have affected various economic indicators such as GDP growth, export figures, the proportion of industrial output in GDP, and employment rates in these nations. Employing a relatively analytical and comparative methodology, the article highlights that protectionism can yield positive results only when targeted towards suitable emerging industries and implemented consistently and comprehensively.

Keywords: protectionism, emerging industries, gross domestic product, economic development, manufacturing sector, exports, workforce, developing economies.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-37-49
УДК 338.43

Поступила: 11.06.2025г.
Сдана на рецензию: 13.06.2025г.
Подписана к печати: 09.09.2025г.

РАЗВИТИЕ УЧЕТНОЙ ТРИАДЫ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТАХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РФ

В.В. Говдя¹, Ж.В. Дегальцева²

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»*

govdya_v_v@inbox.ru, degalceva_1996@inbox.ru;

ORCID¹: 0000-0002-5408-4874; ORCID²: 0000-0003-2413-4276

АННОТАЦИЯ

Развитие современной экономики требует внедрения новых подходов к организации учета и управления ресурсами в хозяйствующих субъектах аграрного сектора экономики страны. Данная статья посвящена исследованию процесса эволюции традиционной учетной триады – бухгалтерского, налогового и управленческого учетов, – в условиях активного применения цифровых и информационных технологий. Рассматриваются перспективы интеграции инновационных решений, таких как системы интеллектуального анализа больших данных и автоматизации процессов обработки показателей бухгалтерской (финансовой) отчетности, позволяющие повысить прозрачность, эффективность и качество ведения предпринимательской деятельности в агропромышленном секторе экономики.

Особое внимание уделено вопросам гармонизации трех видов учета, способствующих принятию рациональных управленческих решений на всех уровнях хозяйствования от малых фермерских хозяйств до крупных агрохолдингов. Авторы выделяют ключевые факторы трансформации учетных практик, обосновывают необходимость адаптации методологии учета к современным требованиям рынка и предлагают рекомендации по повышению эффективности взаимодействия бухгалтерии, налоговой службы и подразделений управления хозяйствующим субъектом.

Исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение современных технологий создает предпосылки для дальнейшего развития цифровой инфраструктуры отрасли, повышает конкурентоспособность предприятий и организаций АПК и способствует устойчивому развитию сельского хозяйства страны.

Ключевые слова: учетная триада, инновационные технологии, цифровизация, развитие.

Введение

Эффективное ведение предпринимательской деятельности в современном мире невозможно без постоянного совершенствования методов и способов управления и учета ресурсов организации. Особенно это касается аграрных хозяйств, деятельность которых зависит от множества факторов, включая природные условия, цены на продукцию и доступность финансовых ресурсов. В условиях перехода к цифровой экономике особую значимость приобретает внедрение новых технологий в области учета и управления хозяйствующим субъектом. Одной из важнейших концепций современного бухгалтерского учета становится учетная триада, интегрирующая элементы финансового, управленческого и налогового учета.

Разработка механизмов эффективного взаимодействия различных видов учета позволит существенно упростить обработку значительных объемов информации, уменьшить вероятность возникновения ошибок и значительно сократить временные затраты персонала. Внедрение инновационных цифровых технологий станет залогом роста производительности труда и качества принимаемых решений в аграрной сфере экономики.

Цель данной статьи заключается в исследовании особенностей формирования и функционирования учетной триады в хозяйствующих субъектах агропромышленного комплекса, анализе влияния инновационных технологий на развитие данной учетно-аналитической системы и оценке перспектив дальнейшего развития интегрированного подхода к ведению всей учетно-контрольной и аналитической работы в сельском хозяйстве.

Ретроспективный анализ специальной литературы и в частности наиболее популярных научных работ Е.А. Асташевой [1], С.А. Банникова [2], И.Р. Ляпиной [3], В.Г. Негановой [4], Т.Б. Соболевской [5] и др. позволили выявить актуальные проблемы формирования цифрового информационного поля учетной триады и сформировать научную гипотезу исследования, а именно: интеграция бухгалтерского, налогового, управленческого и стратегического учетов в единую платформу обеспечивает комплексное управление финансовыми ресурсами организации, повышает прозрачность процессов, снижает риск ошибок и оптимизирует принятие решений руководством хозяйствующего субъекта.

Основная часть

Дефиниция «учетная триада» обозначает методологический подход к построению единой системы учета, объединяющий ключевые виды учета хозяйствующего субъекта: финансовый, управленческий и налоговый [6, 7]. Такая ин-

теграция направлена на повышение точности и оперативности обработки информации, улучшение качества аналитической базы и обеспечение прозрачной структуры внутренних процедур управления организацией (Рис. 1).

Рисунок 1. Формирование информационного поля и его использование учетной триадой хозяйствующего субъекта (разработано авторами).

Каждый компонент учетной триады имеет собственную сферу ответственности и цели. Финансовый учет предназначен для предоставления внешним пользователям объективной картины имущественного положения и результатов финансово-хозяйственной деятельности организации. Именно этот вид учета регламентируется нормативными актами и стандартами бухгалтерского учета [8, 9, 10].

Управленческий учет сосредоточен на внутреннем пользователе информации и служит инструментом поддержки оперативного управления предпринимательской деятельностью. Его главная цель – помощь руководителям и специалистам организации в принятии эффективных управленческих решений, контроле затрат, рациональном распределении и использовании ресурсов.

Налоговый учет регулируется налоговым законодательством и направлен на расчет налоговой базы и исчисление налогов. Этот аспект важен для соблюдения законодательства и минимизации риска санкций со стороны контролирующих органов.

Таким образом, учетная триада объединяет различные виды учета в единую систему, повышая общую информативность процесса ведения учета и обеспечивая формирование комплекса экономических показателей деятельности хозяйствующего субъекта.

Особенности внедрения учетной триады в организациях агропромышленного комплекса

Организационно-экономические условия ведения сельскохозяйственной деятельности накладывают ряд ограничений и требуют особого внимания к ряду аспектов, связанных с внедрением новой модели учета.

1. Высокая степень неопределенности. Производство готовой продукции сельского хозяйства существенно подвержено влиянию природно-климатических условий, эпидемий среди животных, птицы и растений, вариации цен на рынке ресурсов и готовой продукции. Поэтому важнейшей задачей является своевременный сбор актуальной информации и создание надежных моделей оценки рисков.

2. Специфичность учета активов и обязательств. Учет земель сельскохозяйственного назначения, животных, семян и удобрений, горюче-смазочных материалов и средств защиты растений и животных от вредителей и болезней отличается сложностью оценивания, особенностями амортизации объектов основных средств и нематериальных активов и налогообложения. Возникает высокая необходимость создания и использования резервов по сомнительным долгам.

3. Необходимость точной оценки запасов. Важнейшая задача – регулярный мониторинг уровня запасов материалов, готовой продукции и товаров, своевременное списание устаревших запасов и инвентаря, проведение инвентаризаций и переоценка товарно-материальных ценностей, стремление служб материально-технического обеспечения к достижению рационального запаса ресурсов.

4. Зависимость от государственной поддержки и регулирования хозяйственных процессов. Государственная поддержка играет важную роль в развитии аграрного сектора, и точное отражение предоставляемых субсидий и грантов, их эффективное и целевое использование также входит в задачи учета.

Эти факторы подчеркивают необходимость тщательной разработки стратегии внедрения учетной триады, учитывающей отраслевые особенности и местные реалии предпринимательской деятельности аграрных формирований.

Применение инновационных технологий в учете сельскохозяйственных организаций и предприятий. Инновационные технологические достижения играют ключевую роль в повышении эффективности и надежности ведения учета в сельском хозяйстве [11, 12]. Основные направления цифровизации включают:

- автоматизацию документооборота с использованием электронных подписей и облачных сервисов;
- расширение возможностей аналитики путем внедрения инструментов Big Data и искусственного интеллекта;
- повышение точности расчетов благодаря использованию автоматизированных алгоритмов и специализированных приложений;
- оптимизацию бизнес-процессов посредством внедрения ERP-систем и CRM-решений.

Среди наиболее перспективных технологических решений выделяются:

1) система электронного документооборота (ЭДО) – электронная передача документов и обмена данными между организациями снижает бумажную нагрузку и ускоряет прохождение платежей и оформления фактов хозяйственной жизни и операций;

2) автоматизированные программные комплексы обработки данных учета, такие как SAP Business One, 1C и аналоги, помогают организовать единый информационный центр для всех видов учета, обеспечивая удобство сбора, обработки и анализа информации;

3) использование геоинформационных систем (ГИС) позволяет эффективно управлять земельными ресурсами, контролировать состояние полей и вести точный учет урожайности агрокультур и продуктивности животных;

4) роботизация и автоматизация технологических операций, применяемые для быстрого заполнения типовых форм отчетности и снижения количества ошибок при вводе данных [13, 14, 15].

Оценка эффективности применения информационного поля учетной триады нами произведена по данным предпринимательской деятельности 78 аграрных формирований центральной природно-экономической зоны Краснодарского края. Хозяйства, отобранные в совокупности, имеют приблизительно одинаковые размеры площади земель сельскохозяйственного назначения, ведут традиционное аграрное предпринимательство, предусматривающее производство продукции растениеводства, животноводства и промышленную переработку аграрного сырья (Табл. 1).

Исследование проведено с применением анализа временных рядов и предиктивной аналитики, что позволило получить качественно новую информацию, расширяя границы традиционных подходов. В частности, использование новых стандартов и протоколов обеспечили совместимость разных информационных систем и платформ для интеграции различных видов учета в единую учетно-аналитическую систему. Работа была выполнена с применением SAP Integration Suite – облачной интеграционной платформы (iPaaS) [16, 17, 18]. Это дало возможность упростить интеграцию отдельных видов учета. В первую очередь, автоматизировать отдельные бизнес-процессы. Управленческий персонал быстро и эффективно стал обмениваться данными и

интегрировать необходимые для себя сервисы. Руководители разного уровня управления в объеме определенного доступа к базе данных получают полную картину состояния активов, обязательств и финансовых результатов предпринимательской деятельности, а автоматизация сбора и обработки данных минимизирует влияние человеческого фактора и сокращает количество ошибок.

Известно, что размер аграрного формирования характеризуется рядом признаков, отражающих его масштабы и возможности. К ним относятся, кроме указанных выше: количество и мощность сельскохозяйственной техники, численность трудовых ресурсов, общая стоимость оборотных и основных средств, а также выручка от реализации этой продукции.

Нами подсчитано, что для достижения цели исследования и для оценки эффективности использования информации, формируемой в учетной триаде аграрных формирований, будет вполне достаточно следующих признаков:

- площадь земель сельскохозяйственного назначения в среднем на одно хозяйство – 4500–6000 га;
- стоимость валовой продукции в действующих ценах за год 550 млн руб. и более;
- сумма выручки от продажи готовой аграрной продукции за год 400–500 млн руб.

Таблица 1. Оценка эффективности применения информационного поля учетной триады в управлении предпринимательской деятельностью аграрных формирований центральной зоны Краснодарского края.*

Наименование показателей	Организации с развитой учетно-аналитической системой	Организации с недостаточно развитой учетно-аналитической системой
2015г.		
Количество обследованных хозяйствующих субъектов	17	61
Наличие собственных оборотных средств в среднем на 1 хозяйство в группе, млн руб.	321	101
Произведено валовой продукции в расчете на:		
- одного среднегодового работника, тыс. руб.	5204	3222
- на 1 руб. основных средств, руб.	0,78	0,56
- на 1 га земель сельскохозяйственного назначения, тыс. руб.	160	129

Наименование показателей	Организации с развитой учетно-аналитической системой	Организации с недостаточно развитой учетно-аналитической системой
Рентабельность, %	33,1	18,9
2024г.		
Количество обследованных хозяйствующих субъектов	35	43
Наличие собственных оборотных средств, тыс. руб.	427	307
Произведено валовой продукции в расчете на:		
- одного среднегодового работника, тыс. руб.	7748	4924
- на 1 руб. основных средств, руб.	1,28	0,94
- на 1 га земель сельскохозяйственного назначения, тыс. руб.	204	169
Рентабельность, %	38,4	24,7

**Авторская разработка.*

Анализ показателей из Табл. 1 позволяет выделить среди обследованных организаций две основные группы. Первую группу составляют аграрные формирования, внедрившие в своей деятельности учетно-аналитические кластеры на базе программного комплекса «1С: Бухгалтерия сельскохозяйственного предприятия», дополненные модулями ERP. Эти организации интегрировали системы в единый комплекс, обеспечивая совместное использование общей базы данных для повышения эффективности управленческих решений и информационных потоков. В 2015г. в первой группе насчитывалось 17 хозяйствующих субъектов.

Эта категория хозяйств отличается наличием значительного объема собственных оборотных средств: в среднем на каждую организацию приходилось около 321 млн рублей. Высокий уровень собственного капитала подтверждает долгосрочную стратегию развития и планирования предпринимательской деятельности.

Аграрные хозяйства первой группы демонстрируют высокую производительность труда и эффективное использование земельных ресурсов. Так, на каждого среднегодового сотрудника приходился объем произведенной валовой продукции в действующих ценах 5,2 млн рублей, а на один гектар сель-

скохозяйственных угодий производилось продукции на сумму 160 тыс. рублей. Показатель фондоотдачи составлял в среднем 0,78 руб., свидетельствуя о разумном использовании основных средств.

Важнейшей характеристикой является высокая рентабельность производства сельскохозяйственной продукции, достигшая уровня 33,1% в 2015г. Данный показатель создает условия для устойчивого расширения производственных мощностей и поддержания высоких темпов роста бизнеса.

Среди лидеров данной категории выделяются такие известные агропромышленные объединения Краснодарского края, как АО фирма «Агрокомплекс» имени Н.И. Ткачева (Выселковский район), АО «Рассвет» (Усть-Лабинский район), ООО «Агрохолдинг Каневской» концерна «Покровский», ГАП «Ресурс».

Вторая группа организаций значительно превосходила первую по количеству участников: она включала 61 экономический субъект. Эти организации применяли цифровые технологии лишь фрагментарно, ограничиваясь отдельными направлениями учета: расчетами по труду и заработной плате, учетом основных средств, работой грузового транспорта и техники. Полноценное цифровое информационное пространство и формирование единых натуральных и стоимостных дескрипторов для всех трех направлений бухгалтерского учета здесь отсутствовали.

Аналогично оценке организаций первой группы, оценку предпринимательской деятельности второй группы организаций провели путем анализа нескольких ключевых показателей: наличия собственных оборотных средств, уровня производительности труда, эффективности использования основных средств и земельных угодий сельскохозяйственного назначения, а также итогового показателя – рентабельности производства сельскохозяйственной продукции. У хозяйств второй группы собственные оборотные средства составляют лишь треть от объема первой группы, уровень производительности труда ниже на 38,1%, а показатель рентабельности ниже на 14,2 процентных пункта. Для поддержания своей хозяйственной деятельности хозяйствующие субъекты этой группы активно привлекают заемное финансирование: в среднем один хозяйствующий субъект привлекал краткосрочные кредиты объемом от 2,2 до 4,8 млн рублей в расчете на каждое хозяйство в 2015г.

Исследование показало, что за период 2015–2024гг. количество сельскохозяйственных формирований, внедривших цифровую учетно-аналитическую систему для эффективного управления натуральными и стоимостными показателями, увеличилось на 18 единиц. Организации этой группы значительно повысили свою эффективность: собственные оборотные средства выросли на 106 млн рублей на одно хозяйство, производительность труда увеличилась на 48,9 процентных пункта относительно показателей 2015г. Важное значение имело участие всех участников исследования в национальном

проекте «Производительность труда». Рентабельность производства за указанный период возросла на 5,3 п.п., достигнув показателя 38,4% – уровень, гарантирующий возможность полного самообеспечения хозяйствующего субъекта ресурсами для дальнейшего развития и расширения деятельности.

Среди наиболее успешных хозяйств выделяются следующие: ООО «Агрофирма «Дядьковская», ООО «Золотой Колос», АО «Кубань» Кореновского района, ООО «Агрофирма Кубань» и АО «Луч» Динского района, ООО Агрофирма «Урожай XXI век», ООО «Победа» Брюховецкого района, ООО Племенной завод «Наша Родина» Гулькевичского района и др.

Хозяйствующие субъекты, недостаточно полно использующие потенциал информационного пространства учетной триады, за период 2015–2024гг. повысили эффективность использования ресурсов, хотя и уступают показателям организаций-лидеров агропромышленного комплекса. Проведенное исследование выявило, что среди указанных хозяйствующих субъектов идет постепенная оптимизация информационных процессов посредством цифровых технологий учета. Специалисты Минсельхоза и пищевой промышленности Краснодарского края совместно с учеными Кубанского государственного аграрного университета оказывают им помощь в развитии информационной инфраструктуры. Основная задача региональных экспертов – распространение лучших практик внедрения учетной триады. Значимую роль в данном процессе играет государственная поддержка агропромышленной отрасли, выступающая ключевым фактором ее устойчивого роста.

Однако внедрение таких технологий связано с рядом трудностей, среди которых выделим нехватку квалифицированных кадров, высокую стоимость программного обеспечения и отсутствие стандартов совместимости используемых систем. Для преодоления этих препятствий необходим последовательный подход к цифровизации, постепенное расширение компетенций персонала и разработка четких регламентов эксплуатации новых технических решений.

Перспективы и рекомендации по развитию учетной триады в агрокомплексе

Дальнейшее развитие учетной триады предполагает углубленную работу по следующим направлениям:

- 1) создание единого информационного пространства внутри хозяйствующего субъекта, обеспечивающего быстрое получение достоверных сведений обо всех аспектах предпринимательской деятельности;
- 2) формализация требований к качеству и полноте информации, поступающей в систему учета, с целью уменьшения вероятности искажений и улучшения сопоставимости данных, определение рационального объема натуральных и стоимостных дескрипторов;

3) совершенствование методики подготовки отчетности и порядка определения налогооблагаемой базы, соответствующей требованиям российских нормативных актов;

4) подготовка специалистов высокой квалификации, владеющих современными методами ведения учета, обладающими глубокими знаниями и компетенциями в области IT-технологий и экономики сельского хозяйства.

Кроме того, целесообразно проводить регулярные исследования и обмен опытом между различными субъектами АПК, разрабатывать стандарты корпоративного управления и аудита, соответствующие новым условиям рыночной конкуренции и глобальной цифровизации экономики.

Заключение

Сегодняшний этап развития отечественной экономики характеризуется активным внедрением инновационных технологий во все сферы жизни общества, включая сельское хозяйство. Система учетной триады, созданная на принципах комплексного учета, способна стать эффективным инструментом для устойчивого развития аграрных формирований, снижения рисков потерь и увеличения прибыльности.

Процесс внедрения учетной триады должен осуществляться поэтапно, учитывая уникальные характеристики каждого конкретного хозяйствующего субъекта и потенциальные барьеры технологического характера. Правильная организация внутреннего контроля, современные цифровые инструменты и грамотное распределение полномочий между работниками управления позволят минимизировать потери и добиться существенного прироста прибыли даже в сложных рыночных условиях.

Таким образом, развитие учетной триады является важным этапом эволюции российского агропромышленного комплекса, направленным на достижение стратегически важных целей устойчивого развития отечественного сельского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асташова Е.А.* Модель цифровой трансформации предприятий АПК / Е.А. Асташова, Н.А. Кузнецова, Л.В. Зинич // «Вопросы инновационной экономики». Т. 12, № 4, 2022. СС. 2341–2356.
2. *Банников С.А.* Сущность и этапы цифровой трансформация в АПК / С.А. Банников, Т.Г. Гарбузова, Т.Н. Ковалева // «Вестник НГИЭИ», № 11 (150), 2023. СС. 65–76.
3. *Ляпина И.Р.* Моделирование и проектирование потребностей пользователей в цифровой экономике / И.Р. Ляпина, Е.В. Сибирская // «Среднерусский вестник общественных наук». Т. 18, № 5, 2023. СС. 151–171.
4. *Неганова В.П.* Цифровой потенциал компании: комплексный подход к его реализации / В.П. Неганова // «Экономика и управление». Т. 29, № 12, 2023. СС. 1491–1498.

5. Пономарев М.С. Проблемы и перспективы автоматизации учета в агропромышленном комплексе / М.С. Пономарев, Ю.Ф. Складова // «Бухгалтерский учет и аудит», № 2, 2023. СС. 27–34.
6. Киреева Н.Н. Современные подходы к формированию учетной политики предприятия / Н.Н. Киреева, В.Н. Ширококов // «Российский экономический журнал», № 5, 2022. СС. 32–41.
7. Пономарев М.С. Проблемы и перспективы автоматизации учета в агропромышленном комплексе / М.С. Пономарев, Ю.Ф. Складова // «Бухгалтерский учет и аудит», № 2, 2023. СС. 27–34.
8. Асташова Е.А. Модель цифровой трансформации предприятий АПК / Е.А. Асташова, Н.А. Кузнецова, Л.В. Зинич // «Вопросы инновационной экономики». Том 12, № 4, 2022. СС. 2341–2356.
9. Киреева Н.Н. Современные подходы к формированию учетной политики предприятия / Н.Н. Киреева, В.Н. Ширококов // «Российский экономический журнал», № 5, 2022. СС. 32–41.
10. Соболевская Т.Б. Роль информационно-коммуникационных технологий в совершенствовании бухгалтерского учета и отчетности в сельском хозяйстве / Т.Б. Соболевская, Е.А. Петухова // «Экономический анализ: теория и практика», № 4, 2023. СС. 15–22.
11. Банников С.А. Сущность и этапы цифровой трансформации в АПК / С.А. Банников, Т.Г. Гарбузова, Т.Н. Ковалева // «Вестник НГИЭИ», № 11 (150), 2023. СС. 65–76.
12. Неганова В.П. Цифровой потенциал компании: комплексный подход к его реализации / В.П. Неганова // «Экономика и управление». Т. 29, № 12, 2023. СС. 1491–1498.
13. Лавренко Е.В. Цифровая трансформация промышленности: российский и зарубежный опыт / Е.В. Лавренко, М.Н. Мечникова // «Вестник Сибирского Института Бизнеса и Информационных технологий. Сибирский институт бизнеса и информационных технологий». Т. 11, № 1, 2022. СС. 47–52.
14. Пономарев М.С. Проблемы и перспективы автоматизации учета в агропромышленном комплексе / М.С. Пономарев, Ю.Ф. Складова // «Бухгалтерский учет и аудит», № 2, 2023. СС. 27–34.
15. Чепурной А.П. Информационная система управления сельскохозяйственным производством / А.П. Чепурной, В.Д. Яковенко // «Журнал экономической теории», № 1, 2023. СС. 12–19.
16. Ляпина И.Р. Моделирование и проектирование потребностей пользователей в цифровой экономике / И.Р. Ляпина, Е.В. Сибирская // «Среднерусский вестник общественных наук». Т. 18, № 5, 2023. СС. 151–171.
17. Сафронова О.И. Инновационные технологии в управлении сельским хозяйством / О.И. Сафронова, Л.Ю. Демидов // «Ученые записки Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова», № 3, 2022. СС. 10–18.
18. Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesbuck F. Options for formulating a digital transformation strategy // “MIS Quarterly Executive”. Vol. 15, № 2, 2022. PP. 123–139.

REFERENCES

1. Astashova E. Model of digital transformation of agricultural enterprises / E. Astashova, N. Kuznetsova, L. Zinich // “Issues of innovative economics”. Vol. 12. № 4, 2022. PP. 2341–2356.

2. *Bannikov S.* The essence and stages of digital transformation in the agro-industrial complex / S. Bannikov, T. Garbuzova, T. Kovaleva // "Bulletin of NGIEI", № 11 (150), 2023. PP. 65–76.
3. *Lyapina I.* Modeling and designing user needs in the digital economy / I. Lyapina, E. Sibirskaya // "Central Russian Bulletin of Social Sciences". Vol. 18, № 5, 2023. PP. 151–171.
4. *Neganova V.* Digital potential of the company: an integrated approach to its implementation / V. Neganova // "Economics and Management". Vol. 29, № 12, 2023. PP. 1491–1498.
5. *Ponomarev M.* Problems and prospects of accounting automation in the agro-industrial complex / M. Ponomarev, Yu. Sklyarova // "Accounting and audit", № 2, 2023. PP. 27–34.
6. *Kireeva N.* Modern approaches to the formation of an enterprise's accounting policy / N. Kireeva, V. Shirobokov // "Russian Economic Journal", № 5, 2022. PP. 32–41.
7. *Ponomarev M.* Problems and prospects of accounting automation in the agro-industrial complex / M. Ponomarev, Yu. Sklyarova // "Accounting and audit", № 2, 2023. PP. 27–34.
8. *Astashova E.* Model of digital transformation of agricultural enterprises / E. Astashova, N. Kuznetsova, L. Zinich // "Issues of innovative economics". Vol. 12, № 4, 2022. PP. 2341–2356.
9. *Kireeva N.* Modern approaches to the formation of an enterprise's accounting policy / N. Kireeva, V. Shirobokov // "Russian Economic Journal", № 5, 2022. PP. 32–41.
10. *Sobolevskaya T.* The role of information and communication technologies in improving accounting and reporting in agriculture / T. Sobolevskaya, E. Petukhova // "Economic analysis: theory and practice", № 4, 2023. PP. 15–22.
11. *Bannikov S.* The essence and stages of digital transformation in the agro-industrial complex / S. Bannikov, T. Garbuzova, T. Kovaleva // "Bulletin of NGIEI", № 11 (150), 2023. PP. 65–76.
12. *Neganova V.* Digital potential of the company: an integrated approach to its implementation / V. Neganova // "Economics and Management". Vol. 29, № 12, 2023. PP. 1491–1498.
13. *Lavrenko E.* Digital transformation of industry: Russian and foreign experience / E. Lavrenko, M. Mechnikova // "Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology". Vol. 11, № 1. Siberian Institute of Business and Information Technology, 2023. PP. 47–52.
14. *Ponomarev M.* Problems and prospects of accounting automation in the agro-industrial complex / M. Ponomarev, Yu. Sklyarova // "Accounting and audit", № 2, 2023. PP. 27–34.
15. *Chepurnoy A.* Information system for managing agricultural production / A. Chepurnoy, V. Yakovenko // "Journal of Economic Theory", № 1, 2023. PP. 12–19.
16. *Lyapina I.* Modeling and designing user needs in the digital economy / I. Lyapina, E. Sibirskaya // "Central Russian Bulletin of Social Sciences". Vol. 18, № 5, 2023. PP. 151–171.
17. *Safronova O.* Innovative technologies in agricultural management / O. Safronova, L. Demidov // "Scientific notes of the Plekhanov Russian University of Economics", № 3, 2022. PP. 10–18.
18. *Hess T., Matt C., Benlian A., Wiesbuck F.* Options for formulating a digital transformation strategy // "MIS Quarterly Executive". Vol. 15, № 2, 2022. PP. 123–139.

**DEVELOPMENT OF THE ACCOUNTING TRIAD IN THE
CONDITIONS OF APPLYING INNOVATIVE TECHNOLOGIES
IN BUSINESS ENTITIES OF THE AGRO-INDUSTRIAL
COMPLEX OF RF**

V. Govdya, Zh. Degaltseva

Kuban State Agrarian University named after I. Trublin

ABSTRACT

The development of the modern economy requires the introduction of new approaches to the organization of accounting and resource management in the business entities of the agricultural sector of the country's economy. This article is devoted to the study of the evolution of the traditional accounting triad – accounting, tax and management accounting – in the context of the active use of digital and information technologies. The prospects of integrating innovative solutions, such as big data mining systems and automation of accounting (financial) reporting processes, are considered to increase transparency, efficiency and quality of business activities in the agro-industrial sector of the economy.

Special attention is paid to the issues of harmonization of three types of accounting, contributing to the adoption of rational management decisions at all levels of management from small farms to large agricultural holdings. The authors identify the key factors of the transformation of accounting practices, substantiate the need to adapt accounting methodology to modern market requirements and offer recommendations for improving the efficiency of interaction between accounting, tax service and management units of an economic entity. The study allows us to conclude that the introduction of modern technologies creates prerequisites for the further development of the digital infrastructure of the industry, increases the competitiveness of agricultural enterprises and organizations and contributes to the sustainable development of agriculture in the country.

Keywords: accounting triad, innovative technologies, digitalization, development.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-50-73
УДК 336

Поступила: 30.10.2025г.
Сдана на рецензию: 14.11.2025г.
Подписана к печати: 30.11.2025г.

АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ НА ПРИМЕРЕ «АРКА» И «МИР»

В.Р. Лалабекова¹, И.А. Хагагортян²

*Российско-Армянский (Славянский) университет
varvara.lalabekova@rau.am, ingaingakh@gmail.com
ORCID¹: 0009-0000-4340-6156; ORCID²: 0009-0007-8170-4622*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу особенностей функционирования и перспектив развития национальных платежных систем на примере армянской «АрКа» и российской «Мир». Эти системы рассматриваются как важные инструменты укрепления финансового суверенитета, снижения зависимости от международных платежных инфраструктур и обеспечения бесперебойности внутренних расчетов. Проведен сравнительный анализ их структуры, целей, механизмов работы и текущего состояния. Основное внимание уделяется SWOT-анализу обеих платежных систем, что позволяет выявить их сильные и слабые стороны, определить возможности дальнейшего развития и угрозы, обусловленные внешнеэкономическими, технологическими и поведенческими факторами. На основе проведенного анализа предложены практические рекомендации по совершенствованию технологической инфраструктуры, укреплению доверия пользователей, расширению сферы применения и повышению кибербезопасности. Полученные результаты позволяют получить комплексное представление о задачах, возможностях и барьерах, с которыми сталкиваются национальные платежные системы в современных реалиях.

Ключевые слова: национальная платежная система, финансовая независимость, платежная инфраструктура, АрКа, Мир.

Введение

В условиях стремительных изменений глобальной финансовой системы и растущей цифровизации экономических процессов проблема обеспечения независимости и устойчивости национальных платежных систем приобретает особую значимость. В мире, где международные платежные системы могут в любой момент приостановить операции на территории отдельной страны, национальные аналоги становятся важнейшим гарантом бесперебойности расчетов внутри страны. Это особенно актуально для государств с высоким уровнем внешнеэкономической зависимости и активными миграционными потоками. При этом национальные платежные системы не только снижают риски отключения от

международных каналов, но и способствуют концентрации финансовых потоков в пределах национальной экономики, что, в свою очередь, улучшает контроль за денежным обращением, содействует борьбе с теневым сектором и усиливает налоговую дисциплину. В этой связи исследование механизмов функционирования национальных платежных систем и анализ их развития на фоне глобальных и внутренних вызовов на примере конкретных стран, таких как Армения и Россия, становятся не просто актуальным, но и стратегически необходимым направлением научного осмысления.

Основная часть

Современная экономика – это сложная система взаимосвязанных субъектов, основанная на денежных расчетах, связанных с поставками товаров, оказанием услуг и выполнением финансовых обязательств. Эффективная и стабильная система платежей и расчетов необходима для нормального функционирования экономики, оказывая влияние на развитие всех ее направлений, институтов и участников. Любые сбои или задержки даже на одном из участков этой цепи могут привести к сбоям в работе большого числа экономических агентов. Устойчивость платежных систем напрямую сказывается на стабильности национальной валюты. Следовательно, финансовая устойчивость рынка зависит от стабильности платежных систем, что требует государственного регулирования и надзора.

Платежные системы обеспечивают проведение безналичных денежных расчетов с помощью определенных правил и инструментов, являются связующим звеном между продавцом и покупателем. Можно считать, что платежная система несет функцию «артерий» для финансовой системы.

Основная функция платежной системы – обеспечение безопасности, эффективности, непрерывности и бесперебойности движения денежных средств.

В статье А.В. Комарова, М.В. Скрипниковой, Д.И. Цыганенко «Концепции создания и развития национальной системы платежных карт» [1] рассматриваются предпосылки формирования национальной системы платежных карт, включая экономические, технологические и регуляторные факторы, способствующие успешному внедрению таких систем. Ключевым элементом исследования является анализ опыта других стран, которые успешно реализовали свои системы. На основе международного опыта авторы вывели рекомендации по оптимизации процессов внедрения и функционирования национальной платежной системы.

В статье А.В. Глазунова, К.В. Швандар, А.А. Анисимова «Развитие национальных платежных систем как актуальная тенденция» [2] рассматриваются ключевые изменения, произошедшие на рынке платежных услуг за последние двадцать лет. Авторы отмечают сокращение доли наличных расчетов и переход потребителей к безналичным формам оплаты, прежде всего с использо-

ванием платежных карт, что стало важной чертой современной модели розничных платежей. Отдельное внимание уделяется рискам, сопровождающим переход на безналичную форму расчетов, включая проблемы киберугроз и необходимость надежной защиты персональных данных пользователей.

Роль платежных систем в национальной и мировой экономике

Возникновение и развитие платежных систем оказывают влияние на различные экономические субъекты. Рассмотрим, какие преимущества и недостатки они создают для основных участников финансовой системы.

Категория	Преимущества	Недостатки
Бенефициары	• Скорость и удобство платежей из любой точки мира и в любое время • Снижение риска потери денег (смартфон/банковская карта вместо наличных денег) • Доступность финансовых услуг (получение пенсий, социальных выплат и зарплаты на карту без посещения банка) • Контроль операций (история платежей, анализ расходов, повышение финансовой грамотности) • Доказательство оплаты (данные о платеже, возможность вернуть деньги через charge-back)	• Зависимость от интернета и технической стабильности системы • Комиссии при различных операциях, особенно международных • Риск мошенничества (фишинг, скимминг и т.п.) • Ограничения для пожилых людей и людей с низким уровнем цифровой грамотности
Банки	• Рост доходов от обслуживания кредитных карт (см. Рис. 1, Рис. 2) • Увеличение клиентской базы за счет молодежи и активных пользователей цифровых технологий • Снижение затрат на обслуживание наличных денег (расходы на инкассацию, логистику, содержание банкоматов и обеспечение безопасности операций) • Автоматизация процессов и снижение ошибок	• Снижение доходов от традиционных банковских услуг (см. Рис. 3, Рис. 4) • Киберугрозы и риск мошенничества (фишинг, взлом учетных записей, кража персональных данных, скимминг, установка вредоносного ПО и DDoS-атаки)

Категория	Преимущества	Недостатки
Государство	- Снижение теневой экономики (снижение возможности уклонения от налогов, проведения незаконных операций и сокрытия доходов) - Прозрачность и контроль за денежными потоками (анализ экономических процессов, контроль денежной массы и, как следствие, контроль инфляции и регулирование ставки рефинансирования) - Упрощение выплат (исключение затрат на обработку наличных средств, упрощение администрирования, снижение нагрузки на госструктуры, исключение посредников и минимизация риска мошенничества) - Быстрое реагирование при кризисах (быстрые переводы социальных выплат, перемещение денежных ресурсов и поддержка бизнеса, как при COVID-19)	- Высокие затраты на создание и поддержание (ПО, процессинговые центры, система безопасности, интеграция с банками и иными финансовыми организациями, маркетинг, обновление инфраструктуры, постоянные инвестиции) - Ограниченная международная приемлемость (например, «АрКа» работает только в Армении, «Мир» – ограниченно в 13 странах). - Риск монополизации - Ограниченные возможные инвестиции (снижение привлекательности для международных инвесторов, рост нагрузки на бюджет, возможная технологическая отсталость)

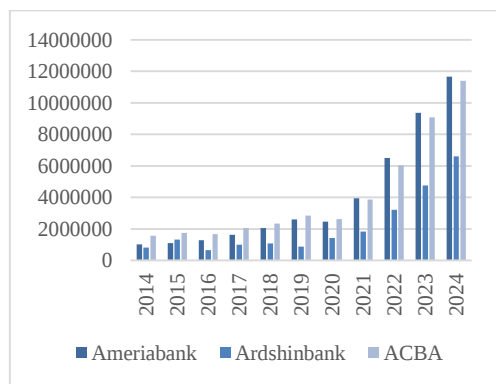

Рисунок 1. Доходы от обслуживания банковских карт (тыс. драмов) [3].

Анализируя график, можно заметить устойчивый рост доходов банков

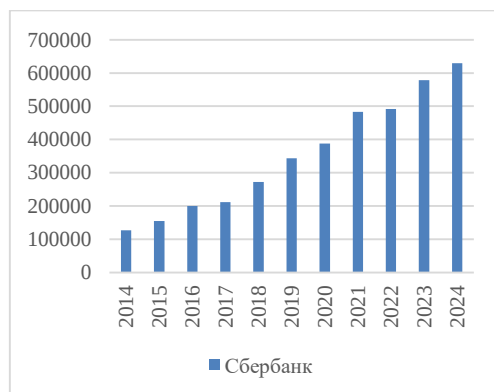

Рисунок 2. Доходы от обслуживания банковских карт (млн рублей) [5], [6].

В России наблюдается схожая тенденция: доходы от обслуживания карт

от обслуживания кредитных карт в период 2014–2024 гг. Особенно заметен скачок после 2021 г., что, вероятно, связано с принятием закона «О безналичных операциях» [4]. Также на рост могло повлиять большое количество эмигрантов из России, за счет которых увеличилось количество держателей карт.

демонстрируют постоянный рост. Однако после 2021 года темпы роста замедлились из-за экономической ситуации, санкционного давления и отказа международных платежных систем от работы в России.

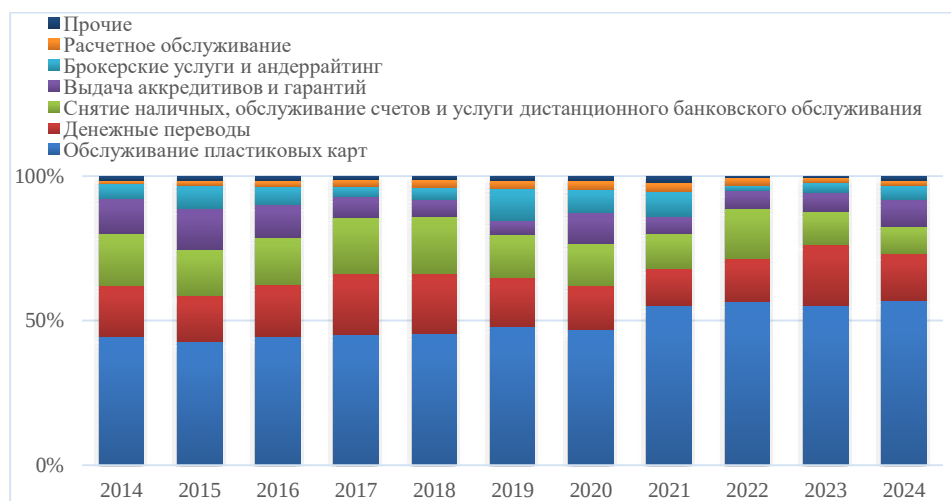

Рисунок 3. Сравнение доли традиционных банковских услуг и цифровых сервисов в общей структуре комиссионных доходов (Ameriabank) [7].

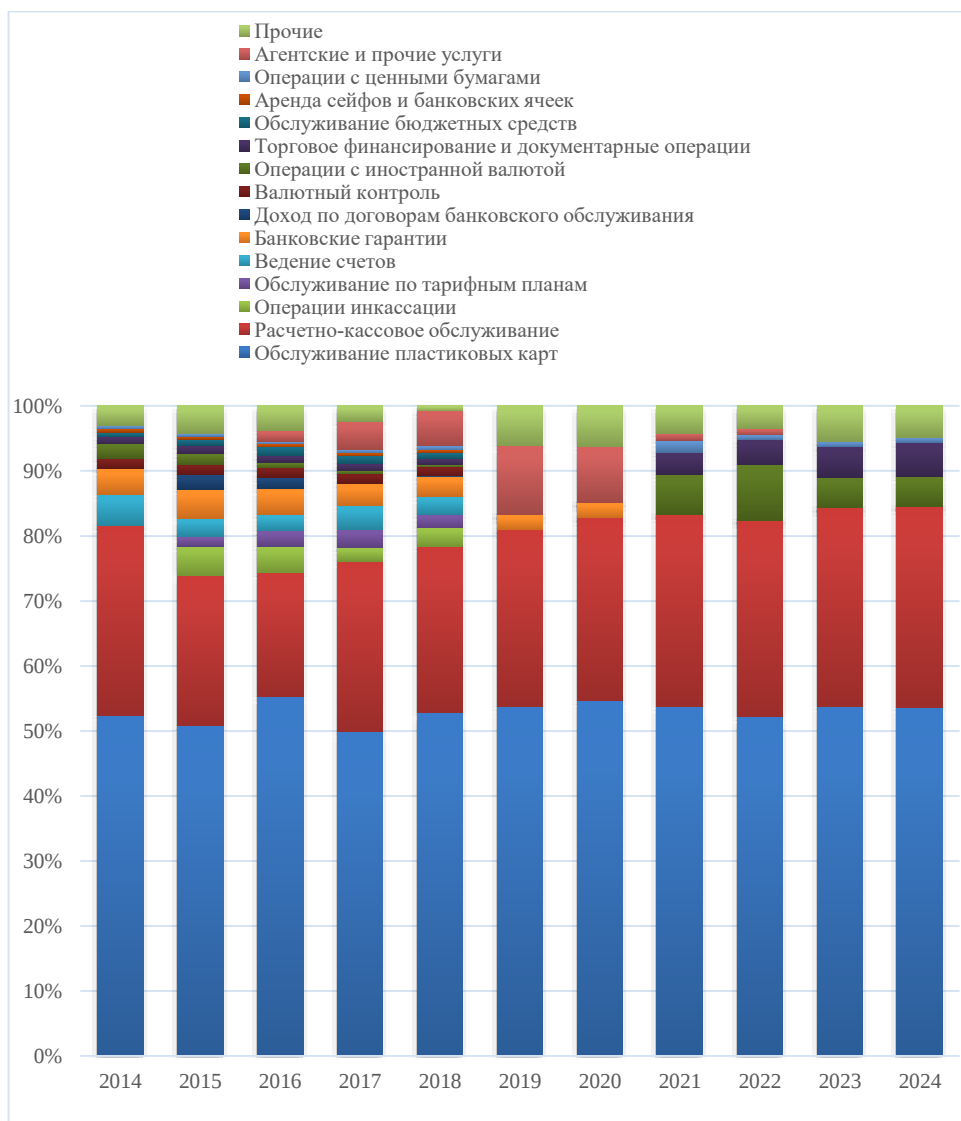

Рисунок 4. Сравнение доли традиционных банковских услуг и цифровых сервисов в общей структуре комиссионных доходов (Сбербанк) [8], [9].

На графиках видно, что доля в структуре комиссионных доходов традиционных банковских услуг, таких как расчетное обслуживание, снятие наличных и т.д., постепенно сокращается. Это свидетельствует о постепенном переходе клиентов к цифровым финансовым инструментам, уменьшению роли наличных расчетов и росту доверия к онлайн операциям.

Национальные платежные системы «АрКа» (Армения) и «Мир» (Россия) формировались как ответ на внешние вызовы и необходимость укрепления финансового суверенитета.

«АрКа» была запущена в 2000г. при поддержке Центрального банка Армении. Первоначально система использовалась только для внутренних операций, но затем интегрировалась с международными платежными системами, расширила сеть приема карт и внедрила новые технологии: бесконтактные платежи, мобильные сервисы, мгновенные переводы. Нормативную основу составляют закон «О платежно-расчетных системах» (2004) [10] и закон «О безналичных операциях» (2022) [11].

Анализ статистических данных платежной системы «АрКа».

По состоянию на 2024 год, общее количество платежных карт в Армении составило около 4.3 млн, что на 16.3% выше уровня предыдущего года. Из этого числа на карты «АрКа» приходится 18.8%, уступая Visa (51.3%) и MasterCard (22.6%) (Рис. 5). Это свидетельствует о том, что, несмотря на наличие собственной национальной платежной инфраструктуры, на рынке по-прежнему доминируют зарубежные игроки.

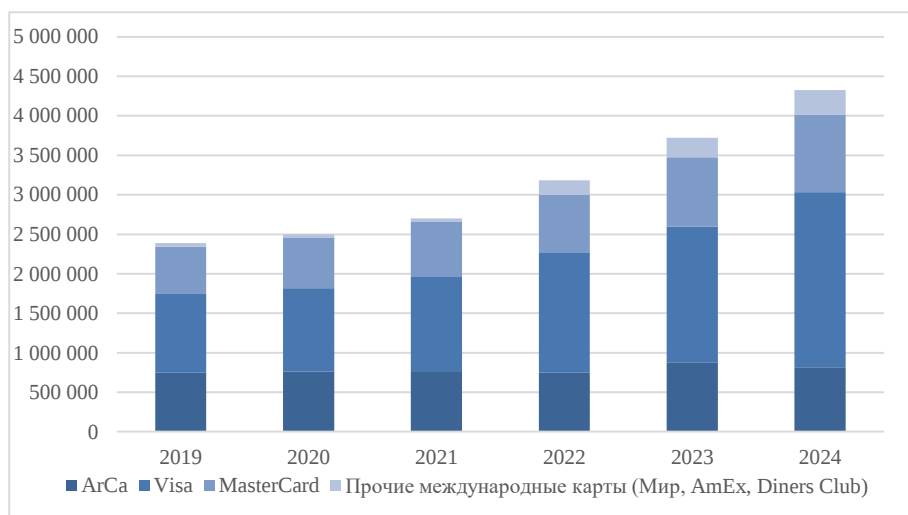

Рисунок 5. Доля платежных карт в Армении по типам ПС [12;13].

В 2024г. по всем платежным картам в Армении было совершено 419.5 млн транзакций на общую сумму 6.1 трлн драмов, что представляет собой рост на 23.8% и 8.6% соответственно по сравнению с 2023г. (Рис. 6)

Рост безналичных операций в стране во многом обусловлен введением закона «О безналичных операциях» [14], который поэтапно ограничивает использование наличных средств. В 2022г. закон вступил в силу в Ереване, в

2023г. – в областных центрах, а в 2024г. закон начал действовать на всей территории Республики Армения [15].

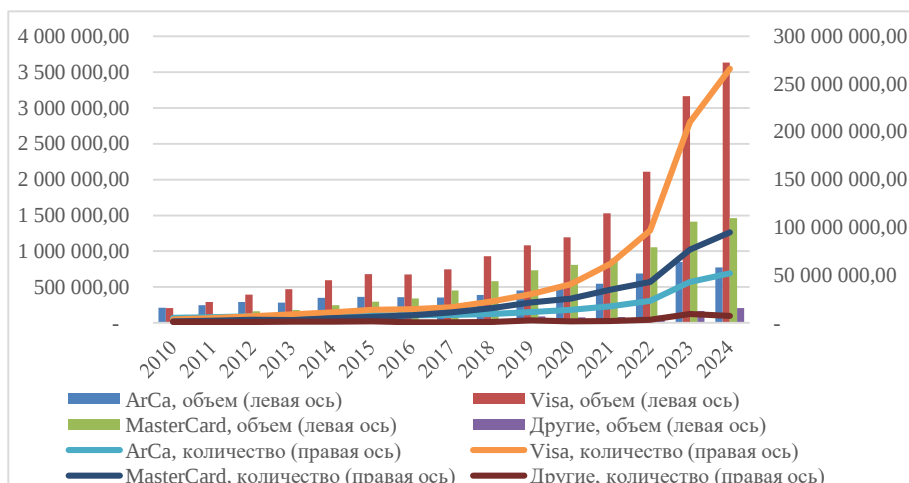

Рисунок 6. Объем и количество операций по картам (млн драмов) [16].

Инфраструктура для приема безналичных платежей также демонстрирует положительную динамику: количество POS-терминалов в 2024 году увеличилось на 9.6% и достигло 338.5 тыс. единиц. В то же время число банкоматов сократилось на 4.6%, составив 6.1 тыс. (Рис. 7). Это указывает на структурные изменения в платежной экосистеме страны, при которых акцент смещается в сторону развития безналичных инструментов и сокращения наличных операций.

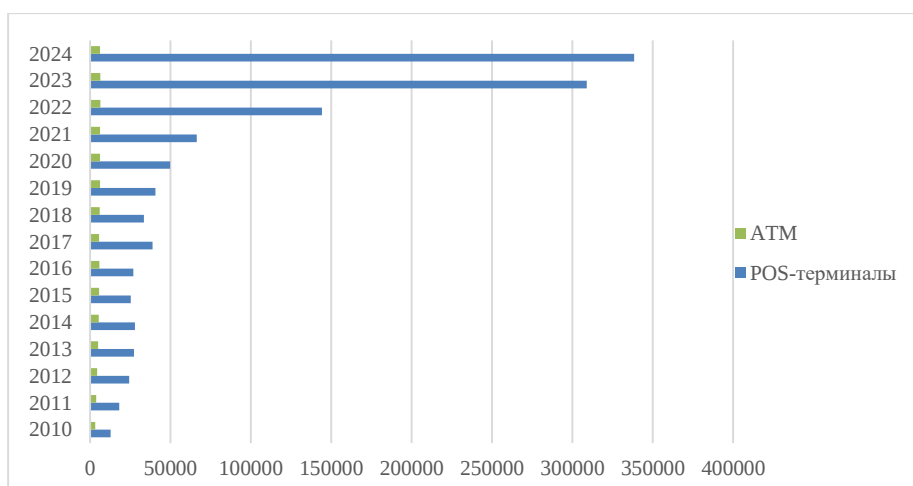

Рисунок 7. Платежная инфраструктура РА [17].

Анализ статистических данных платежной системы «Мир»

Создание системы «Мир» стало реакцией на санкции 2014г., когда Visa и MasterCard ограничили работу в России. В 2015г. Банк России официально запустил НПС. Ее быстрое распространение обеспечили поддержка крупнейших банков и обязательное использование для выплат пенсий и пособий. «Мир» также внедрила современные технологии и получила ограниченное международное признание. Регулируется система Федеральным законом «О национальной платежной системе» (2011) [18] и актами ЦБ.

За последние несколько лет количество платежных карт в России значительно выросло. Если в 2008г. их количество было около 455 млн, то в 2024г. этот показатель увеличился до 1.973 млрд (Рис. 8).

В 2016г. рынок платежных услуг практически полностью был занят международными системами Visa и Mastercard, а карты «Мир» находились на стадии внедрения. Однако уже с 2017г. их доля начала постепенно расти. Наибольшие изменения произошли в последние годы: к 2023г. «Мир» занял значительную часть рынка, что напрямую связано с введением санкционных ограничений и необходимостью поиска национальной альтернативы международным операторам (Рис. 9).

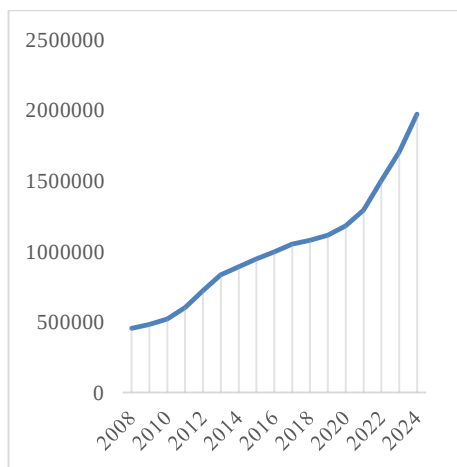

Рисунок 8. Количество платежных карт, эмитированных кредитными организациями и Банком России (тыс. ед.) [19].

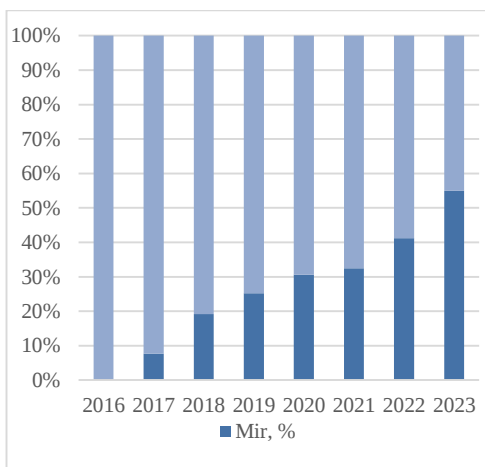

Рисунок 9. Доля платежных карт в России по типам платежных систем [20].

За период с 2016г. по 2023г. общее количество эмитированных карт платежной системы «Мир» возросло более, чем в 500 раз. К концу 2024г. в обращении находилось 400.6 млн карт, что составляет 77.7% от общего числа платежных карт в России (Рис. 10). Эти данные подтверждают стремительное

укрепление национальной системы и ее превращение в доминирующий инструмент на внутреннем рынке.

Кроме того, в 2024г. российский рынок продемонстрировал значительный рост транзакционной активности: было совершено 76 млрд операций на общую сумму 168.3 трлн рублей использованием расчетных и кредитных карт, эмитированных кредитными организациями и Банком России, что по сравнению с 2023г. соответствует росту количества операций на 0.03% и снижению объема операций на 1.9% (Рис. 11). Несмотря на незначительное снижение общего объема операций, рост числа транзакций свидетельствует о сохранении высокой активности пользователей и постепенном смещении акцента в сторону более частых, но менее объемных платежей, что может указывать на развитие безналичных расчетов в сфере повседневных расходов.

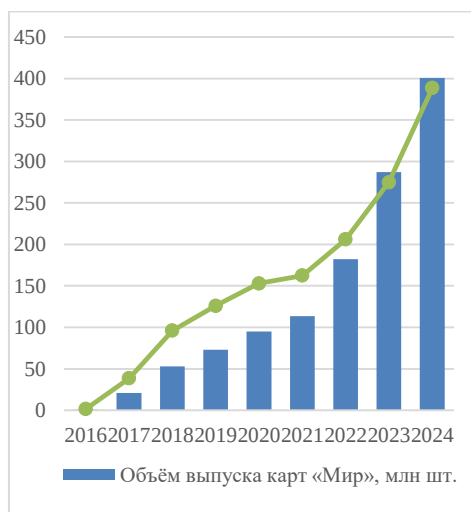

Рисунок 10. Эмиссия карты «Мир» в период 2016–2023гг. [21]

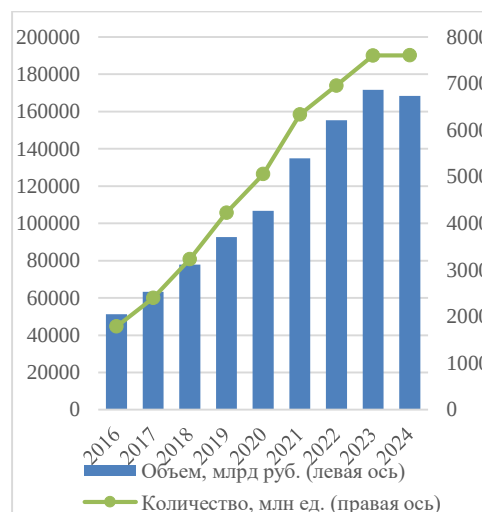

Рисунок 11. Объем и количество операций по картам [22].

Сравнительный анализ платежных систем «АрКа» и «Мир» позволяет выявить их сильные и слабые стороны. Оба проекта имеют национальный характер и направлены на обеспечение независимости платежной инфраструктуры. Учитывая значительный временной разрыв в 15 лет между запуском платежных систем «АрКа» и «Мир», можно отметить, что их траектории развития заметно различаются: «АрКа» развивалась постепенно и сохраняет статус абсолютно локальной системы, тогда как «Мир» за относительно короткий срок превратилась из национального проекта в систему, имеющую ограниченное, но международное распространение.

При всей успешности обеих систем, они сталкиваются с определенными трудностями. Для «АрКа» одной из ключевых проблем остается конкуренция с международными платежными системами, которые по-прежнему обладают

высокой популярностью среди населения. Для «Мир» основными вызовами являются санкционные ограничения, препятствующие дальнейшему расширению географии ее использования. Тем не менее, перспективы обеих систем остаются положительными: «АрКа» продолжает наращивать свою долю на внутреннем рынке, а «Мир» расширяет инфраструктуру и работает над увеличением числа партнеров за границей.

SWOT-анализы платежных систем

Для более глубокого понимания текущего положения национальных платежных систем «АрКа» и «Мир», а также для выявления перспектив их развития целесообразно провести SWOT-анализ, позволяющий определить сильные и слабые стороны, а также выявить возможности и угрозы внешней среды.

Таблица 1. SWOT-анализ платежной системы «АрКа».

Strengths (сильные стороны)	Weaknesses (слабые стороны)
1. Долговременное присутствие на рынке и узнаваемость среди населения 2. Широкая сеть банкоматов и терминалов в Армении 3. Низкие комиссии 4. Поддержка армянских банков и национального регулятора 5. Совместимость с международными платежными системами 6. Локальная обработка транзакций	1. Ограниченное международное использование и низкая узнаваемость за рубежом 2. Зависимость от экономической ситуации в стране 3. Низкая привлекательность для молодежи по сравнению с международными сервисами
Opportunities (возможности)	Threats (угрозы)
1. Увеличение числа участников 2. Рост доверия и узнаваемости 3. Продвижение среди диаспоры и туристов через программы лояльности 4. Развитие трансграничных операций 5. Совершенствование кибербезопасности	1. Конкуренция со стороны международных платежных систем 2. Ограниченность бюджета и ресурсов для модернизации 3. Киберугрозы 4. Геополитические угрозы

Сильные стороны

Национальная платежная система «АрКа» действует с 2000 года, и за более чем два десятилетия присутствия на рынке она прочно закрепилась в ин-

фраструктуре финансового сектора Армении. Ее долговременное существование и институциональная поддержка сделали «АрКа» узнаваемым брендом среди населения.

Платежная система «АрКа» охватывает практически всю территорию Армении благодаря сотрудничеству с большинством коммерческих банков страны. Все банкоматы и терминалы, установленные этими банками, по умолчанию поддерживают карты «АрКа». Особенно это важно для регионов, где присутствие международных платежных систем ограничено, а локальные карты обеспечивают базовую доступность к финансовым услугам. Кроме того, сеть охватывает банкоматы и терминалы в государственных учреждениях, больницах, аптеках и образовательных организациях, что делает использование «АрКа» удобным для повседневных операций.

Платежная система «АрКа» предлагает более низкие комиссии по сравнению с международными системами, так как все операции обрабатываются внутри страны оператором Armenian Card CJSC, без участия иностранных посредников. Это выгодно и для граждан, и для бизнеса, и для государственных структур.

«АрКа» функционирует при прямой поддержке Центрального банка Армении, который обеспечивает ее регулирование и развитие. Все армянские банки участвуют в системе и активно продвигают ее, особенно в рамках пенсионных и социальных программ.

Еще одним из преимуществ системы «АрКа» является возможность совместимости с международными платежными системами за счет кобейджинга. Армянские банки-участники «АрКа» сотрудничают с международными операторами Visa, MasterCard и «Мир», что позволяет выпускать карты с двойным брендом. Благодаря этому пользователи могут использовать одну карту как внутри страны с низкими комиссиями через систему «АрКа», так и за ее пределами – через соответствующую международную платежную систему.

«АрКа», как национальная платежная система, обладает высокой инфраструктурной устойчивостью, так как все транзакции обрабатываются внутри страны, через национальный процессинговый центр. Локальная обработка данных позволяет обеспечить более высокий уровень контроля, безопасности и непрерывности работы, дает возможность быстро реагировать на технические или операционные риски. Это дает системе стратегическое преимущество: даже при ограничении доступа к международным платежным системам, что может возникнуть из-за возможных санкций, сбоев в трансграничных расчетах или киберугроз, «АрКа» сохраняет полноценную работоспособность внутри страны.

Слабые стороны

Несмотря на устойчивое положение на внутреннем рынке, платежная система «АрКа» практически не представлена за пределами Армении. Карты, выпущенные без кобейджинга с международными платежными системами, не принимаются за рубежом, что значительно ограничивает возможности их использования для путешествий, онлайн-покупок в иностранных магазинах и международных денежных переводов. Это делает «АрКа» в первую очередь локальной системой, что, несмотря на ее эффективность в национальных границах, снижает конкурентоспособность на глобальном уровне.

Зависимость от внутренней экономики делает систему уязвимой к макроэкономическим колебаниям. В периоды экономической нестабильности снижается объем безналичных транзакций и растет доля наличных расчетов, что отрицательно сказывается на активности внутри страны. В отличие от международных систем, которые могут компенсировать убытки за счет операций в других странах, «АрКа» остается уязвимой к локальным экономическим рискам.

Среди молодежи платежная система «АрКа» значительно уступает в популярности международным платежным системам. В то время как международные системы предлагают гибкость, мгновенные переводы, возможность управления финансами через смартфон и удобные механизмы для онлайн-платежей, «АрКа» остается ориентированной на базовые функции. Это снижает ее привлекательность для технологически активных поколений, которые ожидают от платежных систем не только надежности, но и цифрового комфорта. В результате молодые пользователи все чаще выбирают международные или финтех-продукты, что ослабляет приток новых пользователей в систему и создает риски снижения ее актуальности в будущем.

Возможности

Одним из направлений развития платежной системы «АрКа» является расширение ее экосистемы за счет увеличения числа участников. Несмотря на то, что в настоящее время большинство армянских банков уже входят в систему «АрКа», остается потенциал для интеграции небанковских финансовых организаций, микрофинансовых структур и финтех-стартапов. В результате расширится функциональность системы и увеличится охват аудитории, особенно среди молодежи и представителей цифрового бизнеса.

Повышение доверия и узнаваемости бренда также открывает значительные возможности. Несмотря на то, что «АрКа» является первой национальной платежной системой в Армении, ее присутствие в общественном сознании все еще ограничено. Проведение масштабных информационных кампа-

ний с акцентом на безопасность, надежность и экономическую целесообразность использования «АрКа» способно изменить ситуацию. Важно, чтобы пользователи видели реальные преимущества: отсутствие комиссий за переводы внутри системы, защита данных, быстрые расчеты. Дополнительный импульс могут дать бонусы и скидки при использовании «АрКа» для оплаты товаров в определенных сетях. Такой подход формирует лояльность клиентской базы и устойчивую привычку к использованию карты.

Армянская диаспора насчитывает миллионы человек по всему миру, и многие из них регулярно посещают страну, поддерживают родственные связи и осуществляют переводы. Создание специализированных карт «АрКа» для диаспоры с бонусами за международные переводы, сниженными комиссиями, кешбэком в армянских магазинах и партнерских сервисах может стимулировать их использование. Аналогично, для туристов можно предложить удобные и безопасные туристические карты с мгновенной выдачей в аэропортах и отелях, с доступом к скидкам в популярных туристических точках, кафе, музеях и транспорте. Такие инициативы не только сделают «АрКа» привлекательной для новых категорий пользователей, но и станут источником дополнительной валютной выручки и усилят национальную финансовую систему за счет роста транзакционной активности и расширения международного присутствия бренда.

С учетом стремления Армении к углублению экономической интеграции с партнерами по ЕАЭС и в рамках других международных проектов, развитие трансграничных платежных решений становится стратегическим направлением. На данный момент карта «АрКа» ограничена использованием только на территории Армении, однако возможны партнерства с другими национальными платежными системами, например, с российской «Мир», с белорусской «Белкарт», с казахстанской «МСПД». Развитие трансграничной совместимости положительно скажется и на деловой активности, туристическом потоке и мобильности населения.

Развитие национальной платежной системы «АрКа» должно сопровождаться постоянными инвестициями в кибербезопасность, обновлениями программного обеспечения и внедрением международных стандартов защиты информации, таких как PCI DSS. Также важны образовательные инициативы – разъяснение правил безопасности поведения при использовании платежных карт и мобильных приложений. Внедрение таких решений поможет минимизировать риски и повысить доверие пользователей.

Угрозы

На армянском рынке существуют такие платежные гиганты, как Visa, MasterCard и UnionPay. Эти системы обладают высокой степенью доверия со стороны населения, глобальной инфраструктурой, поддержкой в сотнях

стран и продвинутыми технологиями безопасности. «АрКа» же ограничена в территориальной применимости и технологической гибкости. Пользователи, стремящиеся к универсальности, логично выбирают международные платформы, особенно в условиях свободного доступа к ним.

Функционирование и развитие национальной платежной системы требует значительных инвестиций. Это включает как техническую часть (серверы, программное обеспечение, терминалы), так и человеческий капитал (ИТ-специалисты, аналитики, служба поддержки), а также маркетинг и партнерские программы. Национальная экономика Армении, ограниченная по масштабам, не всегда способна обеспечить устойчивое финансирование подобных проектов, особенно в условиях конкуренции за ресурсы со стороны других приоритетных направлений (например, оборона, здравоохранение, образование).

Угроза киберпреступности усиливается во всем мире, и платежные системы становятся все более привлекательными мишенями для хакеров. Национальная система «АрКа» не исключение. Особенно высока угроза от организованных групп, включая те, что могут быть поддержаны государственными структурами недружественных стран. Проблема усугубляется тем, что надежная кибербезопасность требует не только технических решения, но и постоянного мониторинга, быстрого реагирования, обучения персонала, обновления оборудования. В условиях ограниченного бюджета и кадрового потенциала, сложно поддерживать надлежащий уровень защиты, что делает «АрКа» уязвимой в долгосрочной перспективе.

Развитие национальной платежной системы тесно связано с международной технологической кооперацией: установка оборудования, программного обеспечения, каналов связи и сертификаций. Любые геополитические осложнения, включая конфликты или ухудшение международных отношений, могут затруднить доступ к критически важным компонентам. К примеру, в случае ограничения поставок процессингового оборудования или программных модулей, возможны перебои в обслуживании или невозможность обновления системы. Геополитика может повлиять на сотрудничество с зарубежными банками, особенно в случае попытки расширения функциональности «АрКа» за пределами Армении. Кроме того, учитывая территориальную нестабильность и чувствительность региона, любые потрясения могут вызвать дестабилизацию финансового сектора в целом. Подобные риски затрудняют долгосрочное планирование и делают инвесторов более осторожными.

Таблица 2. SWOT-анализ платежной системы «Мир».

Strengths (сильные стороны)	Weaknesses (слабые стороны)
1. Независимость от международных систем и международной политической нестабильности 2. Содействие укреплению экономики и финансовой устойчивости страны 3. Интеграция с госуслугами и соцвыплатами 4. Спецусловия для социально уязвимых групп 5. Защита личных данных 6. Собственное мобильное приложение Mir Pay	1. Ограниченное международное признание 2. Зависимость от государственной поддержки 3. Технические сложности в использовании 4. Ограниченная популярность среди молодежи и активных пользователей цифровых сервисов
Opportunities (возможности)	Threats (угрозы)
1. Расширение географии применения карт 2. Развитие партнерства с дружественными государствами 3. Рост уровня общественного доверия 4. Увеличение количества бонусных программ и специальных условий обслуживания	1. Обязательное внедрение и ограничение конкуренции 2. Использование в качестве дополнительного механизма фискального контроля 3. Риски киберугроз и ограниченные ресурсы для защиты от них 4. Международные санкции

Сильные стороны

Платежная система «Мир» была создана после 2014г. как ответ на риски, связанные с санкциями и зависимостью от международных систем Visa и Mastercard. Тогда несколько российских банков столкнулись с ограничениями, что показало уязвимость национальной платежной системы. В 2022г. международные системы прекратили работу на территории Российской Федерации, но «Мир» продолжал функционировать, так как не зависит от иностранных процессинговых центров.

Она способствует поддержке национальной экономики, поскольку операции по картам обрабатываются внутри страны, а комиссии остаются в российской финансовой системе, не переходя международным игрокам, как это происходит при использовании Visa или Mastercard. В условиях санкционного давления и ограничения доступа к международным рынкам такая внутренняя устойчивость критически важна для сохранения стабильности финансового сектора. Она позволяет не только сохранить денежные потоки в экономике, но и перераспределять их в пользу отечественных банков и финансовых организаций.

С 31 декабря 2020г. перевод большинства государственных выплат, включая пенсии, стипендии, пособия и зарплаты бюджетников, осуществляется исключительно на карты «Мир» в соответствии с Федеральным законом [23]. Это решение позволило создать единый, централизованный канал для перечисления средств, что значительно упростило администрирование выплат и повысило их прозрачность.

Карты платежной системы «Мир» для отдельных категорий граждан обслуживаются на льготных условиях, что делает систему более доступной и ориентированной на социальную поддержку. Многие банки предоставляют по таким картам бесплатное обслуживание, пониженные комиссии или повышенные проценты на остаток средств. Кроме того, по инициативе государства и при поддержке платежной системы реализуется программа лояльности «Привет, Мир!» [24], в рамках которой держатели карт могут получать кешбэк и скидки в российских магазинах, аптеках и сервисах. Это делает повседневные траты менее обременительными для уязвимых слоев населения.

Платежные карты «Мир» обеспечивают высокий уровень защиты личных данных благодаря применению технологии MirAccept, разработанной на основе международного протокола аутентификации 3-D Secure. Эта технология используется при онлайн-платежах и служит дополнительным рубежом безопасности.

С 2019г. Mir Pay [25] предоставляет пользователям возможность совершать бесконтактные платежи, используя только смартфон, что особенно востребовано в условиях увеличения популярности мобильных устройств и цифровых решений. Это является одним из важнейших достижений платежной системы «Мир» в ее стремлении соответствовать современным технологическим стандартам.

Слабые стороны

Одним из основных ограничений платежной системы «Мир» остается ее слабая представленность за пределами России. Несмотря на попытки расширить географию обслуживания, карты «Мир» принимаются только в ограниченном числе стран, преимущественно в тех, которые имеют устойчивые экономические или политические связи с Россией, включая Армению. Однако даже в этих странах прием карт может быть ограничен по типу торговых точек или банков, а стабильность работы не всегда гарантирована. Попытки масштабировать присутствие системы «Мир» наталкиваются на санкционное давление: после 2022г. США ввели меры против иностранных банков, которые сотрудничают с НСПК (оператором системы «Мир»). В результате многие банки отказались от работы с этой системой, опасаясь вторичных санкций. Это значительно сократило возможности использования карт «Мир» за рубежом, даже в тех странах, где ранее они принимались.

Согласно исследованию Московской школы управления «Сколково» и НСПК, опубликованному РБК в 2021г., из 42% россиян, которые используют карту «Мир» в качестве основной, 84% оформили ее для получения социальных выплат, 40% – для зачисления зарплаты, и только 34% – по личной инициативе, без привязки к обязательным государственным выплатам [26]. Эти данные подчеркивают, что широкое распространение карт «Мир» обусловлено прежде всего административными требованиями, а не потребительским выбором. Это создает зависимость системы от постоянной государственной поддержки и снижает ее воспринимаемую конкурентоспособность в условиях свободного рынка.

Карты платежной системы «Мир» время от времени сталкиваются с техническими сбоями при оплате в интернете, переводах и снятии наличных. Это снижает доверие к системе и делает ее менее конкурентоспособной на фоне международных аналогов, где стабильность и скорость транзакций отлажены годами.

Карта «Мир» сохраняет низкую популярность среди молодежи и активных пользователей цифровых сервисов, которые чаще отдают предпочтение международным платежным системам. Молодая аудитория ориентирована на гибкость, удобство онлайн-платежей, подписки на зарубежные платформы, покупки в международных интернет-магазинах и интеграцию с глобальными платежными сервисами, где «Мир» либо не работает вовсе, либо поддерживается ограниченно. Кроме того, многие молодые пользователи ассоциируют карту «Мир» с административными требованиями, что также снижает ее привлекательность.

Возможности

Одним из ключевых направлений развития платежной системы «Мир» является ее международная экспансия. В условиях ограниченного доступа к международным системам российская платежная система становится основным инструментом трансграничных операций для граждан и бизнеса. Уже сегодня карта «Мир» частично принимается в странах СНГ и в ряде стран дальнего зарубежья. Однако это покрытие ограничено, и дальнейшее развитие возможно через заключение межправительственных соглашений и интеграцию с другими национальными платежными системами. Особенно перспективно выглядит создание кобейджинговых карт, сочетающие функционал «Мир» и зарубежных систем.

Дополнительно предложение карты «Мир» за рубежом может опираться на растущий поток российских туристов в дружественные страны. Если инфраструктура приема карт «Мир» будет расширяться в туристических зонах, это повысит привлекательность таких направлений для россиян и одновременно укрепит позиции платежной системы. На этом фоне Россия может

предложить поддержку локальным банкам и торговым предприятиям за границей в виде субсидий на подключение к инфраструктуре, совместных рекламных кампаний и технологической помощи.

Успех платежной системы во многом зависит от уровня доверия со стороны конечных пользователей. Несмотря на принудительный переход части населения на карту «Мир», особенно в госсекторе, до сих пор сохраняется скепсис к ее возможностям. Для преодоления этих барьеров необходимо активно улучшать пользовательский опыт: снизить количество технических сбоев, повысить качество клиентского обслуживания, обеспечить простоту и интуитивность интерфейсов. При этом важна обратная связь от пользователей и быстрая реакция на возникающие проблемы. Также имеет значение информационная политика. Многие граждане недостаточно осведомлены о преимуществах и новых возможностях карты «Мир».

Программа лояльности – один из самых действенных инструментов вовлечения и удержания пользователей. Система «Мир» уже реализует ряд бонусных программ, однако их охват и привлекательность пока ограничены. Для повышения интереса населения необходимо существенно расширить спектр кешбэков, скидок и привилегий, особенно в ключевых категориях повседневных расходов: аптеки, транспорт, продукты питания, ЖКХ, онлайн-услуги. Также стоит развивать тематические или социально ориентированные пакеты – например, для студентов, пенсионеров, многодетных семей. Такие пакеты могут включать повышенные кешбэки, льготные тарифы, скидки на госуслуги и транспорт, а также скидки в кинотеатрах, платформах онлайн-курсов, учебных заведениях для студентов. Чем больше конкретной и ощутимой выгоды пользователь получит от карты, тем выше будет уровень ее реально использования, а не формального наличия.

Угрозы

Одной из ключевых стратегий продвижения платежной системы «Мир» стало административное расширение сферы ее применения. Такое принудительное внедрение, с точки зрения государства, обеспечивает независимость от международных платежных систем. Однако подобный подход несет и серьезные риски для дальнейшего развития.

- Во-первых, в условиях монополизации платежного пространства и устранения конкуренции разработчики и операторы «Мир» могут ограничиться поддержанием базового уровня функциональности без стремления к технологическому совершенствованию.
- Во-вторых, принудительное использование карты формирует у части населения негативное отношение, особенно среди тех, кто ценит сво-

боду выбора. Это вызывает сопротивление и недоверие, что в долгосрочной перспективе замедляет добровольное распространение карты среди групп населения, не охваченных обязательствами.

Платежная система «Мир» функционирует на базе российской инфраструктуры, что обеспечивает полный контроль над данными о транзакциях. Для государственных органов это создает дополнительные возможности в сфере фискального контроля, включая мониторинг доходов самозанятых и малого бизнеса. Однако чрезмерная прозрачность может восприниматься как вторжение в финансовую приватность. В результате система рискует потерять лояльную пользовательскую базу, которая предпочитает альтернативные формы расчета, включая наличные или криптовалюту.

Сфера электронных платежей становится одной из наиболее уязвимых к кибератакам, и «Мир» – не исключение. Повышенное внимание со стороны недружественных государств и хакерских групп увеличивает вероятность целенаправленных атак на инфраструктуру национальной платежной системы. Обеспечение кибербезопасности требует постоянных инвестиций в технологии, обучение персонала, обновление протоколов защиты и реагирование на инциденты. Однако в условиях ограниченного доступа к международным ИТ-решениям и компонентам возможности для внедрения передовых средств защиты ограничены.

После 2022г. международные санкции ограничивают как доступ к зарубежным рынкам, так и возможности интеграции с международными финансовыми инструментами. Это приводит к тому, что карта «Мир» остается почти полностью «внутренним» платежным инструментом. Попытки расширить географию ее приема за рубежом сталкиваются с политическим давлением на банки других стран, сотрудничающих с российской системой. В результате ограниченная возможность использования карты за границей снижает ее ценность в глазах путешественников, бизнесменов и студентов, имеющих финансовые связи с другими странами.

Заключение

Проведенный анализ национальных платежных систем «АрКа» и «Мир» показал, что они играют ключевую роль в обеспечении финансового суверенитета и снижении зависимости от международных операторов. Несмотря на различия в масштабах и условиях их создания, обе системы доказали свою значимость как для экономики, так и для общества: «АрКа» – через устойчивость и стабильность внутри страны, «Мир» – через динамичное расширение и интеграцию с государственными программами.

Основными результатами исследования стали выявление сильных и слабых сторон данных систем, определение ключевых вызовов (технологических, организационных и репутационных) и формулирование направлений

совершенствования. В частности, важными задачами остаются развитие технологической независимости, расширение инфраструктуры, укрепление информационной безопасности, повышение доверия пользователей и стимулирование международного признания.

Опыт «АрКа» и «Мир» подтверждает: национальные платежные системы не ограничиваются функцией обработки транзакций, они выступают стратегическим инструментом экономической политики государства. Их дальнейшее развитие требует системной государственной поддержки, активного внедрения инноваций и ориентации на потребности пользователей. Только при соблюдении этих условий национальные платежные системы смогут укрепить внутренний рынок и занять достойное место в международной финансовой архитектуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комаров А.В., Скрипникова М.В., Цыганенко Д.И. Концепции создания и развития национальной системы платежных карт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-sozdaniya-i-razvitiya-natsionalnoy-sistemy-platezhnyh-kart>
2. Глазунов А.В., Швандар К.В., Анисимова А.А. Развитие национальных платежных систем как актуальная тенденция. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-natsionalnyh-platezhnyh-sistem-kak-aktualnaya-tendentsiya>
3. Акба банк. Финансовые отчеты. URL: <https://www.acba.am/en/reports>
4. Америабанк. Финансовые отчеты. URL: <https://ameriabank.am/investors/results/interim-financial-statements>
5. Ардшинбанк. Финансовые отчеты. URL: <https://ardshinbank.am/Information/financial-reports?lang=hy>
6. Закон Республики Армения от 18.01.2022 НО-12-N «О безналичных операциях». URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
7. Центральный банк Российской Федерации. Отчетность ПАО Сбербанк. URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/reports/?ogrn=1027700132195>
8. Сбербанк. Финансовые отчеты. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?tab=msfo>
9. Америабанк. Финансовые отчеты. URL: <https://ameriabank.am/investors/results/interim-financial-statements>
10. Центральный банк Российской Федерации. Отчетность ПАО Сбербанк. URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/reports/?ogrn=1027700132195>
11. Сбербанк. Финансовые отчеты. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?tab=msfo>
12. Закон Республики Армения от 24.11.2004 НО-150 «О платежно-расчетных системах и платежно-расчетных организациях». URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2144&lang=arm>
13. Закон Республики Армения от 18.01.2022 НО-12-N «О безналичных операциях». URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
14. Центральный банк РА. Платежно-расчетная система. Статистика и отчетность. URL: <https://www.cba.am/am/SitePages/psstatisticaldatareports.aspx>
15. Там же.

16. Закон Республики Армения от 18.01.2022 HO-12-N «О безналичных операциях». URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
17. ARKA News Agency. В Армении в 2023 году количество платежных карт выросло на 16.9%, до 3.7 млн, объем сделок достиг 6.7 трлн драмов. URL: <https://arm-banks.am/2024/02/21/205845/>
18. Центральный банк РА. Платежно-расчетная система. Статистика и отчетность. URL: <https://www.cba.am/am/SitePages/psstatisticaldatareports.aspx>
19. Там же.
20. Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/
21. Центральный банк РФ. Статистика национальной платежной системы. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/>
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же.
25. Федеральный закон Российской Федерации от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc-&base=LAW &n=491401&dst=100001#oFrayeUE3EbrYX9k>
26. ЮНИСТРИМ. Программа лояльности «Привет МИР». URL: <https://unistream.ru/cards/mir>
27. Banki.ru. Mir Pay: как оплачивать покупки телефоном и на каких смартфонах работает. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10973813>
28. РБК. Эксперты «Сколково» оценили популярность карт «Мир». URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/06/2021/60c22e929a7947e8a0bf588a>

REFERENCES

1. Komarov A., Skripnikova M., Tsyganenko D. Concepts of Creation and Development of a National Payment Card System: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-sozdaniya-i-razvitiya-natsionalnoy-sistemy-platezhnyh-kart>
2. Glazunov A., Shvandar K., Anisimova A. The Development of National Payment Systems as a Relevant Trend. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-natsionalnyh-platezhnyh-sistem-kak-aktualnaya-tendentsiya>
3. Acba Bank. Financial statements. URL: <https://www.acba.am/en/reports>
4. Ameriabank. Financial statements. URL: <https://ameriabank.am/investors/results/interim-financial-statements>
5. Ardshinbank. Financial statements. URL: <https://ardshinbank.am/Information/financial-reports?lang=hy>
6. Law of the Republic of Armenia dated 18.01.2022 HO-12-N “On non-cash transactions”. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
7. Central Bank of the Russian Federation. Statements of Sberbank OJSC. URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/reports/?ogrn=1027700132195>
8. Sberbank. Financial statements. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?tab=msfo>
9. Ameriabank. Financial statements. URL: <https://ameriabank.am/investors/results/interim-financial-statements>

10. Central Bank of the Russian Federation. Statements of Sberbank OJSC. URL: <https://cbr.ru/finorg/foinfo/reports/?ogrn=1027700132195>
11. Sberbank. Financial statements. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/groupresults?tab=msfo>
12. Law of the Republic of Armenia dated 24.11.2004 HO-150 “On payment and settlement systems and payment and settlement organizations”. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2144&lang=arm>
13. Law of the Republic of Armenia dated 18.01.2022 HO-12-N “On non-cash transactions”. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
14. Central Bank of the Republic of Armenia. Payment and Settlement System. Statistics and Reporting. URL: <https://www.cba.am/am/SitePages/psstatisticaldatareports.aspx>
15. Ibid.
16. Law of the Republic of Armenia dated 18.01.2022 HO-12-N «On non-cash transactions». URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=173387>
17. ARKA News Agency. In 2023, the number of payment cards in Armenia increased by 16.9% to 3.7 million, and the transaction volume reached 6.7 trillion drams. URL: <https://armbanks.am/2024/02/21/205845/>
18. Central Bank of the Republic of Armenia. Payment and Settlement System. Statistics and Reporting. URL: <https://www.cba.am/am/SitePages/psstatisticaldatareports.aspx>
19. Ibid.
20. Federal Law of the Russian Federation dated 27.06.2011 № 161-ФЗ «On the National Payment System». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/
21. Central Bank of the Russian Federation. Statistics of the National Payment System. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/>
22. Ibid.
23. Ibid.
24. Ibid.
25. Federal Law of the Russian Federation dated 27.06.2011 № 161-ФЗ «On the National Payment System». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=-LAW&n=491401&dst=100001#oFrayeUE3EbrYX9k>
26. UNISTREAM. “Hello MIR” Loyalty Program. URL: <https://unistream.ru/cards/mir>
27. Banki.ru. Mir Pay: How to Pay for Purchases with Your Phone and Which Smartphones Does It Work on? URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10973813>
28. RBC. Skolkovo experts assessed the popularity of Mir cards. URL: <https://www.rbc.ru/finances/15/06/2021/60c22e929a7947e8a0bf588a>

**ANALYSIS AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
NATIONAL PAYMENT SYSTEMS ON THE EXAMPLE OF
“ARCA” AND “MIR”**

V. Lalabekova, I. Khagagortyan
Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article analyzes the operating characteristics and development prospects of national payment systems, using the Armenian ArCa and Russian Mir systems as examples. These systems are viewed as important tools for strengthening financial sovereignty, reducing dependence on in-

ternational payment infrastructures, and ensuring the smooth flow of domestic payments. A comparative analysis of their structure, goals, operating mechanisms, and current status is provided. A primary focus is on a SWOT-analysis of both payment systems, which identifies their strengths and weaknesses, opportunities for further development, and threats posed by external economic, technological, and behavioral factors. Based on this analysis, practical recommendations are proposed for improving technological infrastructure, strengthening user trust, expanding the scope of application, and enhancing cybersecurity. The results provide a comprehensive understanding of the challenges, opportunities, and barriers facing national payment systems in today's environment.

Keywords: national payment system, financial independence, payment infrastructure, ArCa, Mir.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-74-87
УДК 33

Поступила: 25.06.2025г.
Сдана на рецензию: 27.06.2025г.
Подписана к печати: 20.07.2025г.

АНАЛИЗ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ АРМЕНИИ СО СТРАНАМИ СОВЕТА СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА¹

В.Р. Мнацаканян

Российско-Армянский (Славянский) университет
vilen.mnatsakanyan@rau.am
ORCID: 0009-0007-6344-6893

АННОТАЦИЯ

Актуальность

Торговые отношения между Арменией и странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) с начала 1990-х по 2024г. развивались на фоне стремительного роста экономической значимости региона. За последние десятилетия государства Персидского залива заняли ключевые позиции не только в мировой энергетике, но и в торговле, логистике, финансах и инвестиционной активности, превратившись из регионального центра в один из важных узлов глобальной экономики. На этом фоне торговые связи Армении со странами ССАГПЗ остаются ограниченными и слабо диверсифицированными: наблюдается высокая степень товарной и географической концентрации, сосредоточенной преимущественно на Объединенных Арабских Эмиратах. Рост экспортных объемов после 2022г. обусловлен расширением поставок ограниченного набора продукции, тогда как институциональная фрагментарность и отсутствие комплексной внешнеэкономической стратегии продолжают сдерживать развитие полноценного и устойчивого партнерства.

Методы и методология

В исследовании использованы официальные статистические данные о взаимной торговле, а также данные о товарной структуре экспорта и импорта с детализацией по стране торговли и стране происхождения, что позволило рассчитать коэффициент посреднической торговли. Применены методы структурного анализа экспортно-импортных потоков между Арменией и Объединенными Арабскими Эмиратами, а также ретроспективный и сравнительный подходы, что обеспечило комплексное понимание динамики и особенностей торговых отношений.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА (Научный проект № 24AA-5B054).

Результаты

Статистический анализ показал устойчивую концентрацию торговых потоков на ОАЭ как в импорте, так и в экспорте. После 2022г. наблюдается усиление товарной концентрации, что усиливает уязвимость торговли к внешним колебаниям.

Выводы

Отсутствие институционализированной внешнеэкономической политики в условиях краткосрочного положительного шока снижает вероятность устойчивого роста. Без стратегических мер по диверсификации и укреплению экономических связей текущее расширение торговли не приведет к долгосрочному развитию взаимных отношений.

Ключевые слова: Армения, страны ССАГПЗ, внешняя торговля, внешнеэкономическая политика, торговая структура.

Введение

За последние десятилетия страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) значительно укрепили свои позиции как в глобальной, так и в региональной экономике. Если в 1990г. доля ВВП стран Залива составляла 0,84% от мирового ВВП, 38,16% – от совокупного ВВП арабских стран и 27,73% – от общего ВВП региона MENA, то к 2023г. эти показатели выросли соответственно до 1,99%, 60,17% и 48,91% (График 1). Параллельно с экономическим ростом усилилось значение стран ССАГПЗ как финансового, инвестиционного и логистического хаба [1]. Это обусловлено как внутренней политической стабильностью, так и реализацией национальных программ экономической трансформации (в частности, стратегией Vision 2030 и аналогичными инициативами). Активное участие стран Залива в международных торговых и инфраструктурных проектах повышает их роль в мировой экономике и делает регион особенно привлекательным для государств, ориентированных на развитие внешнеэкономических связей [2].

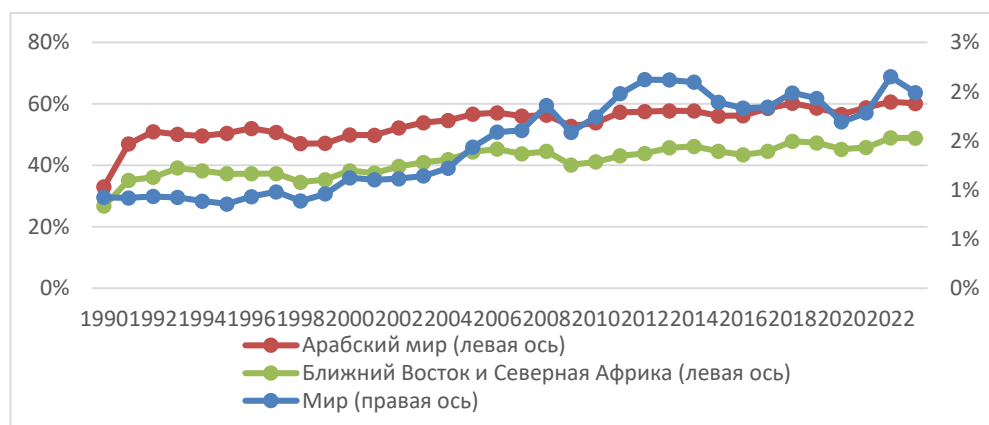

График 1. Доля ВВП ССАГПЗ в мире, Арабском мире и в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (в %).

Источник: база данных Всемирного банка: <https://data.worldbank.org/> [3].

С учетом географической близости Армении к региону Персидского залива, а также растущей роли стран ССАГПЗ в мировой торговле, исследование динамики и структуры экономических связей приобретает особую актуальность. Особенно это важно в условиях нарастающей глобальной турбулентности и после внешнеэкономического шока 2022г., приведшего к трансформации ряда международных торговых маршрутов и перераспределению экспортных потоков. В этом контексте заметен резкий рост армянского экспорта в Объединенные Арабские Эмираты при одновременном сохранении ограниченного круга экспортируемых товаров [4].

Основная часть (в виде подзаголовков, сформулированных автором)

Анализ торговых отношений Армении и стран ССАГПЗ

С точки зрения развития внешнеторговых отношений Армении со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), особое значение приобретает рассмотрение структуры внешнеторгового оборота как в разрезе экспортных, так и импортных потоков. За период 1995–2024гг. Объединенные Арабские Эмираты стабильно занимали положение основного экспортного партнера Армении среди стран региона (График 2). Этот факт подчеркивает центральную роль ОАЭ в формировании экспортной географии Армении в направлении ССАГПЗ.

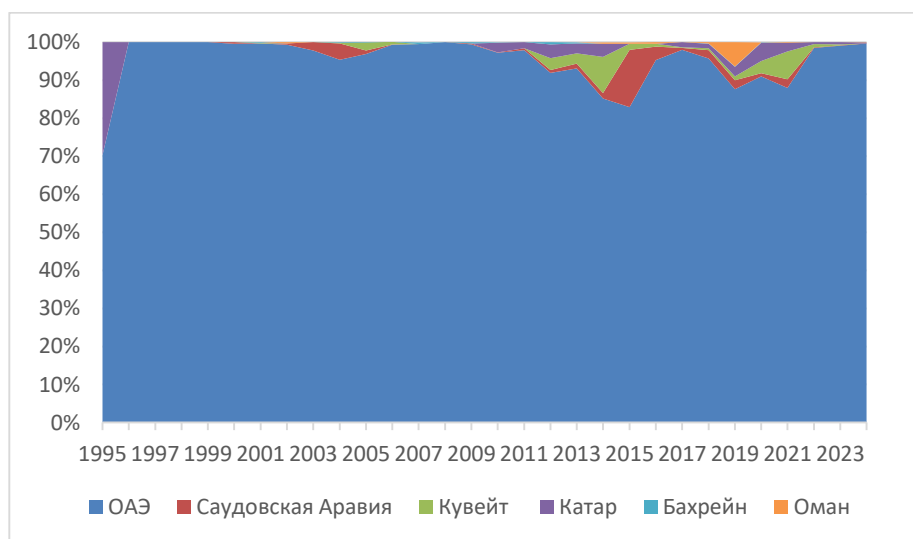

График 2. Экспорт Армении в страны ССАГПЗ (% по странам от общего экспорта в страны ССАГПЗ), 1995–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [5].

Особенно примечательно усиление экспортной концентрации после 2022г.: если в 2021г. на долю ОАЭ приходилось 88% от общего объема армянского экспорта в страны ССАГПЗ, то к 2024г. этот показатель достиг 99,64%. Подобная динамика свидетельствует не только о росте зависимости от одного торгового направления, но и об отсутствии диверсификации на уровне субрегионального внешнеэкономического взаимодействия.

Анализ импорта Армении из стран ССАГПЗ демонстрирует схожую картину: за исключением Объединенных Арабских Эмиратов, доля остальных государств региона в общем объеме ввоза остается стабильно низкой (График 3). Однако при рассмотрении импорта по странам происхождения структура оказывается менее концентрированной (График 4), что указывает на резекспортный характер части поставок. Это свидетельствует о том, что значительная доля товаров, поступающих в Армению из стран ССАГПЗ и сопредельных регионов, проходит через территорию ОАЭ. В этом контексте Эмираты выступают не только как основной торговый партнер, но и как ключевое звено в цепочке посреднической торговли, обеспечивая логистическое и коммерческое посредничество во внешнеэкономических связях Армении.

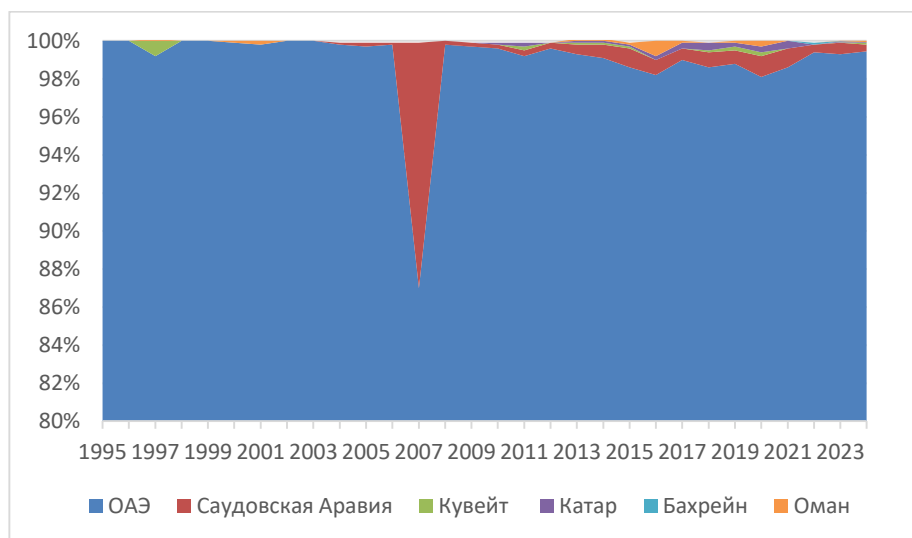

График 3. Импорт (по торгующей стране) Армении в страны ССАГПЗ (% по странам от общего импорта в страны ССАГПЗ), 1995–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [6].

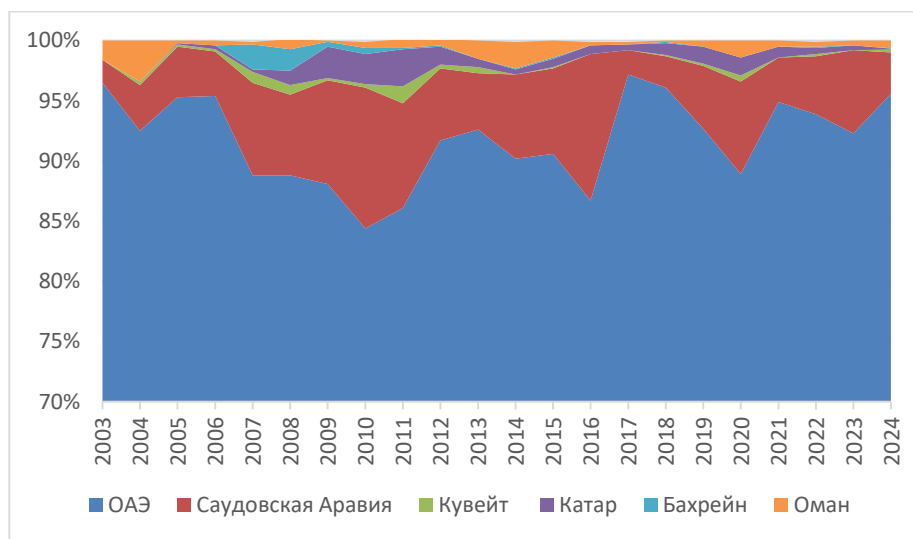

График 4. Импорт (по стране происхождения) Армении в страны ССАГПЗ (% по странам от общего импорта в страны ССАГПЗ), 2003–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [7].

Промежуточный характер торговых потоков через ОАЭ дополнительно подтверждается расчетом индекса посреднической торговли за период 2003–2024гг. В частности, в 2024г. данный индекс составил 443%, что означает, что объем экспорта из ОАЭ в Армению почти в четыре раза превысил объем продукции, произведенной непосредственно на территории страны (График 5). Эта диспропорция указывает на активное использование ОАЭ в качестве логистического и реэкспортного узла, особенно в рамках поставок товаров азиатского и ближневосточного происхождения.

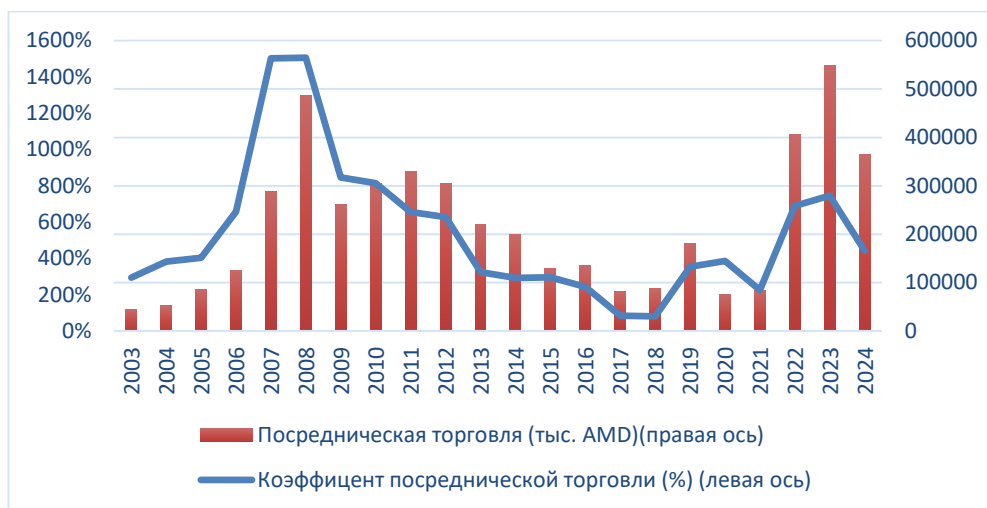

График 5. Коэффициент и абсолютное значение посреднической торговли между ОАЭ и Арменией, 2003–2024гг.

Источник: составлено автором на базе данных Статистической службы Республики Армения: <https://armstat.am/am/> [8].

Индекс посреднической торговли достиг пикового значения в 2008г., однако в последующие годы, на фоне глобального финансового кризиса и сокращения объемов мировой торговли, наблюдалась тенденция к снижению данного показателя. С 2017г. индекс вновь демонстрирует устойчивый рост, отражая усиливающееся значение Объединенных Арабских Эмиратов как логистического и торгово-посреднического узла в регионе. Такая зависимость сопровождается не только краткосрочными торговыми преимуществами, но и формирует стратегические риски, связанные с односторонней географической ориентацией и уязвимостью к политико-экономическим изменениям в одном государстве-партнере. Полученные результаты подчеркивают необходимость институционального пересмотра экспортно-импортной политики Армении в отношении стран Персидского залива и перехода от ситуационного взаимодействия к устойчивой и целенаправленной внешнеэкономической стратегии на субрегиональном уровне.

Экономическое значение ОАЭ в структуре внешней торговли Армении с ССАГПЗ

Для анализа перспектив развития внешнеэкономических связей Республики Армения со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) необходимо рассмотреть динамику и структуру торговых отношений с Объединенными Арабскими Эмиратами, которые на

протяжении последних лет выступают в качестве ключевого партнера Армении в данном субрегионе. В период с 2012 по 2024г. товарооборот между Арменией и ОАЭ увеличился в абсолютном выражении более чем в 40 раз, достигнув 5 701 783,388 тыс. долл. США. Доля ОАЭ в общем товарообороте Республики Армения в 2024г. составила 18,91% (см.: График 6), при совокупном приросте на уровне 244%. Основным фактором роста стал экспорт, обеспечивший основную динамику двусторонней торговли. Так, в рассматриваемый период экспорт из Армении в ОАЭ увеличился примерно в 5,9 раза и достиг 13 092 206,24 тыс. долл. США в 2024г., что составляет 40,14% от общего объема армянского экспорта (График 7). Данный показатель подтверждает исключительное значение ОАЭ как экспортного направления вне ЕАЭС и других традиционных рынков. Импорт из ОАЭ демонстрирует менее выраженную, но все же положительную динамику: с 2012г. он увеличился в 2,5 раза. В 2023 году его доля в общем объеме импорта Армении составляла лишь 0,93% (График 8). Однако в 2024г. произошел резкий скачок: объемы импорта выросли на 14 316%, с 119 213,8 тыс. долл. США до 17 066 882,29 тыс. долл. США. В относительном выражении это составило 2,63% от общего объема армянского импорта.

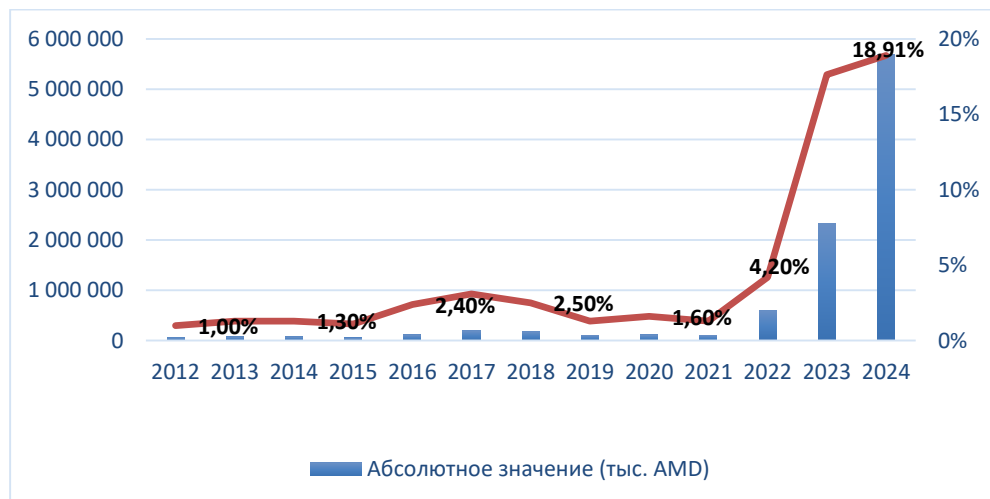

График 6. Товарооборот между Арменией и ОАЭ (абсолютное значение и % от общего объема), 2012–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [9].

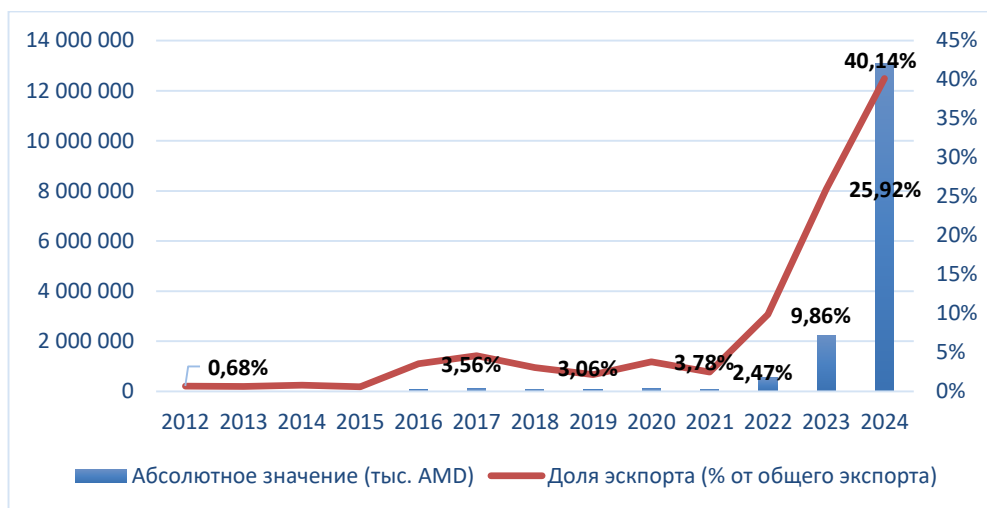

График 7. Экспорт Армении в ОАЭ (абсолютное значение и % от общего объема), 2012–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [10].

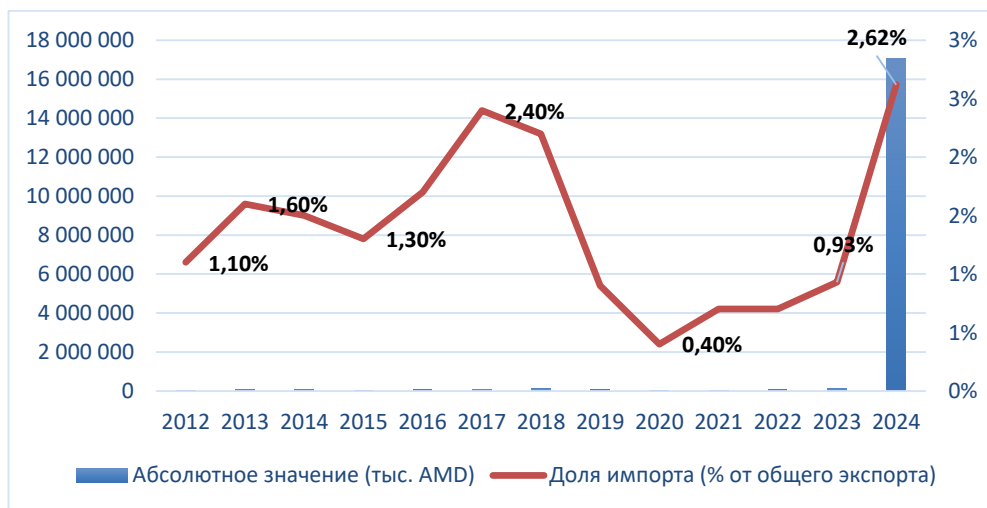

График 8. Импорт (по торгующей стране) из ОАЭ в Армению (абсолютное значение и % от общего объема), 2012–2024гг.

Источник: база данных Статистической службы Республики Армения, <https://armstat.am/am/> [11].

Таким образом, структура двусторонней торговли между Арменией и ОАЭ характеризуется значительным преобладанием экспорта, тогда как импортная составляющая, несмотря на впечатляющий скачок в 2024г., оказывает менее значимое влияние на общий объем товарооборота. Это подчеркивает экспортно-ориентированный характер внешнеторговых отношений, а также высокую степень асимметрии и зависимости от отдельных товарных потоков. Учитывая масштабы взаимодействия с ОАЭ, формирование устойчивой внешнеэкономической стратегии Армении в отношении стран ССАГПЗ требует углубленного анализа институциональных, логистических и торговых механизмов, а также оценки рисков, связанных с высокой концентрацией и ограниченной диверсификацией.

Анализ торговой структуры между Арменией и ОАЭ

Анализ товарной структуры армянского экспорта в Объединенные Арабские Эмираты в 2016–2023гг. демонстрирует устойчивую зависимость от ограниченного набора товарных категорий (График 9), при этом степень концентрации значительно усилилась после 2022г., что указывает на специфическую природу торгового роста. На протяжении 2016–2021гг. доминирующей товарной позицией выступала группа 71 (драгоценные камни, металлы и изделия из них), доля которой варьировалась от 71,27% в 2020г. до 92,16% в 2018г., отражая критическую зависимость экспорта от ювелирного и золото-содержащего сектора. Второстепенными направлениями выступали машины и оборудование (группы 84–85), изделия из недрагоценных металлов (группы 72–83), а также продукция химической промышленности и транспорт (группы 28–40 и 86–89), однако их доля в структуре оставалась ограниченной. Ситуация изменилась в 2022г., когда наблюдается снижение доли группы 71 до 49,94% и одновременный рост доли группы 16–24 (продукты питания и напитки) до 14,02%, а также заметное расширение по другим позициям – например, группа 25–27 (минеральные продукты) достигла 2,51%, а группа 50–63 (текстиль и изделия) – 4,9%. Появление этих товарных направлений свидетельствует о временной диверсификации, вероятно вызванной изменением логистических и транзитных условий после внешнеэкономического шока 2022г. Тем не менее, уже в 2023г. вновь фиксируется рост доли группы 71 до 53,1%, что подтверждает возврат к прежней модели экспортной зависимости. В то же время, наблюдается существенный рост доли группы 25–27 до 20,94%, что может быть связано с ростом реэкспорта минеральных или энергетических ресурсов через ОАЭ, не произведенных на территории Армении. Таким образом, несмотря на временные признаки диверсификации, экспортная структура Армении в направлении ОАЭ остается высокочконцентрированной, с доминированием ограниченного набора товарных групп, прежде всего группы 71. Повышение доли группы 25–27 в 2023г. лишь частично меняет

картину, поскольку, судя по данным импорта, эти товары с высокой долей вероятности проходят через Эмираты как транзитный узел.

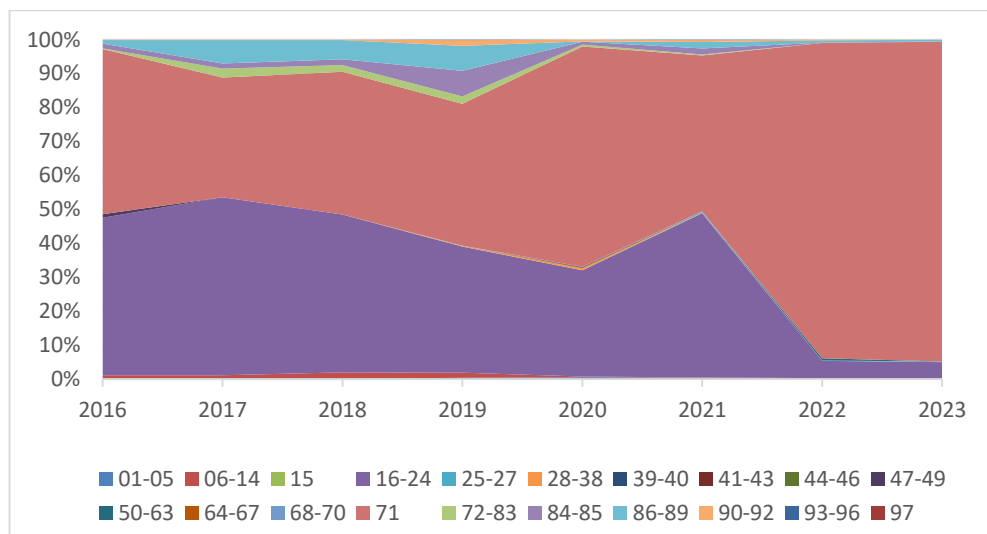

График 9. Товарная структура экспорта Армении в ОАЭ, 2016–2023гг.

Источник: база данных Комитета государственных доходов Республики Армения, <https://www.src.am/ru> [12].

Анализ товарной структуры импорта Армении из Объединенных Арабских Эмиратов за 2016–2023гг. позволяет выделить устойчивую концентрацию на ограниченном количестве товарных позиций, что делает торговое взаимодействие между странами слабо диверсифицированным и подверженным внешним шокам (График 10). В 2016–2021гг. основную часть импорта из ОАЭ составляли две товарные группы: группа 16–24 (продовольственные товары, напитки и табак) и группа 71 (драгоценные камни, металлы и изделия из них). Так, доля продовольственных товаров достигала от 31% до 52,5%, особенно заметно в 2017г., что подчеркивало роль ОАЭ как посредника и логистического хаба для поставок потребительских товаров на армянский рынок. Одновременно, доля группы 71 колебалась в пределах 35–49%, демонстрируя устойчивый спрос на высокоценные товары, нередко поступающие через Эмираты в режиме реэкспорта.

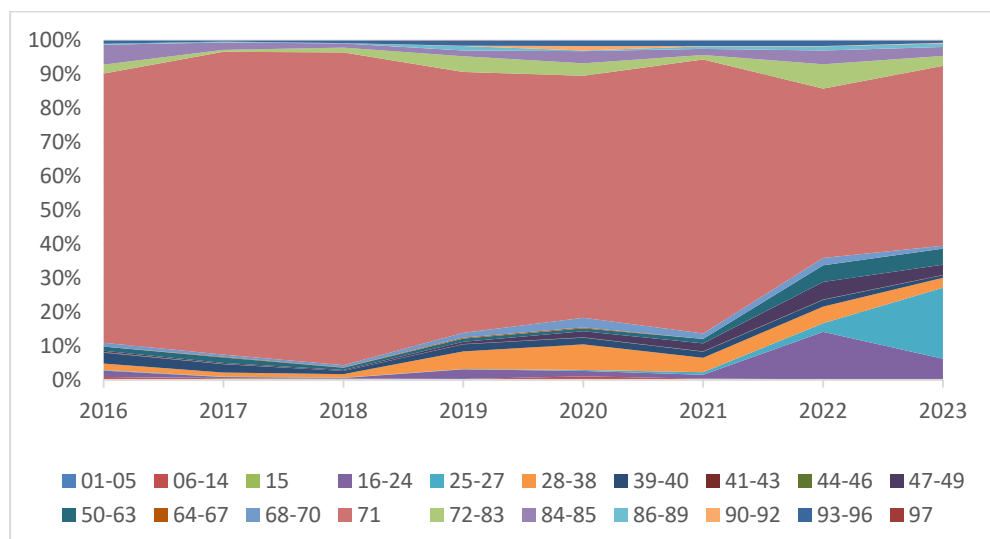

График 10. Товарная структура импорта Армении из ОАЭ, 2016–2023гг.

Источник: база данных Комитета государственных доходов Республики Армения, <https://www.src.am/ru> [13].

На фоне относительной сбалансированности в предшествующие годы, начиная с 2020 года, наблюдается резкое смещение структуры импорта в сторону абсолютного доминирования группы 71. В 2020г. доля этой группы составила 64,98%, а уже в 2022 и 2023 годах она достигла 93,4% и 94,3% соответственно. При этом доля всех остальных товарных категорий резко сократилась: так, продовольственная группа 16–24 составила лишь 5,17% в 2022г. и 4,98% в 2023г., а остальные группы почти не превышали долю в 1%. Таким образом, структура импорта из ОАЭ в Армению в последние годы характеризуется высокой степенью товарной концентрации, практически сведенной к импорту изделий из драгоценных металлов, что указывает на:

- усиление реэкспортной функции ОАЭ;
- снижение роли ОАЭ как универсального поставщика широкой номенклатуры продукции;
- усиление зависимости Армении от поставок ограниченного спектра товаров, чувствительных к ценовым, геополитическим и логистическим колебаниям.

В отличие от экспорта, где в 2022г. наблюдалась краткосрочная диверсификация, в импорте структура стала еще более однородной, что увеличивает уязвимость и снижает устойчивость торговых связей. При этом отсутствие роста доли промышленного и технологического импорта (группы 84–85, 86–89) также свидетельствует о неразвитости промышленной кооперации между

двумя странами. Анализ показывает, что в рамках формирования долгосрочной торговой стратегии Армении в отношении стран ССАГПЗ необходимо:

- стимулировать расширение товарной номенклатуры импорта из ОАЭ;
- активизировать институциональные и В2В-платформы, нацеленные на промышленные и аграрные цепочки поставок;
- интегрировать импорт из ОАЭ в стратегические секторы внутреннего потребления и переработки, снижая зависимость от ограниченного числа позиций.

Заключение

Проведенный анализ выявил, что торгово-экономические отношения Армении со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) отличаются выраженной неравномерностью, ограниченной глубиной и слабой товарной диверсификацией. В период с 1995 по 2024г. Объединенные Арабские Эмираты де-факто стали единственным системным партнером Армении в данном регионе, в то время как экономические связи с другими странами Залива оставались фрагментарными, нерегулярными и в основном эпизодическими по характеру. После внешнеэкономического шока 2022г. наблюдался заметный рост объемов торговли с ОАЭ, однако этот всплеск сопровождался еще большей товарной концентрацией: как со стороны экспорта, так и со стороны импорта в структуре двусторонней торговли стала доминировать продукция группы 71 – драгоценные металлы и изделия из них. При этом ОАЭ выполняют, прежде всего, функцию логистического узла и резкспортного хаба, а не прямого источника поставок или конечного рынка сбыта. Такая структура внешнеэкономических связей свидетельствует о высокой степени зависимости от ограниченного перечня товаров и одного направления торговли, что усиливает уязвимость внешнеэкономического сектора Армении, снижает адаптивность к внешним шокам и ограничивает потенциал для устойчивого и сбалансированного развития торгово-экономического сотрудничества с регионом Залива в долгосрочной перспективе.

Рекомендации

Для укрепления и развития торгово-экономических связей с государствами ССАГПЗ необходимо применять системный подход, учитывающий особенности каждой страны и потенциал регионов. Ниже представлены ключевые меры, способствующие диверсификации и расширению сотрудничества.

- Разработать и внедрить целенаправленную государственную стратегию по развитию связей с каждой страной ССАГПЗ.

- Диверсифицировать товарную номенклатуру, привлекая несырьевые сектора: машиностроение, химию, продовольствие и информационные технологии.
- Поддерживать экспортно-ориентированные отрасли через страхование, маркетинг, сертификацию и дипломатическую поддержку.
- Активизировать экономическую дипломатию и участвовать в торговых миссиях и отраслевых выставках стран Залива.
- Создать механизмы регулярного мониторинга товарных потоков для снижения зависимости от реэкспорта и увеличения прямой торговли.

Реализация данных мер позволит значительно повысить эффективность и качество торгово-экономических отношений, что способствует укреплению позиций национальных производителей и экспортеров на рынках ССАГПЗ. Внедрение механизмов мониторинга и поддержки экспорта институционализирует торговые потоки в направлении стран ССАГПЗ, что, в свою очередь, создаст основу для долгосрочного планирования развития двусторонних отношений. Такой подход обеспечит устойчивость, предсказуемость и стратегическую направленность внешнеэкономической торговой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международный валютный фонд. Департамент Ближнего Востока и Центральной Азии // Совет сотрудничества стран Персидского залива. «Преследование видений в условиях геополитической турбулентности: экономические перспективы и политические вызовы для стран ССЗ». Vol. 2024: Issue 066, 2024.
2. *Mnatsakanian V.* Economic relations between Armenia and the Arab Gulf States: risks and opportunities // “Haigazian Armenological Review”, Vol. 44/2. Beirut, “Haigazian University Press”, 2024. P. 301.
3. Официальный сайт Всемирного Банка. URL: <https://data.worldbank.org/>
4. *Mnatsakanian V.* Analysis of the economic relations between the Gulf countries and Armenia: the role of diaspora // “National Academy of Science of the Republic of Armenia, Institute of Oriental Studies”. Yerevan, 2024. PP. 84–85. DOI: 10.54503/978-9939-9313-4-0
5. Официальный сайт Статистической службы Республики Армения. URL: <https://armstat.am/am/>
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Официальный сайт Комитета государственных доходов Республики Армения. URL: <https://www.src.am/ru>
13. Там же.

REFERENCES

1. International Monetary Fund. Middle East and Central Asia Dept. "Gulf Cooperation Council: Pursuing Visions Amid Geopolitical Turbulence: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries", Vol. 2024: Issue 066, 2024
2. *Mnatsakanian V.* Economic Relations Between Armenia and the Arab Gulf States: Risks and Opportunities // "Haigazian Armenological Review", Vol. 44/2. Beirut, "Haigazian University Press", 2024. P. 301.
3. Official website of the World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>
4. *Mnatsakanian V.* Analysis of the economic relations between the Gulf countries and Armenia: the role of diaspora // "National Academy of Science of the Republic of Armenia, Institute of Oriental Studies". Yerevan, 2024. PP. 84–85. DOI: 10.54503/978-9939-9313-4-0
5. Official website of the Statistical Committee of the Republic of Armenia. URL: <https://armstat.am/en/>
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Official website of the State Revenue Committee of the Republic of Armenia. URL: <https://www.src.am/en>
13. Ibid.

ANALYSIS OF ARMENIA'S TRADE RELATIONS WITH THE
GULF COOPERATION COUNCIL (GCC) COUNTRIES*V. Mnatsakanyan**Russian-Armenian (Slavonic) University*

ABSTRACT

Trade relations between Armenia and the countries of the Gulf Cooperation Council (GCC) have developed since the early 1990s against the backdrop of the region's rapidly growing economic significance. Over the past decades, the Gulf states have assumed key positions not only in global energy markets but also in trade, logistics, finance, and investment activity –transforming from a regional hub into one of the key nodes of the global economy. Against this backdrop, Armenia's trade ties with GCC countries remain limited and poorly diversified, characterized by a high degree of commodity and geographic concentration, primarily focused on the United Arab Emirates. The increase in export volumes after 2022 has been driven by the expansion of a narrow range of product supplies, while institutional fragmentation and the absence of a comprehensive foreign economic strategy continue to hinder the development of a full-fledged and sustainable partnership.

Keywords: Armenia, GCC countries, foreign trade, foreign economic policy, trade structure.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-88-98

УДК 343.2/.7

Поступила: 07.07.2025г.

Сдана на рецензию: 11.07.2025г.

Подписана к печати: 17.09.2025г.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В.Н. Куфлева

Кубанский государственный университет

val_swatch@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6432-9452

АННОТАЦИЯ

Исследование индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, может служить теоретической основой для решения вопроса о соотношении таких понятий, как субъект уголовно-правового отношения; лицо, подлежащее уголовной ответственности; лицо, признанное виновным в преступлении. *Целью исследования* выступает изучение индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, через призму общего, специального и индивидуального правовых статусов. Результатом исследования стало формулирование значимых для развития теории уголовного права тезисов: о юридическом понятии лица, совершившего преступление и индивидуальном правовом статусе лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление; индивидуальный правовой статус; общий правовой статус; специальный правовой статус; уголовная ответственность.

Уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, в качестве участника уголовно-правовых отношений привлекает повышенное внимание специалистов, усилиями которых создана вполне убедительная теоретическая концепция [1], [2]. Не повторяя известных суждений, обратим внимание на один аспект учения о статусе, который, как представляется, недостаточно освещен в отраслевой литературе.

Речь идет о поднятой в теории права проблеме, связанной с признанием или отрицанием динамики правового статуса. В ее решении, как показывают специальные исследования, сложились две полярные точки зрения, восходящие к представлениям об «абстрактном» и «реальном» правовом статусе субъекта правоотношения. Представители «абстрактного» направления в качестве определяющего признака, отмечают статичный, неизменный характер

правового статуса, понимая его как законодательно закрепленную модель прав и обязанностей, и отрицают динамику правового статуса. «Реальное» направление в изучении рассматриваемого правового явления, наоборот, включает динамику прав и обязанностей в структуру правового статуса [3].

Видится, что такая градация не вполне корректна, если она не учитывает различий в «вертикальной иерархии» правовых статусов. О ней вполне определенно и убедительно высказывался Н.В. Витрук. Различая общий правовой статус, специальные правовые статусы и индивидуальный правовой статус, носителем которого выступает конкретное лицо, он писал, что они соотносятся между собой как общее, особенное и единичное [4]. Лицо, совершившее преступление, обладает и сохраняет вне зависимости от факта совершения преступления, общим правовым статусом гражданина. Факт совершения преступления наделяет его специальным статусом участника уголовно-правового отношения, прежде всего выраженном в известном ограничении общих прав и обязанностей. Эти общий и специальные статусы, действительно, статичны и неподвижны, представляя собой некий набор прав и обязанностей лица.

Однако наряду с ними, существует и индивидуальный правовой статус. Н.В. Витрук писал о нем как о «правовом статусе определенного лица, конкретной личности (гражданина, иностранного гражданина, апатрида), выступающей в том или ином качестве». Давая характеристику индивидуально правовому статусу, он указывал на его различия в разные моменты. «Оно зависит от взаимоотношений гражданина с другими физическими и юридическими лицами, органами государства, от доли его участия в общественном труде, от его социальной активности. Индивидуальный правовой статус личности является изменяющимся, динамическим во времени. Это изменение, динамика индивидуального правового статуса личности происходят в рамках единого правового статуса и разнообразных специальных правовых статусов, характерных для данного лица. Поэтому индивидуальный правовой статус личности показывает, какие именно права и обязанности личности фактически реализуются, используются на данный момент. Таким образом, индивидуальный правовой статус личности характеризуется правами, свободами, обязанностями и законными интересами в стадии их обладания и реализации» [5].

В отличие от специального и общего, индивидуально правовому статусу присуща динамика, связанная с самим правоотношением. В свою очередь, его изменчивость, как представляется, может служить теоретической основой для решения вопроса о соотношении таких понятий, как субъект уголовно-правового отношения, лицо, подлежащее уголовной ответственности, лицо, признанное виновным в преступлении.

Все эти понятия характеризуют правовое положение конкретного лица, совершившего преступление. Но если понятие «субъект уголовно-правового отношения» отражает его специальный статус участника этого правоотношения,

то остальные понятия соотнесены с динамикой правоотношения и изменением индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление.

Такое изменение, следуя логике развития правоотношения, отражает последовательность разрешения вопроса об уголовной ответственности лица, совершившего преступление. Прежде всего, необходимо выяснить, подлежит ли лицо, совершившее преступление, уголовной ответственности, затем – виновно ли оно в совершении преступления, а после – какой именно меры уголовно-правового воздействия оно заслуживает. Соответственно этой логике меняется и правовой статус совершившего преступление лица: от лица, подлежащего уголовной ответственности – к лицу, признанному виновным. Такая динамика служит основой для разграничения исследуемых статусов и обозначаемых их понятий.

Заметим, что в уголовно-правовой науке была предпринята попытка установить соотношение между исследуемыми понятиями. Однако она представляется нам не вполне удачной.

С.В. Проценко пишет: «Быть лицом, подлежащим уголовной ответственности (субъектом преступления), – это виновно совершить преступное деяние... Признаки лица, подлежащего уголовной ответственности, как и субъекта преступления, существуют вне признаков преступления, предусмотренных ч. 1 ст. 14 УК РФ [6]. В то же время отсутствие хотя бы одного из них (например, недостижение лицом возраста, с которого наступает уголовная ответственность) аннулирует возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности»; «Понятием «лицо, совершившее преступление», на текущий момент охватывается совокупность как признаков преступления (виновное совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом), так и общих оснований уголовной ответственности (вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного Уголовным кодексом РФ)» [7].

Основной упрек, который можно предъявить автору приведенных суждений, состоит в том, что лицо, совершившее преступление, и лицо, подлежащее уголовной ответственности, рассматриваются им исключительно в качестве абстрактных и статичных понятий. К этому сподвигает вывод, согласно которому признаки лица, подлежащего уголовной ответственности, «существуют вне признаков преступления». Вместе с тем, в данном случае упускается из вида, как минимум, два принципиальных положения:

- во-первых, исследуемые понятия обозначают не просто человека, а лицо, обладающее определенным и вполне различным правовым статусом;
- во-вторых, речь в данном случае идет об индивидуальном правовом статусе конкретного лица, потому эти понятия не могут быть сущностно «оторваны» ни от факта совершения преступления, ни от конкретного человека, его совершившего.

Выяснение вопроса о том, совершило ли лицо преступление и подлежит ли лицо, совершившее преступление, уголовной ответственности, образуют самостоятельные этапы правоприменительной деятельности, самостоятельные решения субъекта правоприменения.

Факт совершения самого общественно опасного деяния – первый из них, он устанавливается правоприменителем на этапе расследования уголовного дела. В развитие конституционных предписаний УПК РФ [8] предусматривает в качестве основания для возбуждения уголовного дела наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления – действия (бездействия), запрещенного уголовным законом, а также закрепляет событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения) в качестве первоочередного обстоятельства, подлежащего доказыванию и характеризующего объективную сторону содеянного.

На основе собранных доказательств разрешаются вопросы о том, доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется лицо, и что его совершило именно данное лицо. Отсутствие самого события, по поводу которого рассматривался вопрос о возбуждении уголовного дела, а равно непричастность лица к совершению преступления означают отсутствие предпосылок для исследования вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного уголовным законом, в действиях (бездействии) этого лица. В этой связи отсутствие события преступления или непричастность к нему лица исключают его привлечение к какой-либо юридической ответственности. Отсутствие достаточных данных о совершении лицом самого общественно опасного деяния, содержащего признаки преступления, предполагает вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. за отсутствием события преступления.

Иное дело – прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления. Лишь при установлении с помощью уголовно-процессуальных средств фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления, возможна дальнейшая правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности. При этом, поскольку отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица, применение основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, предполагает предварительное подтверждение доказательствами, собранными в объеме, достаточном для установления совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, с тем чтобы принять законное, обоснованное и мотивированное процессуальное решение.

Переводя эти процессуальные по своему содержанию разъяснения на «язык уголовного права», необходимо констатировать, что установление юридического факта – общественно опасного деяния, предусмотренного УК РФ, и причастности лица к его совершению подтверждает в установленном порядке возникновение уголовно-правового отношения и определяет персональный круг его участников. Конкретное лицо, совершившее конкретное деяние, приобретает индивидуальный правовой статус участника уголовно-правового отношения – лица, совершившего преступление. С этого момента государство получает возможность урегулировать возникшее правоотношение посредством применения любых, допускаемых уголовным законом средств и тем самым изменить индивидуальный правовой статус лица, совершившего преступление.

Однако наделение конкретного человека статусом лица, совершившего преступление, не предопределяет того, это лицо с необходимостью будет подвергнуто уголовной ответственности. Между этапом наделения статусом лица, совершившего преступление, и этапом признания лица виновным в совершении преступления, расположен вполне самостоятельный этап – наделение лица статусом подлежащего уголовной ответственности.

В данном случае решается принципиальной значимости вопрос о том, возможна ли и целесообразна ли реализация уголовной ответственности лица, совершившего преступление.

Законодательство знает ряд оснований, при наличии которых лицо, достоверно совершившее преступление, не подлежит уголовной ответственности. Их детальное обсуждение не входит в предмет нашего исследования [9], потому ограничимся лишь упоминанием некоторых из них.

Вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории РФ разрешается в соответствии с нормами международного права, что не исключает ситуации, при которой такие лица не будут привлечены к уголовной ответственности по российскому закону (ч. 4 ст. 11 УК РФ).

Невозможность реализации уголовной ответственности возникает в ситуациях истечения срока давности уголовной ответственности за совершенное преступление. Существо этого института, отметил Конституционный Суд РФ, состоит в том, что хотя само деяние и не утратило признак преступности, однако за истечением срока давности устраняется основание (возможность) его наказуемости, а потому лицо, его совершившее, не подлежит уголовной ответственности (освобождается от нее) [10].

Равным образом привлечение к уголовной ответственности может исключаться при объявлении амнистии, изменяя правовой статус лиц, на которых

распространяется [11]. Можно назвать также ситуации декриминализации деяний, отсутствия заявления потерпевшего по делам частного обвинения и некоторые иные.

Наряду с этими обстоятельствами, закон содержит уникальное положение в ч. 3 ст. 20 УК РФ, согласно которому несовершеннолетний, не способный в силу отставания в психическом развитии в полной мере осознавать смысл и значение совершаемых действий, не подлежит уголовной ответственности. Как указал Верховный Суд РФ, вопрос о том, подлежит ли уголовной ответственности такой несовершеннолетний – это отдельный и самостоятельный вопрос, который решается только судом [12]. Специалисты справедливо связывают это предписание с таким признаком лица, совершившего преступление, как способность перенести тяжести и лишения, связанные с возложением уголовной ответственности, и предлагают шире использовать соответствующую конструкцию, не ограничивая ее правилами ответственности несовершеннолетних [13], [14].

Таким образом, лицо, подлежащее уголовной ответственности, – это вполне самостоятельный статус лица, совершившего преступление, отражающий определенный этап в развитии уголовно-правового отношения.

Заметим, что разграничение лиц, совершивших преступление, и лиц, подлежащих уголовной ответственности, отражает не только существующую сегодня систему индивидуальных правовых статусов. Подобное разграничение может быть положено в основу решений об уголовной ответственности юридических лиц. Как указывал Б.В. Волженкин, «целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но при определенных условиях и юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом, и наряду с физическим лицом» [15]. Не углубляясь в разрешение вопросов уголовной ответственности юридических лиц, подчеркнем главное: статус лица, подлежащего ответственности, и статус лица, совершившего преступление, не только не всегда совпадают в одном лице, но могут характеризовать и разных лиц в принципе.

Последовательное развитие уголовно-правового отношения, а вместе с ним и индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, приводит к появлению новых его правовых эманаций. В зависимости от

того, каким образом государство решит вопрос о том, подлежит или не подлежит лицо совершившее преступление, уголовной ответственности, целесообразно или нецелесообразно ее реализовывать в отношении этого лица, в уголовном судопроизводстве возникают следующие фигуры:

- лицо, освобожденное от уголовной ответственности: соответствующим решением правоприменителя констатируется тот факт, что это лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления [16], хотя само такое лицо не признается виновным или невиновным в совершении этого преступления [17];
- лицо, осужденное за преступление: таковым, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, следует признавать лицо, в отношении которого вынесен и публично оглашен обвинительный приговор суда, при этом значение имеет не момент вступления предыдущего приговора в законную силу, а именно время его вынесения [18]; приговор суда – это главный непосредственный источник его специального правового статуса как осужденного [19]; лицо, осужденное за совершение преступления, – это лицо, признанное виновным в совершении преступления: именно в этом контексте понятие «лицо, признанное виновным» употребляется, в частности, в ч. 1 ст. 43, ч. 1 ст. 60, ч. 1 и ч. 4 ст. 65 УК РФ;
- лицо судимое: исходя из законодательного предписания ч. 1 ст. 86 УК РФ о том, что «лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости», можно констатировать, что статус судимого приобретает лицо осужденным с момента вступления в силу приговора. Весьма точно это соотношение правовых статусов, их последовательное развертывание отразил Верховный Суд РФ в определении судимости: он указал, в частности, что «под судимостью следует понимать правовое состояние лица, совершившего преступление, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор с назначением наказания» [20].

В качестве общих теоретических выводов из представленных рассуждений можно сформулировать следующие, на наш взгляд, значимые для развития теории уголовного права, тезисы:

- как юридическое понятие, лицо, совершившее преступление, – это обозначение субъекта уголовно-правового отношения, отражающее его специальный правовой статус, который является статичным набором прав и обязанностей этого субъекта;
- индивидуальный правовой статус лица, совершившего преступления, тесно связанный с конкретным человеком – участником уголовно-

правового отношения, является динамической категорией; в зависимости от стадии развития уголовно-правового отношения, он может быть представлен следующими статусами: «лицо, подлежащее уголовной ответственности», «лицо, признанное виновным и осужденное за преступление», «лицо, судимое за совершение преступления».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Огурцов Н.А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1975. СС. 113–139.
2. *Гузеева О.С.* Проблемы теории конституционализации уголовного права. М.: «Проспект», 2021. СС. 118–131.
3. *Редких С.В.* Понятие правового статуса: формально-правовой контекст // «Пробелы в Российском законодательстве», № 3, 2009. СС. 42–44.
4. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М.: «Норма», 2017. СС. 303–304.
5. Там же.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 30.05.2024).
7. *Проценко С.В.* Общие условия уголовной ответственности: проблемы теории и законодательства. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2020. С.С. 38, 40, 43.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г. № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Дата обращения: 30.05.2024).
9. *Дорогин Д.А.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: проблемы теории и практики. Учебное пособие. М.: РГУП, 2017.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 УПК Российской Федерации и пункта «в» части первой ст. 78 УК Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова» // «Собрание законодательства РФ», № 31, 2022. Ст. 5806.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // «Собрание законодательства РФ», № 29, 2001. Ст. 3059.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 4, 2011.
13. *Генрих Н.В.* Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. СС. 165–171.
14. *Веселова Л.В.* Ответственность несовершеннолетних с психическими отклонениями: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. СС. 8–9.

15. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб.: СПб. юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 1998. С. 24.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.10.1996 № 18-П «По делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова» // «Собрание законодательства РФ», № 45, 1996. Ст. 5203.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 УПК Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова» // «Собрание законодательства РФ», № 11, 2017. Ст. 1621¹.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (п. 52, 56) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 2, 2016.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», № 17, 2016. Ст. 2480.
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости» (п.1) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 8, 2022.

REFERENCES

1. Ogurtsov N. Legal Relations and Responsibility in Soviet Criminal Law. Ryazan: Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, 1975. PP. 113–139.
2. Guzeeva O. Problems of the Theory of Constitutionalization of Criminal Law. Moscow: “Prospect”, 2021. PP. 118–131.
3. Redkikh S. The Concept of Legal Status: Formal Legal Context // Gaps in Russian Legislation. 2009. № 3. PP. 42–44.
4. Vitruk N. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow: “Norma”, 2017. PP. 303–304.
5. Ibid.
6. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FZ (as amended on April 6, 2024) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Date of access: May 30, 2024).
7. Protsenko S.V. General conditions of criminal liability: problems of theory and legislation. Khabarovsk: “DVGUPS Publishing House”, 2020. P.P. 38, 40, 43.
8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on May 29, 2024) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Date of access: May 3, 2025).
9. Dorogin D. Circumstances excluding criminal liability: problems of theory and practice: Textbook. M.: RGUP, 2017.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022 № 33-P “On the case of verifying the constitutionality of part two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and paragraph “b” of part one of Article 78 of the

- Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. Rudnikov" // "Collected Legislation of the Russian Federation", № 31, 2022. Art. 5806.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.07.2001 № 11-P "On the case of verifying the constitutionality of the Resolution of the State Duma" of June 28, 2000 № 492-III GD "On Amending the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "On Declaring an Amnesty in Connection with the 55th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945" in Connection with the Request of the Soviet District Court of the City of Chelyabinsk and Complaints of a Number of Citizens" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", № 29, 2001. Art. 3059.
 12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 № 1 "On the Judicial Practice of Applying Legislation Regulating the Peculiarities of Criminal Liability and Punishment minors" // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", № 4, 2011.
 13. *Genrikh N.* Subject and Method of Criminal-Law Regulation: diss. ... Doctor of Law. Ryzan, 2011. PP. 165–171.
 14. *Veselova L.* Responsibility of Minors with Mental Disabilities: Criminal-Law and Criminological Aspects: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Volgograd, 2005. PP. 8–9.
 15. *Volzhenkin B.* Criminal liability of legal entities. SPb.: St. Petersburg Legal Institute of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 1998. P. 24.
 16. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28.10.1996 № 18-P "On the case of verifying the constitutionality of Article 6 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen O. Sushkov" // "Collected Legislation of the Russian Federation", № 45, 1996. Art. 5203.
 17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2017 № 4-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 3 of part one of Article 24, paragraph 1 of Article 254 and part eight of Article 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V. Glazkova and V. Stepanov" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", № 11, 2017. Art. 1621.
 18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 № 58 "On the Practice of Appointing Criminal Punishment by the Courts of the Russian Federation" (paragraphs 52, 56) // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", № 2, 2016.
 19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.04.2016 № 12-P "On the case of resolving the issue of the possibility of executing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the ruling of the European Court of Human Rights of July 4, 2013 in the case of "Anchugov and Gladkov v. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", № 17, 2016. Art. 2480.
 20. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 07.06.2022 No. 14 "On the practice of applying by courts when considering criminal cases the legislation regulating the calculation of the expiration period and the procedure for removing a criminal record" (paragraph 1) // "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", № 8, 2022.

INDIVIDUAL LEGAL STATUS OF THE PERSON WHO COMMITTED A CRIME

V. Kufleva

Kuban State University

ABSTRACT

The study of the individual legal status of a person who committed a crime can serve as a theoretical basis for resolving the issue of the relationship between such concepts as the subject of a criminal-legal relationship; a person subject to criminal liability; a person found guilty of a crime. The purpose of the study is to study the individual legal status of a person who committed a crime through the prism of general, special and individual legal statuses. The result of the study was the formulation of provisions that are significant for the development of the theory of criminal law: on the legal concept of a person who committed a crime and the individual legal status of a person who committed a crime.

Keywords: the person who committed the crime; individual legal status; general legal status; special legal status; criminal liability.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-99-115
УДК 34

Поступила: 15.12.2025г.
Сдана на рецензию: 17.12.2025г.
Подписана к печати: 13.01.2026г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ И ДОСУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЕАЭС С ПРАКТИКАМИ ЕС, ЮСМКА И МЕРКОСУР

М.А. Аришакян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
arshakyan.mikayel@gmail.com
ORCID: 0009-0001-8631-9658*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности судебной и досудебной защиты иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС в сравнении с механизмами, действующими в других интеграционных объединениях, таких как ЕС, ЮСМКА и МЕРКОСУР. Анализируются ключевые структурные элементы защиты, включая доступ инвесторов к правосудию, существование досудебных фильтров и институтов координации инвестиционной политики. Изучаются наиболее эффективные механизмы, внедренные в иные интеграционные системы, которые могут иметь положительное влияние на формирование более привлекательного инвестиционного климата в ЕАЭС, предоставляя инвесторам дополнительные гарантии защиты. На основе сопоставительного анализа выдвигаются предложения по поэтапному заимствованию отдельных механизмов, направленных на укрепление инвестиционного климата и правовой устойчивости в рамках Союза.

Ключевые слова: защита инвестиций, Суд ЕАЭС, экономическая интеграция, сравнительное правоведение.

Введение

Развитие наднациональных механизмов защиты иностранных инвестиций стало характерной чертой современных региональных интеграционных объединений. Помимо традиционного привлечения инвестиций посредством гарантий на уровне двусторонних договоров, все более важную роль начинают играть внутренние нормы интеграционных союзов, обеспечивающие доступ инвестора к правосудию, правовую определенность и институциональные гарантии. Однако в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) система защиты иностранных инвестиций остается недостаточно институционализированной и лишь фрагментарно затрагивается нормами права Союза.

Рассматривая вопросы постепенного развития интеграционных процессов в ЕАЭС, необходимо провести сравнительный анализ существующих механизмов регулирования иностранных инвестиций в ведущих экономиках мира и уже сформировавшихся экономических интеграционных соединениях. Сравнительный анализ с более зрелыми интеграционными образованиями, такими как Европейский союз (ЕС), МЕРКОСУР и Соглашение между США, Мексикой и Канадой (ЮСМКА), которые, можно сказать, частично были взяты как прототипы для создания ЕАЭС, позволяет выявить важные аспекты, в которых ЕАЭС демонстрирует меньшую развитость нормативного регулирования и институциональной организации. В частности, внимание заслуживают такие элементы, как доступ инвесторов к наднациональной юрисдикции, наличие досудебных механизмов урегулирования споров, реагирование на неблагоприятные изменения законодательства в государствах-участниках, а также наличие специализированных институтов превентивного контроля инвестиционных рисков.

Цель настоящей статьи – это проведение анализа отдельных аспектов судебной и досудебной защиты иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС, сопоставив их с соответствующими решениями, реализованными в других региональных объединениях. Подход при этом избирается не институциональный, а проблемно-ориентированный: внимание сосредоточено на ключевых правовых дефицитах, затрудняющих надежную защиту инвестора в ЕАЭС. Предметом рассмотрения, в частности, станут отсутствие механизмов прямого доступа к суду, формализация досудебных процедур, стабилизационные гарантии и институциональные инструменты скрининга.

Такой подход позволяет выявить не только пробелы, но и потенциальные направления правового развития инвестиционного режима ЕАЭС, способного обеспечивать инвесторам надлежащий уровень правовой определенности и предсказуемости на примере уже сформированных институтов и механизмов.

Доступ к правосудию в трансграничных инвестиционных спорах

В настоящем разделе будет освещено несколько проблемных аспектов, связанных с обеспечением правовых гарантий защиты иностранных инвестиций в рамках ЕАЭС. Самыми отчетливыми с этой точки зрения можно назвать проблемы прямого доступа иностранных инвесторов к правосудию в рамках организации и отсутствие некоторых механизмов, способствующих достижению правосудия во внутринациональных судах, как например возможность обращения в Суд ЕАЭС с преюдициальными запросами.

Во-первых, начать стоит с вопроса о прямых судебных гарантиях защиты прав инвесторов и их имущества. В данной плоскости ЕАЭС предоставляет

инвесторам широкую возможность выбора судебных инстанций для обращения за защитой, от национальных судов до международных арбитражей, однако, для обжалования действий непосредственно государств внутри ЕАЭС хозяйствующие субъекты могут обращаться только к досудебной процедуре обжалования.

Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС (Протокол) предусматривает механизмы защиты прав инвесторов, предоставляя им широкие возможности для выбора инстанции для разрешения спора. В случаях возникновения разногласий между государством-реципиентом и инвестором другого государства-члена по вопросам, связанным с инвестициями на территории этого государства, включая споры о размере, условиях или порядке выплаты компенсации ущерба (в соответствии с пунктом 77 Протокола), а также компенсации, предусмотренной пунктами 79–81 Протокола, и порядка осуществления платежей и перевода средств (пункт 8 Протокола), стороны должны по возможности стремиться к разрешению спора путем переговоров [1].

В случаях, когда достичь консенсуса посредством переговоров не удается, Протокол предоставляет именно инвестору право выбрать инстанцию, в которой будет рассматриваться спор. В данной ситуации инвестор оказывается в подчеркнуто привилегированном положении. Такая возможность выбора выступает в качестве дополнительной гарантии справедливого и беспристрастного разрешения спора.

Согласно пункту 85 Протокола, по выбору инвестора спор может быть рассмотрен:

1) в суде государства-реципиента, компетентного рассматривать соответствующие споры;

2) в международном коммерческом арбитраже при торговой палате любого государства, согласованного участниками спора;

3) в арбитражном суде *ad hoc*, который, если стороны спора не согласятся на иное, должен быть создан и действовать согласно Арбитражному регламенту Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ);

4) в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров, созданном в соответствии с Конвенцией об урегулировании инвестиционных споров между государствами и физическими или юридическими лицами других государств от 18 марта 1965 года, для разрешения спора в соответствии с положениями этой Конвенции (при условии, что она вступила в силу для обоих государств-членов сторон спора) или в соответствии с Дополнительными правилами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (в случае, если Конвенция не вступила в силу для обоих или одного из государств-членов сторон спора).

Рассматривая данный вопрос с учетом прямого действия актов ЕАЭС на территории государств-членов, целесообразным и соразмерным представляется наделение хозяйствующих субъектов, включая иностранных инвесторов, правом обжаловать действия государств, связанные с имплементацией и применением норм ЕАЭС в соответствии с положениями Договора о ЕАЭС. Такой подход обеспечил бы Суду ЕАЭС решительное и авторитетное положение в вопросах толкования норм Союза, что, в свою очередь, способствовало бы формированию единообразной и предсказуемой практики защиты инвестиций на всем пространстве ЕАЭС. Данное предложение не исключает возможности права инвестора обращаться к остальным опциям, предоставленным в Договоре.

Подкрепляя данную позицию, стоит рассмотреть практику североамериканских стран. 30 сентября 2018г. США, Канада и Мексика заключили новое трехстороннее торговое соглашение (ЮСМКА), заменившее НАФТА, которое регулировало торговлю в Северной Америке с 1994г. [2]. Оно является одним из самых детально отрегулированных соглашений, когда речь идет об иностранных инвестициях. В соглашении сохранены основные положения НАФТА, за исключением главы 11, которая регулировала споры между инвесторами и государством. По ЮСМКА, инвесторы больше не имеют возможности обращаться в международный арбитражный суд, минуя национальные суды, и должны сначала исчерпать местные средства правовой защиты [3]. Однако для нескольких отраслей, включая деятельность в сфере нефтегазовой промышленности и общественного обслуживания, действует особый режим, позволяющий инвесторам предъявлять иски в связи с нарушением стандартов защиты, включая режим «справедливого и равноправного обращения», без предварительного обращения в государственный суд [4].

С точки зрения гарантий, предоставляемых хозяйствующим субъектам, НАФТА предусматривала более либеральный подход и более ориентированный на механизмы, предоставляемые самим договором. ЮСМКА, с другой стороны, наделяет государства-члены правом на разрешение споров, возникающих в национальной системе при помощи национальных механизмов, в то же время, не лишая инвесторов права в конечном итоге обращаться в международный арбитраж.

Такие подходы обладают как преимуществами, так и очевидными ограничениями, аналогично тем, что прослеживаются в механизмах защиты инвесторов в рамках ЕАЭС. Сильной стороной рассмотрения споров в национальных судах являются более низкие издержки, высокий уровень компетенции и специализация судей в области внутреннего права, а также институциональная встроенность в национальную правовую систему. Однако в условиях, когда судебная власть может подвергаться политическому влиянию, существует риск принятия решений в ущерб интересам инвестора, особенно

если последние противоречат приоритетам государственной политики. Дополнительно судебная практика в разных государствах-членах может развиваться фрагментарно, отражая особенности национальных правовых систем и стратегий инвестиционного регулирования. Это ведет к отсутствию единого подхода, снижая уровень предсказуемости и правовой определенности для инвесторов. В этом контексте наделение наднационального суда, ориентированного на поддержку и развитие внутреннего рынка интеграционного объединения, правом формировать единообразную и устойчивую практику защиты инвестиций стало бы весомым шагом к углублению правовой интеграции и усилению доверия со стороны иностранных инвесторов.

Проводя сравнительный анализ между этими двумя соглашениями, можно утверждать, что ЮСМКА демонстрирует более проинвестиционный подход, предоставляя иностранным инвесторам дополнительный механизм защиты их интересов. Это не только способствует укреплению доверия к правовой системе, но и позитивно сказывается на инвестиционном климате и устойчивости интеграционных процессов. В то же время в рамках ЕАЭС даже после исчерпания всех национальных средств правовой защиты хозяйствующим субъектам не предоставляется возможность прямого обращения в Суд ЕАЭС, что становится упущенной возможностью для усиления правовой защиты инвесторов и повышения институциональной привлекательности Союза.

В качестве альтернативного средства обеспечения пропорциональности горизонтального уровня защиты прав инвесторов, как минимум, целесообразно внедрить механизм преюдициальных запросов со стороны национальных судов в Суд ЕАЭС. Такой механизм предполагает возможность направления судом государства-члена запроса о толковании положений права ЕАЭС непосредственно в Суд Союза. Аналогичная модель успешно функционирует в Европейском союзе, где Суд ЕС обладает исключительной юрисдикцией по вопросам толкования учредительных договоров и нормативных актов институтов ЕС, а национальные суды государств-членов наделены правом инициировать такие запросы в целях обеспечения единообразного применения и интерпретации норм Союза [5].

Как отмечал Д. Андерсон, преюдициальная процедура является основополагающей частью судебной архитектуры Европы, определяющей Суд ЕС в качестве места встречи правового порядка Сообщества (в настоящее время – Союза) и его государств-членов [6]. Практика преюдициальных запросов в практике ЕС показала себя с лучшей стороны. Согласно докладу Суда ЕС за 2018г. принятие решений на основании преюдициальных запросов составляет более 65% его рабочей нагрузки [7]. Особую значимость механизм преюдициальных запросов приобретает при толковании неопределенных или расплывчатых положений, касающихся гарантий для инвесторов, которые зачастую подвержены разночтениям и интерпретационной неточности. Такой

механизм особенно важен при определении объема дискреционных полномочий государств-членов, включая право вводить ограничения на инвестиционную деятельность в соответствии с правом Союза. Централизация толкования норм ЕАЭС через Суд Союза обеспечит единообразное и предсказуемое применение правовых норм, устранив риски фрагментации правопонимания и отклонения национальных подходов от интеграционной логики. Это также станет дополнительным инструментом гармонизации законодательства государств-членов.

В то же время, внедрение системы преюдициальных запросов требует поэтапного и аккуратного подхода. Для успешной имплементации и предотвращения возможных теоретических и институциональных трудностей необходимо опираться на проверенный международный опыт, прежде всего, на юриспруденцию и институциональную практику Суда Европейского Союза.

Проблема предварительного разрешения споров и досудебных фильтров

Судебные механизмы разрешения инвестиционных споров являются затратными и долгими, поэтому они могут иметь негативное воздействие как на имидж компаний, так и их процессы, создавая излишние задержки. Для этого, при возникновении спора инвесторы могут предпочесть более быстрые, экономные и не менее точные варианты его разрешения. Такие внесудебные механизмы есть во многих странах и интеграционных организациях.

Что касается жалоб хозяйствующих субъектов, включая инвесторов, в отношении действий органов ЕАЭС, Статут Суда ЕАЭС, в своих положениях пп. 43, 44 содержит указание о том, что спор не принимается Судом ЕАЭС к рассмотрению без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) для урегулирования спора в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами или иными способами, предусмотренными Договором о ЕАЭС и международными соглашениями в рамках ЕАЭС, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором о ЕАЭС [8].

Если со стороны государства-члена или ЕЭК в течение 3 месяцев со дня поступления к ним обращения заявителя не предпринято мер по урегулированию спора в досудебном порядке, то это является основанием для подачи соответствующего заявления в Суд ЕАЭС. Стороны по взаимному согласию могут передать спор на рассмотрение Суда ЕАЭС до истечения срока, указанного выше [9].

Процедура досудебного урегулирования споров, осуществляемая ЕЭК, установлена Решением Коллегии ЕЭК «О порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов с заявлением об оспаривании решений ЕЭК, Ко-

миссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) ЕЭК», которое было принято 19 марта 2013г. под номером 46 [10]. Решением Коллегии ЕЭК от 22 декабря 2020г. № 179 в него были внесены изменения. Пересмотр данного Порядка был необходимым шагом в усовершенствовании процедур защиты хозяйствующих субъектов, включая инвесторов, поскольку ряд процессуальных вопросов оставались без ответа. Например, неясными были вопросы о процессуальных действиях, которые могут быть совершены ЕЭК, а также о заключительных актах в процессе досудебного разрешения споров. Решением от 22 декабря 2020г. были исправлены некоторые из этих вопросов. Однако система досудебного разрешения споров все еще требует дальнейшей разработки, учитывая важность обеспечения гарантий защиты прав инвесторов и других хозяйствующих субъектов.

Учитывая вышесказанное, сравнивая положения инвесторов в рамках внесудебных механизмов ЕАЭС с правами инвесторов в МЕРКОСУР [11], можно выделить ряд существенных различий. МЕРКОСУР, как одно из наиболее влиятельных интеграционных объединений в Латинской Америке, аккумулирует значительную долю экономического оборота и прямых иностранных инвестиций региона. Особый интерес в контексте сравнительного анализа представляет «Протокол о сотрудничестве и содействии инвестициям внутри МЕРКОСУР», вступивший в силу 26 сентября 2019г. [12].

Этот документ закрепляет инновационный институциональный механизм, направленный на предотвращение возникновения споров между инвестором и государством, институт «Омбудсмана» или «Национального координатора». Согласно статье 18 Протокола, такой координатор несет основную ответственность за содействие и поддержку инвесторов из других государств-участников на территории своего государства. Национальные координаторы находятся в постоянной связи как между собой, так и с компетентными органами своих государств. Их задача заключается в формировании стратегий содействия инвестициям, предоставлении рекомендаций по совершенствованию инвестиционного климата, а также в оперативном реагировании на потенциальные конфликты. Через взаимодействие с государственными органами координаторы стремятся разрешить потенциальные споры до их эскалации, включая консультативную поддержку и предварительный анализ правового регулирования. Кроме того, координаторы обязаны предоставлять отчеты о своей деятельности Комиссии МЕРКОСУР и действовать в соответствии с ее указаниями, что позволяет обеспечить институциональный контроль и координацию усилий в рамках всего объединения [13].

Концепт координаторов является интересным решением для поддержки осуществления внутрисоюзных инвестиций. Инвесторы из стран-членов имеют доверенное лицо, которое предоставит им информацию о законода-

тельстве страны-импортера и будет осуществлять деятельность по усовершенствованию инвестиционного законодательства. Такой орган может предотвратить потенциальные споры и помочь государствам гармонизировать инвестиционное законодательство.

Заключая, следует отметить, что сравнительный анализ досудебных механизмов защиты прав инвесторов в рамках ЕАЭС и МЕРКОСУР позволяет выявить как структурные сходства, так и ключевые различия, существенно влияющие на уровень эффективности правовой защиты. В ЕАЭС предусмотрена обязательная досудебная стадия разрешения споров, однако ее реализация носит, преимущественно, формальный характер и не сопровождается полноценными институциональными механизмами поддержки инвесторов. Несмотря на предпринятые усилия по реформированию процедуры обращения в ЕЭК, они остаются недостаточными для формирования действенного механизма раннего разрешения споров. В отличие от этого, правовая модель МЕРКОСУР демонстрирует более проактивный подход, сосредоточенный не только на урегулировании, но и на предотвращении конфликтов. Институт национальных координаторов (омбудсменов), действующий в рамках Протокола о сотрудничестве и содействии инвестициям, обеспечивает постоянную и институционализированную связь между инвесторами и государственными органами, способствует юридической определенности и укрепляет доверие между сторонами инвестиционного процесса. Такой механизм представляется особенно значимым в условиях наднационального объединения, заинтересованного в устойчивом экономическом развитии и росте трансграничных инвестиций.

В ЕАЭС на данный момент отсутствует орган, специализирующийся на превентивном урегулировании споров между инвесторами и государствами. Вместо этого действуют досудебная стадия и отдельные национальные институты, модернизирующие правовую среду на уровне государств-членов разрозненно. Внедрение аналогичного института в правовую систему ЕАЭС, в частности, создание органа, функционирующего по модели координаторов МЕРКОСУР, могло бы оказать положительное влияние как на снижение числа споров, так и на общее улучшение инвестиционного климата внутри Союза. Заимствование таких элементов в контексте адаптации к специфике ЕАЭС может стать значимым шагом на пути к углублению интеграции и правовой гармонизации.

Особое внимание заслуживает механизм, известный как “cooling-off period”. Так называется временной промежуток, предназначенный для досудебного урегулирования споров посредством дополнительных переговоров. Он представляет собой обязательный интервал между направлением уведомления о намерении инициировать арбитражное разбирательство и фактиче-

ской подачей иска. Основной целью данного механизма является предоставление сторонам возможности провести консультации, переговоры либо прибегнуть к альтернативным методам разрешения спора, прежде чем инициировать формальную арбитражную процедуру.

В рамках ЮСМКА институт “cooling-off period” получил более формализованное и обязательное правовое закрепление по сравнению с прежним соглашением НАФТА [14]. В частности, статья 14.D.2 ЮСМКА устанавливает, что стороны спора обязаны в первую очередь прибегнуть к переговорам, консультациям, а при необходимости, к таким альтернативным средствам разрешения споров, как посредничество, примирение или добрые услуги. Уведомление о намерении инициировать арбитраж должно быть направлено как минимум за 90 дней до подачи иска. В течение данного периода стороны получают дополнительное время для урегулирования спора без возможности прибегать к арбитражу.

Дополнительное ограничение установлено статьей 5 Приложения 14-D, согласно которой инвестор должен в течение 30 месяцев добросовестно прибегать к разрешению спора в национальных судах (или дожидаться окончательного решения) до обращения в арбитраж. Исключение возможно лишь в случае, если такое обращение будет очевидно бесполезным (futile) [15].

Таким образом, модель ЮСМКА представляет собой двухступенчатую систему превентивного контроля: сначала период ожидания для консультаций, затем обязательное обращение в национальные судебные инстанции. Такая конструкция обеспечивает многоуровневую фильтрацию споров, стимулируя стороны к мирному урегулированию и снижая нагрузку на международные арбитражные институты. В рамках ЕАЭС тоже присутствует обязательный механизм “cooling-off period” применительно к инвестиционным спорам. Протокол предусматривает 3-месячный период для урегулирования разногласий с помощью проведения консультаций, переговоров или иных действий между инвестором и государством или ЕЭК [16]. Такой механизм безусловно имеет положительное влияние на обеспечение плавной деятельности предпринимательской системы в рамках Союза. Различительной чертой тут является возможность пропуска данного периода, если есть согласие обеих сторон спора, что не допускается в аналогичных положениях ЮСМКА [17]. Такая опция, несмотря на возможные негативные последствия в виде поспешных и, как следствие, не полностью сформированных споров и требований, носит более позитивный характер, так как позволяет сторонам свободнее распоряжаться инструментами защиты, которые предоставлены Договором.

Кроме этого, общие положения об урегулировании разногласий между инвестором и государством могут содержаться в двусторонних договорах, заключенных между государствами-участниками Союза, либо в национальном

законодательстве, но они не координируются и не стандартизированы на наднациональном уровне.

В заключение можно отметить, что “cooling-off period” в ЮСМКА выступает эффективным фильтром, позволяющим сторонам пытаться урегулировать спор до арбитража, а также укрепляет правовую предсказуемость и снижает нагрузку на международные трибуналы. Внедрение адаптированного “cooling-off” механизма в ЕАЭС повышает правовую устойчивость, стимулирует разрешение споров на ранней стадии и способствует формированию единого инвестиционного пространства.

Институциональные инструменты превентивного контроля за инвестиционной политикой

В современных интеграционных объединениях особое значение приобретают превентивные механизмы, направленные на снижение инвестиционных рисков еще до момента возникновения спора. Одним из ключевых направлений в этом контексте является институциональный контроль за инвестиционной политикой стран-участниц, позволяющий выявлять потенциальные угрозы для инвесторов и своевременно принимать меры по их нейтрализации. Такие механизмы выполняют функцию своеобразного фильтра, они не только предупреждают дестабилизирующие практики, но и способствуют выстраиванию единого инвестиционного пространства внутри интеграционного образования. В рамках различных интеграционных организаций были разработаны собственные институциональные подходы к такому контролю. В ЕС действует многоуровневая система предварительной оценки рисков, наиболее заметным элементом которой является механизм скрининга иностранных инвестиций, направленный на защиту безопасности и общественного порядка. В МЕРКОСУР, напротив, сделан акцент на координации между государствами-участниками через деятельность национальных координаторов, организующих регулярные встречи и обменивающихся информацией о состоянии инвестиционного климата и потенциальных конфликтах.

В отличие от этих подходов, в рамках ЕАЭС отсутствуют эффективные наднациональные механизмы координации инвестиционной политики, способные выполнять функцию превентивного контроля. Это создает риски фрагментации внутреннего инвестиционного пространства, а также снижает устойчивость системы к внутренним и внешним вызовам. Настоящий раздел посвящен анализу институциональных инструментов, применяемых в ЕС и МЕРКОСУР, с целью выявления возможных ориентиров для дальнейшего развития ЕАЭС в этой области.

В качестве отправной точки сравнительного анализа целесообразно рассмотреть правовое регулирование иностранных инвестиций в ЕС, который в

определенной мере послужил прототипом для ЕАЭС. Особое внимание хотелось бы уделить внедрению в ЕС механизма скрининга (фильтрации) прямых иностранных инвестиций из третьих стран, а также анализу возможных последствий заимствования данной модели в контексте ЕАЭС.

С вступлением в силу Лиссабонского договора, в 2009г. в сферу общей торговой политики ЕС были включены аспекты, касающиеся регулирования иностранных инвестиций. Это ознаменовало переход к единым принципам в области заключения соглашений о поощрении и взаимной защите инвестиций с третьими странами, осуществляемыми уже не отдельными государствами-членами, а от имени Союза в целом. До этого момента заключение инвестиционных соглашений находилось исключительно в компетенции национальных правовых порядков, что препятствовало формированию единообразного подхода к регулированию внерегиональных потоков прямых иностранных инвестиций. Однако после реформы, ЕС получил полномочия самостоятельно формировать внешнеэкономическую инвестиционную политику в рамках унифицированного нормативного подхода [18].

В мае 2010г. Европейский парламент ограничил полномочия Европейской комиссии в части вмешательства в существующие соглашения о поощрении и защите инвестиций, заключенные государствами-членами ЕС с третьими странами. С этого момента Комиссия получила право пересматривать лишь те договоры, положения которых потенциально противоречат праву Союза либо создают угрозу формированию единой инвестиционной политики ЕС и заключению будущих соглашений от имени всего Союза [19].

С увеличением объема иностранных инвестиций в ЕС со стороны третьих стран и, в особенности, с колоссальным увеличением масштабов прямых иностранных инвестиций с Китая, ЕС задумался об обеспечении контроля над иностранными инвестициями для обеспечения экономической безопасности [20]. В то же время, контрольный механизм не должен был нарушать действующих гарантий. Рамочный Регламент о создании системы проведения скрининга (фильтрации) ПИИ стран ЕС, принятый Европейским парламентом и Европейским советом, включает 38 разъясняющих пунктов преамбулы и 17 статей Регламента 2019/452, которые содержат общее обоснование мотивов разработки данного документа и описание будущего механизма отбора [21].

Регламент не противоречит принципам открытой инвестиционной среды и обязательствам ЕС по договорам и соглашениям с третьими странами. Он направлен на поддержание безопасности и общественного порядка путем регулирования притока прямых иностранных инвестиций в ЕС. Его необходимость была обусловлена отсутствием координации и полномасштабного сотрудничества между странами-членами ЕС в сфере мониторинга прямых иностранных инвестиций, в то время как механизмы такого мониторинга уже действуют в крупнейших партнерах ЕС – США и КНР.

Рамочный Регламент ЕС предусматривает создание механизма скрининга для проверки прямых иностранных инвестиций из третьих стран в экономику государств-членов ЕС. Информация о таких инвестициях собирается и вводится в общую базу данных. В случае необходимости, страны-члены могут рассмотреть вопросы безопасности в отношении таких инвестиций, либо передать их на уровень Европейской комиссии для рассмотрения. Европейская комиссия проводит расследование и согласование с заинтересованными сторонами, формулируя рекомендации на основе выявленных рисков и последствий. Страна-реципиент принимает конечное решение об инвестировании после завершения скрининга.

Такой механизм мониторинга имеет целью контроль стратегически важных отраслей экономики путем повышения обоснованности принятия решения по скринингу, оставляя конечное принятие решения на само государство. Факторы риска национальной безопасности включают доступ иностранных государств к прорывным технологиям, потерю контроля над критически важной инфраструктурой и нарушение конкуренции через использование государственного финансирования и участие в государственных проектах. В странах-членах ЕАЭС защита национальной безопасности, как уже было упомянуто выше, имеет внутринациональное регулирование. Каждое государство путем своей внутренней системы устанавливает свою экономическую политику в сфере безопасности стратегически важных сфер экономики, и в ЕАЭС эта политика не способствует гармонизированному подходу государств к регулированию инвестиций.

В то же время, внедрение единого механизма может иметь место только в случае наличия соответствующей компетенции Союза и достаточной степени гармонизации уже существующих регулирований. С первого взгляда можно подумать, что получается порочный круг – для внедрения механизма нужна тесная взаимосвязь, для тесной взаимосвязи и единообразных стандартов защиты нужен механизм защиты. Однако при наличии согласия государства имеют возможность гарантировать иностранным инвесторам защиту прав в одинаковой мере и при наличии решимости к углублению интеграции наделить Союз соответствующими полномочиями.

Таким образом, сравнительный анализ подходов ЕС и ЕАЭС к институциональному контролю за инвестиционной политикой демонстрирует существенный разрыв в уровне развития превентивных механизмов защиты инвестиционной среды. Отсутствие в ЕАЭС комплексной системы скрининга прямых иностранных инвестиций на наднациональном уровне обусловлено как ограниченной компетенцией Союза в инвестиционной сфере, так и фрагментированным характером национальных подходов к регулированию ПИИ и защите экономической безопасности. Тем не менее, опыт ЕС может служить ориентиром для институционального развития ЕАЭС. Внедрение механизма

скрининга даже в адаптированной форме способно повысить устойчивость Союза к внешним вызовам, укрепить доверие инвесторов и способствовать формированию единого инвестиционного пространства. Такой механизм позволил бы осуществлять обмен информацией о потенциально чувствительных инвестициях, координировать политику в стратегических секторах и вырабатывать общие стандарты оценки инвестиционных рисков. Это также могло бы стать важным шагом к постепенной гармонизации инвестиционного регулирования, что, в свою очередь, создаст основу для наделения ЕАЭС более широкими полномочиями в сфере инвестиционной политики. При наличии политической воли и согласия государств-членов, адаптация элементов скринингового механизма ЕС представляется не только возможной, но и целесообразной в контексте укрепления экономического суверенитета и внутренней согласованности ЕАЭС.

Заключение

Сравнительный анализ практик и нормативной базы ЕС, ЮСМКА и МЕРКОСУР позволяет утверждать, что при наличии формальных гарантий защиты иностранных инвесторов нормативная база ЕАЭС все еще демонстрирует фрагментарность в реализации механизмов защиты и разрешения споров. Основной проблемой остается отсутствие согласованной инвестиционной политики и координации между государствами-членами, что снижает предсказуемость и устойчивость инвестиционного климата в регионе. Такое различие на внутригосударственном законодательном уровне обусловлено кардинальными различиями в подходах к инвестиционной политике и нехваткой воли государств двигаться в сторону более глубокой экономической интеграции. В отличие от ЕАЭС, в рассматриваемых интеграционных объединениях успешно применяются наднациональные инструменты защиты от преюдициальных процедур и механизма скрининга в ЕС до досудебных фильтров и прямого доступа к арбитражу в рамках ЮСМКА и координационного подхода в МЕРКОСУР. Эти практики демонстрируют высокую степень интеграции и правовой гармонизации, способствующей снижению инвестиционных рисков еще до возникновения спора.

Некоторые из таких инструментов могут быть адаптированы в рамках ЕАЭС, но их имплементация требует поступательности, политической воли и согласия государств-членов. Возможность введения преюдициальных запросов в Суд ЕАЭС может стать важным шагом к формированию единообразной и предсказуемой практики применения права Союза. Усиление роли Суда ЕАЭС как центрального института судебной имплементации норм Союза будет способствовать кристаллизации нормативной базы, укреплению доверия инвесторов и повышению правовой стабильности интеграционного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. П. 84 Приложения 16 Договора о ЕАЭС URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
2. Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-tradeagreements/united-states-mexico-canada-agreement-between> (Дата обращения: 01.12.2025) [далее – Договор ЮСМКА].
3. Там же. 14.D.5.
4. Там же. Annex 14.E.
5. Согласованные версии Договора о Европейском Союзе и Договора о функционировании Европейского Союза // ОВ. С326. Т. 55. 26 октября 2012г. СС. 13–390.
6. *Андерсон Д.* Ссылки на Европейский суд. Лондон: “Sweet & Maxwell”, 1995.
7. Суд Европейского Союза. Ежегодный отчет. 2018 год // Суд Европейского Союза. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-04/_ra_2018_en.pdf (Дата обращения: 01.12.2025).
8. П. 43 Положения 2 Договора о ЕАЭС. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
9. Там же. П. 44.
10. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013г. № 46 (в ред. Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 декабря 2020г. № 179) «О порядке рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов с заявлениями об оспаривании решений ЕЭК, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) ЕЭК», URL: <https://courteurasian.org/upload/iblock/c-1c/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA%20%D0%9A-%D0%95%D0%AD%D0%9A%2046.pdf> (Дата обращения: 01.12.2025).
11. WTO. Regional trade agreements. Southern Common Market (MERCOSUR). URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=130> (Дата обращения: 01.12.2025).
12. Intra-MERCOSUR Cooperation and Facilitation Investment Protocol, 2017 // UNCTAD Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/3772> (Дата обращения: 01.12.2025).
13. Статья 18 Протокола сотрудничества и содействия инвестициям внутри МЕРКОСУР.
14. Договор ЮСМКА 14.D.2.
15. Там же. 14.D.5.
16. П. 43, 44 Приложения 16 Договора о ЕАЭС. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
17. Там же. П. 45.
18. Соглашения ЕС об инвестициях в рамках Договора Лиссабонского региона: сборник материалов // Сеть от Сизтла до Брюсселя. Амстердам: «Традиционный институт», 2010г.; *Берманн Г.* Навигация по праву Европейского союза и праву международного арбитража // Журнал “Arbitration International”. Т. 28, № 3, 2012. СС. 397–446.
19. *Хобер К.* Арбитраж инвестиционных договоров и его будущее – если оно есть // «7 Годовой отчет по арбитражу и медиации», 2015. С. 58.
20. European Commission Decision of 29.11.2017 setting up the group of experts on the screening of foreign direct investments into the European Union. European Commission.

- 29.11.2017. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/expert-groups-register/core/api/front/-expertGroupAdditionalInfo/48399/download> (Дата обращения: 01.12.2025).
21. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019R0452> (Дата обращения: 01.12.2025).

REFERENCES

1. Cl. 84 Appendix 16 of the Treaty on the EAEU. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
2. Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20. URL: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-tradeagreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between> (Accessed: 01.12.2025).
3. Ibid. 14.D.5.
4. Ibid. Annex 14.E.
5. The consolidated versions of the Treaty on European Union (TEU) and the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU) // OB. C326. Vol. 55. October 26, 2012. PP. 13–390.
6. *Anderson D.* References to the European Court of Human Rights. London: “Sweet & Maxwell”, 1995.
7. Court of Justice of the European Union. Annual Report. 2018 // Court of Justice of the European Union. URL: https://curia.europa.eu/jcms/upload/docs/application/pdf/2019-04/_ra_2018_en.pdf (Accessed: 01.12.2025).
8. Cl. 43 Appendix 2 of the Treaty on the EAEU. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
9. Ibid. Cl. 44.
10. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of March 19, 2013 No. 46 (as amended by Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission of December 22, 2020 No. 179) “On the procedure for considering appeals from economic entities with a statement challenging decisions of the EEC, the Customs Union Commission, their individual provisions, or actions (inactions) of the EEC” URL: <https://courteurasian.org/upload-iblock/c1c/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BE%D0%BA%20%D0%9A%D0%95%D0%AD%D0%9A%2046.pdf> (Accessed: 01.12.2025).
11. WTO. Regional trade agreements. Southern Common Market (MERCOSUR). URL: <http://rtais.wto.org/UI/PublicShowMemberRTAIDCard.aspx?rtaid=130> (Accessed: 01.12.2025).
12. Intra-MERCOSUR Cooperation and Facilitation Investment Protocol, 2017 // UNCTAD Investment Policy Hub. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements/treaties/treaties-with-investment-provisions/3772> (Accessed: 01.12.2025).
13. Article 18 of the Protocol on Cooperation and Promotion of Investments within MERCOSUR.
14. Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20. 14.D.2.
15. Ibid. 14.D.5.
16. Cl. 43, 44 Appendix 16 of the Treaty on the EAEU. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
17. Ibid. Cl. 45.

18. EU Investment Agreements under the Lisbon Treaty: A Compendium // The Seattle to Brussels Network. Amsterdam: “Traditional Institute”, 2010; *Bermann G.* Navigating EU Law and the Law of International Arbitration // “Arbitration International”. Vol. 28, № 3, 2012. PP. 397–446.
19. *Hober K.* Investment Treaty Arbitration and its Future – if there is one // “7 Arbitration and Mediation Annual Report”, 2015. P. 58.
20. European Commission Decision of 29.11.2017 setting up the group of experts on the screening of foreign direct investments into the European Union. European Commission. 29.11.2017. URL: <https://ec.europa.eu/transparency/expert-groups-register/core/api/front/expertGroupAdditionalInfo/48399/download> (Accessed: 01.12.2025).
21. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 establishing a framework for the screening of foreign direct investments into the Union // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019-R0452> (Accessed: 01.12.2025).

**SOME ASPECTS OF JUDICIAL AND PRE-TRIAL
PROTECTION OF FOREIGN INVESTMENTS: A
COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EAEU WITH THE
PRACTICES OF THE EU, USMCA, AND MERCOSUR**

M. Arshakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

The article examines the features of judicial and pre-trial protection of foreign investments within the framework of the EAEU in comparison with the mechanisms operating in other integration associations, such as the EU, the USMCA, and MERCOSUR. The key structural elements of protection are analyzed, including investors' access to justice, the existence of pre-trial filters, and institutions for coordinating investment policy. The study explores the most effective mechanisms implemented in other integration systems that may have a positive impact on shaping a more attractive investment climate in the EAEU by providing investors with additional guarantees of protection. Based on a comparative analysis, proposals are put forward for the gradual adoption of certain mechanisms aimed at strengthening the investment climate and legal stability within the Union.

Keywords: investment protection, Court of the EAEU, economic integration, comparative law.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-115-127
УДК 34

Поступила: 17.09.2025г.
Сдана на рецензию: 20.09.2025г.
Подписана к печати: 03.12.2025г.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO PEACEFUL ASSEMBLIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: VIRTUAL PEACEFUL ASSEMBLIES, LEGAL ASPECTS AND PRACTICE

I. Nersesyan

Lawyer, IRTEK Legal Information Center JSC
nersesyan-1994@bk.ru
ORCID: 0009-0003-6803-774X

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the implementation of the right to peaceful assemblies in the digital environment, with a focus on online assemblies and virtual meetings. It examines current trends in the development of digital forms of expressing socio-political opinions, as well as existing legal norms regulating the procedures for conducting such events. Special attention is given to issues of law enforcement practice and potential risks of violating participants' rights during online assemblies. Based on a comparative analysis of the legislation of various countries, recommendations are proposed for amending the legislation of the Republic of Armenia to ensure more effective protection of the right to peaceful assemblies in the digital environment. The article also emphasizes the importance of digital technologies as a tool to enhance civic engagement and public participation in democratic processes.

Keywords: online assemblies, virtual meetings, right to peaceful assemblies, digital environment, legal regulation, civic engagement, Armenian legislation.

The modern development of information technologies and the widespread use of the Internet are creating new forms of exercising the right to peaceful assembly, including online assemblies. An online assembly is understood as the gathering of citizens in a virtual space with the purpose of expressing public or political opinion, discussing pressing issues, and making collective decisions, which functionally corresponds to traditional physical rallies or pickets. A detailed analysis of the concept of online assemblies, as well as of the institution of assemblies itself, will be undertaken further, since both concepts are interrelated and require scholarly reflection and an original definition that takes into account contemporary social and technological realities.

First of all, it is necessary to analyze the concept of peaceful assemblies, since their implementation constitutes the core of the right to freedom of peaceful assembly.

What does the “right to peaceful assembly” represent, and how should the very concept of “peaceful assembly” be understood? How are these categories interpreted in legal scholarship and enshrined in the legislation of different states? In the modern context, given the dynamic socio-technological development of society, it is important to formulate a relevant definition of these notions that reflects new forms of citizen participation, including online events.

It is generally accepted that the right to peaceful assembly is one of the fundamental democratic freedoms, representing the ability of citizens to voluntarily and collectively gather in public spaces to express their views, interests, and demands, provided that the principles of nonviolence and respect for the rights of others are observed. It serves as an important mechanism for public participation in political, social, and cultural life, ensuring interaction between citizens and the state and influencing the decision-making process.

Gavrilov argued that the right to peaceful assembly is a “socio-legal institution that ensures the collective expression of the will and interests of citizens through the nonviolent gathering of people in public space for communication with society and the state.” [1]

In N. Margaryan’s article “Constitutional and legal foundations of restricting the freedom of peaceful assembly”, an assembly is defined as the intentional and temporary presence of a group of people in a public place for the purpose of expressing common interests. The author notes that an assembly should be considered peaceful if its organizers have peaceful intentions. The term “peaceful” should be interpreted as encompassing conduct that may irritate or offend individuals who disagree with the ideas or statements supported by the assembly, as well as conduct aimed at deliberately obstructing or creating interference with the actions of third parties.[2]

Khalikova A. argued that the right to peaceful assembly is one of the political rights belonging to the fundamental constitutional rights of a citizen. It is intended to guarantee citizens the opportunity to gather peacefully and without weapons in public places to express their views, interests, and demands [3].

M. Riekkinen noted that the right to freedom of peaceful assembly is an essential prerequisite for the realization of other human rights, such as the freedom of expression [4].

Based on the above definitions of the right to peaceful assembly, it is possible to identify and present the characteristics of this right:

1. Collective nature. The right to peaceful assembly implies the participation of more than one person and is exercised through the joint expression of the will of a group of individuals. Unlike individual rights, it is inherently aimed at the collective exercise of freedom of expression.

2. Peaceful character of implementation. Legal doctrine emphasizes that a mandatory feature of an assembly is its non-violent nature and the absence of weapons among participants. Violence or incitement to violence deprives the assembly of legal protection.

3. Purpose-oriented nature. An assembly as a legal phenomenon is aimed at expressing, shaping, or conveying public opinion, as well as influencing state decision-making processes.

4. Public nature. Researchers note that assemblies must be open and public, allowing the possibility for an indefinite circle of persons to perceive the information.

5. Connection with other constitutional rights. Legal doctrine views the right to assembly as a “collective form of exercising freedom of expression and freedom of association”. It does not exist in isolation but complements other individual rights.

6. Presence of special guarantees by the state. Scholars emphasize that this right cannot exist without the state’s positive obligation to ensure the possibility of assembly, to protect participants, and to prevent interference by third parties.

Thus, in legal doctrine, the right to peaceful assembly is regarded as a collective, public, and peaceful action aimed at expressing opinion, closely connected with other constitutional rights, and requiring the state’s positive obligation to ensure its realization.

Undoubtedly, the identified features reflect the general legal characteristics of the right to peaceful assembly. At the same time, it is necessary to take into account that in the conditions of the 21st century—shaped by the natural evolution of social relations and, above all, the rapid development of technologies – this right is undergoing transformation under the influence of digitalization processes. As a result, the right to peaceful assembly acquires renewed features and takes on new legal forms.

The right to peaceful assembly is undergoing transformation under the influence of digitalization processes, as a result of which the legal doctrine of the 21st century requires expansion. Accordingly, the study of this right in the modern context should be carried out through the prism of the impact of digital technologies.

In the future, it seems necessary to conduct research both in the theoretical and legal dimension—aimed at clarifying the content and features of the right to peaceful assembly under conditions of digitalization – and in the applied dimension – through an analysis of the particularities of the practical implementation of this right in the modern digital environment.

We consider it important to examine examples of online assemblies:

1. Bill Clinton's Webcast (1999, USA). In 1999, Bill Clinton held the first "virtual assembly" with U.S. citizens through a webcast. A webcast is a live broadcast of an event via the Internet (from the words web – network and broadcast – transmission).

2. Facebook Protests over the Monks' Movement in Myanmar (2007). Description: The Facebook group "Support the Monks' Protest" mobilized tens of thousands of participants to organize global demonstrations in support of the protesting monks. This action represents one of the first examples of global coordination through social networks.

3. Virtual Sit-ins against the World Economic Forum (WEF, 2002). Description: Activists organized "virtual sit-ins" by directing mass requests to the WEF website. The goal was to overload the server and draw attention to the problems of globalization.

4. Pol.is and Digital Democracy in Taiwan. Description: An online platform for collective discussion and decision-making, implemented within the framework of vTaiwan. This tool facilitated the discussion of 26 national issues and the incorporation of majority-backed measures into legislation.

5. Netroots Nation – Virtual Political Conference (USA, 2020–2021). Description: Due to the pandemic, in 2020 and 2021 the Netroots Nation conferences were held entirely online, bringing together thousands of participants and dozens of panels featuring politicians and activists.

6. Virtual Protests in Roblox (2023–2025). Description: Within the Roblox platform, teenagers organized virtual demonstrations against ICE and in support of Palestine. These protests were coordinated through TikTok and Discord, with one event attracting over 275,000 visits.

In addition to the aforementioned examples of online assemblies – of which, in reality, there are many more – we have limited ourselves to presenting only a portion within the established scope of this work. At the same time, it should be noted that a number of states have reached such a level of technological and legal development that specialized digital platforms for the organization of peaceful assemblies have been created. Thus, in Taiwan, the platforms vTaiwan and Pol.is operate, enabling citizens to participate in the discussion of draft laws and political initiatives, with the results of these virtual consultations taken into account by state authorities in the legislative process. In Estonia, online forums and digital assemblies (Rahvakogu) are employed, providing the population with opportunities to participate in consultative processes concerning new laws and governmental initiatives, effectively replacing part of the traditional public assemblies with virtual ones.

Thus, Taiwan and, to some extent, Estonia may be cited as illustrative examples:

1. Taiwan – the vTaiwan and Pol.is platforms.

In Taiwan, specialized online platforms – vTaiwan and Pol.is – have been established, enabling citizens to participate in the discussion of draft laws and political initiatives in a digital environment. Purpose: to engage citizens in the decision-making process and to ensure transparency through virtual assemblies and consultations. Format: users can deliberate on issues, vote, and propose solutions, with the outcomes subsequently taken into account by state authorities in the legislative process.

2. Estonia – “Rahvakogu” and digital forums.

In Estonia, online forums and digital assemblies provide citizens with opportunities to participate in consultations on new laws and governmental initiatives. These platforms serve to collect public opinions and coordinate collective discussions, effectively replacing part of the traditional public assemblies with virtual ones.

Moreover, within the Estonian experience, it is important to emphasize that the Rahvakogu project itself was initiated with the aim of engaging citizens in the discussion and shaping of political decisions, reflecting Estonia’s commitment to the development of digital democracy and the active participation of citizens in the political process. In his address to the Riigikogu on April 10, 2013, President Toomas Hendrik Ilves underscored the importance of open and substantive debate: “The people consist of individual persons. Our people – the very individuals upon whose shoulders Estonia rests – are intelligent and diverse. Only through joint discussion can it be determined which opinions are shared by all and where differences remain. No one person can think or feel on behalf of everyone. [...] Estonian society requires open dialogue; it seeks to be a genuine and meaningful participant in this process” [5]¹.

The experiences of Taiwan and Estonia demonstrate that the creation of specialized digital platforms for the organization of peaceful assemblies constitutes an effective instrument for the consolidation and realization of this right under contemporary conditions. Platforms such as vTaiwan and Pol.is in Taiwan, as well as Rahvakogu in Estonia, provide citizens with opportunities to participate in the discussion of draft legislation and socially significant initiatives, thereby creating a space for open dialogue and the collective expression of opinions. Such projects not only contribute to the strengthening of democratic principles and the transparency of decision-making but also effectively entrench the right to peaceful assembly within the digital environment, enabling its implementation through new legal mechanisms and technologies.

¹ Toomas Hendrik Ilves, The political statement of President Toomas Hendrik Ilves at the Riigikogu, 10 апреля 2013г., доступно по адресу: <https://kogu.ee/en/2013/04/10/the-political-statement-of-president-toomas-hendrik-ilves-at-the-riigikogu/> (Дата обращения: 09.08.2025).

Contemporary democracy is undergoing a natural process of modernization and adaptation under the influence of the digital age and rapid technological progress. In the context of the global spread of digital technologies, the forms of citizen participation in political and public life are being significantly transformed: traditional mechanisms of public deliberation and peaceful assembly are being complemented by virtual platforms that facilitate collective expression of opinions and engagement in decision-making. Consequently, democratic practice itself is acquiring new, digitally oriented forms that enable citizens to exercise their rights more effectively and interactively.

Following the analysis of international experience in the use of digital platforms for organizing peaceful assemblies in countries such as Taiwan and Estonia, it is appropriate to examine similar initiatives in Armenia. The study of national practice will make it possible to identify how digitalization and technological progress contribute to the realization of citizens' right to participate in public deliberations and peaceful assemblies within the framework of Armenian legislation and the social environment.

Armenia has undertaken steps to introduce digital instruments that facilitate citizen participation in the discussion of draft legislation and governmental initiatives. Among the most significant examples are the following:

- e-Draft platform. Designed for the publication of draft normative acts and the conduct of public consultations, this platform enables citizens to review drafts, submit comments and proposals, thereby contributing to the creation of a transparent and inclusive legislative environment (OECD, 2023).
- e-Request platform. Through this platform, citizens are able to submit requests for information from state authorities, which enhances transparency and governmental accountability (OECD, 2023).
- Digital democracy initiatives. Within the framework of the Digital Democracy and Transparent Governance program, public discussions and consultations with citizens are organized with the support of the Office of the Prime Minister of Armenia and the International Foundation for Electoral Systems (IFES) (OpenGovWeek, 2023).

Thus, the initiatives outlined above create a digital framework for the realization of citizens' right to participate in public deliberations and foster online engagement in decision-making processes, reflecting the broader trend toward the digital modernization of democratic practices in Armenia. At the same time, it should be emphasized that while the existing platforms contribute to the development of digital democracy to a certain extent, their establishment remains insufficient for the full realization of the right to peaceful assembly in the online space, as they are not specifically designed to facilitate the organization of peaceful assemblies within digital platforms.

In contemporary conditions of digitalization and the widespread use of online communications, international law has begun to recognize and establish the legal possibility of holding public assemblies in virtual formats alongside traditional ones. International organizations, such as the United Nations, emphasize the importance of safeguarding citizens' rights and freedoms in the digital sphere. In particular, United Nations General Assembly Resolution 78/213 calls for the creation of an open, safe, and inclusive digital environment that facilitates the realization of the rights to freedom of assembly and expression. The Resolution stresses: "Emphasizing that, in the digital age, technical solutions to ensure and protect the confidentiality of digital communications and transactions, including robust encryption, pseudonymization² and anonymity, are important for ensuring the enjoyment of human rights, in particular the rights to privacy, freedom of opinion and expression, and the freedoms of peaceful assembly and association, and recognizing that Member States should promote such measures and refrain from employing unlawful or arbitrary surveillance techniques, which may include forms of hacking ...". Furthermore, paragraph 19 of the Resolution provides that "...human rights and fundamental freedoms must be respected, protected, and promoted throughout the life cycle of artificial intelligence systems, and that new and emerging digital technologies should serve as tools for advancing, protecting, and realizing human rights, rather than undermining them." [6].

An analysis of the provisions of United Nations General Assembly Resolution 78/213 demonstrates that international law is already adapting to the challenges of the digital age, affirming the necessity of safeguarding human rights – including freedom of opinion, freedom of expression, and the freedoms of peaceful assembly and association – under conditions of digitalization. The reference to measures for protecting the confidentiality of digital communications and transactions (encryption, anonymization³, pseudonymization) indicates that the full realization of rights in the online space requires not only the recognition of digital forms of assembly but also the establishment of secure technical conditions for their functioning.

Of particular significance is paragraph 19 of the Resolution, which emphasizes that human rights and fundamental freedoms must be respected and protected throughout the entire life cycle of artificial intelligence systems, and that new digital technologies must not restrict but rather provide additional opportunities for

² "Pseudonymization" is an English legal/technical term. It comes from EU data protection law, especially the General Data Protection Regulation (GDPR). It refers to a process where personal data is processed in such a way that it can no longer be attributed to a specific individual without the use of additional information (which is kept separately and securely). So in academic/legal English, it is correct and widely used.

³ "Anonymization" it's mainly used in data protection, privacy, and computer science. It means the process of removing or altering personally identifiable information (PII) from data so that individuals cannot be identified.

their realization. This provision effectively enshrines the trend in international law toward perceiving digital technologies as instruments of democratic participation rather than as threats to rights and freedoms.

Thus, the legislative recognition of the possibility of holding assemblies in an online format constitutes an important step toward the modernization of democratic practices and the expansion of citizens' opportunities to exercise their right to peaceful assembly through digital platforms, while simultaneously ensuring transparency and inclusiveness of participation.

What conclusions can be drawn for Armenia?

As a state that has ratified the core international human rights treaties, Armenia must take these provisions into account and adapt its national legislation to the conditions of the digital environment. Existing platforms (for instance, e-Draft) already demonstrate certain steps toward digital democracy. However, for the full realization of the right to peaceful assembly, it is necessary to establish specialized legal and technical mechanisms that enable the conduct of online assemblies. In line with international standards, Armenia could enshrine in law not only the possibility of discussing draft legislation in a digital format but also the conduct of peaceful assemblies through online platforms, while ensuring data protection for participants and transparency of procedures. In doing so, Armenia would not only comply with international recommendations but could also serve as an example for the post-Soviet region in modernizing the right to peaceful assembly in the digital age.

In the context of the digitalization of social relations, the traditional understanding of an assembly as the physical presence of citizens in a specific location for the purpose of collective expression requires reconsideration. Modern technologies create the possibility of holding assemblies in the online environment, which necessitates scholarly and legal elaboration of this phenomenon.

In legal scholarship, there have been certain attempts to define this phenomenon. For example, PhD in Law A. A. Maksimov understands an "online rally" as a "mass assembly of citizens on a particular webpage on the Internet for the purpose of publicly expressing a socio-political opinion." This definition captures an essential element – the virtual form of organizing mass participation—yet it does not encompass all the legal characteristics inherent to the right of assembly.

Building on existing doctrinal approaches and international standards, an online assembly may be understood as the joint participation of two or more persons in a digital environment (whether on an Internet platform, a mobile application, a social network, or another technological medium), organized for the purpose of expressing, discussing, or shaping public opinion on matters of societal relevance, and characterized by the attributes of peacefulness and openness.

Accordingly, an online assembly constitutes a distinct form of peaceful assembly, realized not in physical but in virtual space, while preserving all of its essential

features: voluntary participation, collective character, peaceful nature, and orientation toward the expression of a socially significant position.

Online assemblies, as a specific form of peaceful assembly, preserve the fundamental legal attributes inherent to traditional forms of collective expression of will, while also acquiring new characteristics determined by the digital environment in which they are conducted. On the basis of doctrinal approaches and international standards, the following defining features may be identified:

1. Collectivity – the participation of two or more persons in a joint discussion of matters of public interest, irrespective of their geographical location;
2. Peaceful character – online assemblies must be carried out in a non-violent manner, excluding threats, cyber attacks, or other actions that disrupt public order or infringe upon the rights of third parties;
3. Purpose-orientation – an assembly is convened with the aim of expressing opinions, shaping positions, or deliberating on issues of societal importance;
4. Digital form of realization – the essential distinction lies in the conduct of assemblies on Internet-based platforms (social networks, videoconferencing tools, dedicated websites and applications), which substitutes the physical co-presence of participants;
5. Virtual publicity – although convened in digital space, an assembly retains its public nature, insofar as it is directed toward collective discussion and the articulation of opinion within the public sphere;
6. Inclusiveness – the digital format expands opportunities for participation, particularly for individuals who, for objective reasons, cannot be physically present offline;
7. Dependence on technical infrastructure – the possibility of conducting an online assembly is directly contingent upon Internet access, digital literacy, and technical resources, thereby creating new challenges in ensuring equal access to the exercise of this right.

Thus, online assemblies represent a digital modification of classical peaceful assemblies, preserving the traditional features of the freedom of assembly while expanding them through the specific characteristics inherent to the digital environment.

Author's Definition. The right to online assemblies is the state-guaranteed opportunity for citizens and other persons to participate in peaceful assemblies in the digital environment through information and communication technologies, for the purpose of expressing, shaping, and disseminating opinions of public significance, provided that the principles of legality, peaceful character, and respect for the rights and freedoms of other participants are observed.

Unlike traditional forms of peaceful assemblies, the spatial dimension of online assemblies is not defined by the physical co-presence of participants in a single geographical location, but by their unification within the virtual space of digital

communication. This space is created through the use of Internet platforms, social networks, videoconferencing tools, or specialized applications, and becomes a new arena of public dialogue. While it preserves the public nature of the assembly, it is devoid of territorial boundaries, fundamentally transforming the very concept of the “place of assembly.”

The online space of an assembly is characterized by a number of distinctive features:

- it is intangible, yet functionally substitutes for a physical square, street, or hall;
- it is transboundary, enabling the participation of individuals regardless of their geographical location;
- it is dependent on technological infrastructure, which serves as the guarantor of the possibility of exercising the right;
- it generates new challenges for legal regulation, including issues of jurisdiction, data security, and the protection of individual rights.

Thus, in the context of digitalization, the space of assembly ceases to be associated exclusively with a material territory and instead acquires the form of a virtual public sphere within which the right to freedom of peaceful assembly is exercised.

In classical legal understanding, the key element of an assembly is its place of convening, traditionally understood as a specific territory or premises where participants are physically present. It is precisely the “place of assembly” that serves as the starting point for regulating the procedure of its organization, ensuring security, and structuring interaction with state authorities.

However, under the conditions of digitalization, this category undergoes a fundamental transformation. In online assemblies, the spatial characteristic is shifted from the material environment to the digital one, and the “place of convening” becomes the virtual platform, internet service, or social network that enables participant interaction. In this way, the emphasis moves from physical presence to digital connectivity, which substantially alters the legal meaning of the concept of “assembly space.”

Whereas in the offline format the space of an assembly is geographically bounded and subject to the jurisdiction of a specific state, in the digital format it becomes transboundary, often extending beyond the limits of a single national jurisdiction. This circumstance necessitates the development of new legal solutions, since traditional regulatory mechanisms (for example, the authorization of an assembly in a particular location) cannot be fully applied to the virtual environment.

Thus, it may be argued that in the digital era the category of the “place of assembly” evolves into the category of “digital assembly space,” which entails the need to reconsider both doctrinal and normative approaches to safeguarding the freedom of peaceful assembly.

It should be emphasized that online assemblies cannot be regarded as an alternative to, or a complete replacement for, traditional offline gatherings. Their legal nature

is complementary, providing new forms of democratic participation without diminishing the significance of classical ways of exercising the right to peaceful assembly. Offline assemblies retain the essential element of publicity and the physical manifestation of civic positions, whereas the digital environment expands opportunities for participation in public processes by offering territorial independence and inclusivity. Accordingly, online assemblies should be interpreted as a modernized instrument within the arsenal of democratic practices—one intended to supplement rather than supplant traditional forms of collective civic expression.

Online assemblies also possess an important social dimension, namely, their role in ensuring accessibility for persons with disabilities. The digital format allows such individuals to take part in collective expression of opinions and public deliberations without the need for physical mobility, which may be difficult or even impossible in offline conditions. In this respect, online assemblies enhance inclusivity and guarantee equal access to the exercise of the constitutional right to freedom of peaceful assembly, thereby broadening opportunities for participation across all categories of citizens and reinforcing the democratic value of equality within society.

In accordance with international standards, including Article 29 of the United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities, states are obliged to ensure the participation of persons with disabilities in political and public life on an equal basis with other citizens. Online assemblies provide a genuine means for such individuals to realize their right to peaceful assembly, overcoming the physical, transportation, and infrastructural barriers inherent to traditional offline events. Thus, the digital environment promotes inclusivity, secures equal access to collective opinion formation, and strengthens the principles of equality and non-discrimination in democratic society.

Taking into account international experience, modern technologies, and the requirements of digital democracy, it would be advisable for Armenia to amend its national legislation in order to secure the possibility of conducting online assemblies.

In particular, it is recommended to introduce the following amendments to the Law of the Republic of Armenia “On Peaceful Assemblies”:

1. Supplement the Law with a separate chapter entitled “On peaceful assemblies in the virtual space.”

2. In this chapter, provide for the following legal provisions:

Article (number). On the Digital Form of Peaceful Assemblies

1. Everyone shall have the right to participate in peaceful assemblies in the digital environment, including internet platforms, mobile applications, videoconferencing tools, and social networks.

2. Digital assemblies shall possess all the attributes of peaceful assemblies established by law: voluntary participation, collective nature, peaceful character, and publicity.

3. Foreign nationals may participate in online assemblies within the jurisdiction of the Republic of Armenia, provided that national legislation is observed and the rights of all participants are respected.

Article (number). On the Protection of Participants' Data and Anonymity

1. Public authorities and organizers of online assemblies shall be obliged to ensure the confidentiality and security of participants' personal data.

2. Participants shall have the right to take part anonymously, provided that such anonymity does not contravene the law or infringe upon the rights of third parties.

Article (number). On Technical and Organizational Conditions

The State shall be obliged to create conditions for the conduct of online assemblies, ensuring the accessibility of digital platforms for all citizens, including persons with disabilities.

Article (number). On the Procedure of Notification and Coordination

Online assemblies may be conducted without prior notification of state authorities, provided that the principles of peaceful character, legality, and respect for the rights and freedoms of other participants are observed. The absence of a mandatory notification requirement ensures the promptness and flexibility of participation in the digital environment, constituting one of the key distinguishing features of online assemblies in comparison with traditional offline forms.

The introduction of specific legal norms governing online assemblies is necessary not only to adapt legislation to the digital environment, but also to strengthen citizens' trust in state institutions and democratic processes. The explicit recognition of the right to virtual assemblies formalizes new forms of political participation, establishes legal certainty, and reduces the risk of legal ambiguity or arbitrary restrictions by public authorities.

Moreover, such amendments encourage civic engagement and participation by providing citizens with the opportunity to organize collective discussions on pressing issues in a safe and lawful manner. They foster the development of innovative forms of interaction between the state and society, including the possibility of conducting consultations and debates in real time, while also expanding the scope for experimentation with digital democracy.

Thus, the codification of the right to online assemblies within the legal framework creates new guarantees for the realization of civil rights, enhances the transparency of public processes, and contributes to the formation of a more open, adaptive, and modern democratic society.

REFERENCES

1. *Gavrilov V.* Freedom of Assembly as a Form of Public Communication in a Democratic Society // "State and Law", N 6, 2018. PP. 45–53.
2. *Margaryan N.* Constitutional and Legal Grounds for Restricting the Freedom of Peaceful Assembly // "Bulletin of Moscow University". Series 11. "Law", N 2, 2017. PP. 45–58.

3. Khalikova A. The Right to Freedom of Peaceful Assembly: Problems of Implementation in Modern Russia // “Herald of Omsk University”. Series “Legal Sciences”, N 3, 2018. PP. 55–63.
4. Riekkinen M. The Right to Peaceful Assembly: A Comparative Legal Analysis of the Legislation of Russia and Finland // “Actual Problems of Russian Law”, N 12, 2016. PP. 32–39.
5. Ilves T. The political statement of President Toomas Hendrik Ilves at the Riigikogu. URL: <https://kogu.ee/en/2013/04/10/the-political-statement-of-president-toomas-hendrik-ilves-at-the-riigikogu/> (Accessed: August 9, 2025).
6. Resolution adopted by the General Assembly on 19 December 2023 [on the report of the Third Committee (A/78/481/Add.2, para. 139)] / P.7. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/78/213>

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА МИРНЫЕ СОБРАНИЯ В
ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ВИРТУАЛЬНЫЕ МИРНЫЕ
СОБРАНИЯ, ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА**

И.Н. Нерсисян

Центр правовой информации ИРТЕК АОЗТ

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу реализации права на мирные собрания в цифровой среде, с акцентом на онлайн-собрания и виртуальные митинги. Рассматриваются современные тенденции в развитии цифровых форм выражения общественно-политического мнения, а также существующие правовые нормы, регулирующие порядок проведения таких мероприятий. Особое внимание уделено проблемам правоприменительной практики и потенциальным рискам нарушения прав участников при проведении онлайн-собраний. На основе сравнительного анализа законодательств различных стран предлагаются рекомендации по внесению изменений в законодательство Республики Армения для обеспечения более эффективной защиты права на мирные собрания в цифровой среде. Статья также подчеркивает значение цифровых технологий как инструмента усиления гражданской активности и участия общества в демократических процессах.

Ключевые слова: онлайн-собрания, виртуальные митинги, право на мирные собрания, цифровая среда, правовое регулирование, гражданская активность, законодательство Республики Армения.

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-128-146

УДК 327.7

Поступила: 17.08.2025г.

Сдана на рецензию: 19.08.2025г.

Подписана к печати: 11.09.2025г.

СПЕЦИФИКА УРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН: ПРИМЕР ЮЖНОГО КАВКАЗА*

Н.А. Дунамян¹, Д.Б. Казаринова²

*Российско-Армянский (Славянский) университет¹,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы²
norayr.dunamalyan@rau.am, kazarinova-db@rudn.ru
ORCID¹: 0000-0003-0239-0594, ORCID²: 0000-0002-9416-5898*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что специфика урегулирования межэтнических конфликтов в контексте приоритетов устойчивого развития ООН на примере региона Южного Кавказа остается важнейшим приоритетом глобальной и региональной безопасности. Вместе с усилением глобальной турбулентности интенсивно меняется архитектура безопасности всего региона, при этом активную позицию в этих процессах занимают внерегиональные игроки, международные организации, которые призваны руководствоваться не только интересами своих стран-участниц, но и глобальными принципами устойчивого развития. Рассматриваются основные принципы, заложенные в Повестке дня ООН до 2030 года, в частности ЦУР-16, и их применение к решению межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: межэтнические конфликты, Южный Кавказ, Цели устойчивого развития ООН, консоциативный подход, интегративный подход, делиберативный подход.

* Статья подготовлена в рамках проекта 24SSAH-5F032 «Трансформирующиеся идентичности как проблема политологического исследования (на примере государств Южного Кавказа)», финансируемого Комитетом высшего образования и науки МОНКС РА. Acknowledgment: The article was prepared within the framework of the project 24SSAH-5F032 “Identities in flux as a problem of political science research (on the example of the South Caucasus states)”, funded by the Committee of Higher Education and Science of the Ministry of Education, Science, Culture and Sport of the Republic of Armenia.

Урегулирование межэтнических конфликтов – это процесс поиска и реализации решений для предотвращения, снижения или полного устранения напряженности и противостояния между различными этническими группами. Целью урегулирования является достижение мирного сосуществования, устранение причин конфликта (например, экономических, политических или культурных), а также предотвращение насилия и эскалации вражды. Успешное урегулирование требует учета интересов всех сторон, уважения прав человека и создания условий для устойчивого мира. Этот процесс может включать переговоры, посредничество, миротворческие миссии, создание институциональных механизмов для диалога и сотрудничества, а также меры по восстановлению доверия и социальной интеграции.

В академической науке сложились несколько классических подходов к урегулированию межэтнических конфликтов – *консоциативный, интегративный, делиберативный*.

Консоциативный подход к урегулированию межэтнических конфликтов был предложен А. Лейпхартом [1] в 1960-х годах. Он основывается на той идее, что стабильность и мир могут быть достигнуты через сотрудничество элит различных этнических групп внутри государства. Основные принципы консоциативного подхода включают: раздел властных полномочий между представителями разных этнических групп, пропорциональную систему представительства, право вето для меньшинств, гранд-коалицию, которая объединяет лидеров основных этнических групп для совместного управления государством. Этот подход эффективен в странах с глубоким разделением по этническому признаку, так как он помогает избежать конфликтов путем обеспечения участия всех значимых групп в политической жизни страны. Вместе с тем, такой подход может привести к застою и неспособности принимать важные решения, если между группами существуют значительные разногласия.

Интегративный подход к урегулированию межэтнических конфликтов фокусируется на создании единой национальной идентичности и объединении различных этнических групп в рамках одного государства [2]. Его цель заключается в том, чтобы уменьшить значимость этнической принадлежности и способствовать формированию общего гражданского сознания среди населения. Интегративный подход часто используется в многонациональных государствах, стремящихся создать сильное национальное единство. Однако его успех зависит от готовности всех этнических групп принять общую идентичность и отказаться от некоторых аспектов своей культурной самобытности [3].

Делиберативный подход к долгосрочному институциональному урегулированию этнических конфликтов (И.М. Янг [4], М. Уолцер [5] и Й. О'Флинн [6]) предполагает, что решение должно быть найдено через диалог и взаимное понимание, а не через навязывание одной стороны своей воли другой. Ключевые аспекты делиберативного подхода: открытый диалог, равноправие

участников, поиск компромиссов, участие гражданского общества. Делиберативный подход делает попытку примирить консоциативный и интегративный подходы и предлагает эффективный способ разрешения этнических конфликтов, но требует значительных усилий и времени для достижения успеха.

Все три подхода в основном опираются на анализ европейского опыта (случаи Бельгии, Ирландии). Но, как замечает Л. Тания, «несмотря на активные миротворческие усилия международных посредников и самих участников конфликта, который продолжается свыше 10 лет, кавказские сообщества так и не приблизились к миру, что ставит под сомнение эффективность применявшихся стратегий урегулирования» [7]. Несмотря на многолетние дипломатические усилия (Кисловодский процесс (1996), Майендорфская декларация (2008) [8], Женевские дискуссии [9], Пакт стабильности для Южного Кавказа (2006) [10], в последние годы – Минская группа ОБСЕ и т.д.), реализуемые с перемежающимся успехом, ни один из этих подходов не только не удалось воплотить, но не удалось даже приблизиться к его реализации. Очевидно, что внешние по отношению к региону игроки, имеющие противоположные геополитические интересы, ориентированы отнюдь не только на миротворческие инициативы и постконфликтное миростроительство, а их цели не лежат исключительно в рамках ЦУР ООН. Ряд этих внерегиональных игроков сами находятся в кризисе, переосмысливают свою роль в мире и регионе, переоценивают собственные ресурсы.

Как отмечает П. Гамагелян, за последние несколько десятилетий методы разрешения конфликтов на практике эволюционировали. Во время холодной войны в этой области преобладали реалистические подходы к урегулированию конфликтов, а в 1990-е годы она в значительной степени опиралась на неолиберальные теории экономической взаимозависимости, построения демократии и переговоров, основанных на интересах, которые могут принести взаимовыгодные результаты. К концу 2000-х годов, когда конструктивистская парадигма и критическая теория начали завоевывать популярность в научных кругах, концептуальный разговор сместился в сторону возможностей построения инклюзивных обществ и достижения структурного и культурного мира посредством трансформации конфликтов, а не их разрешения, в качестве соответствующей методологии [11]. Уязвимость подходов к урегулированию конфликтов в регионе связана с недостатком преобразующих, инклюзивных стратегий медиации, которые должны иметь приоритет над нормативно-правовыми стратегиями.

Каким образом трансформируются конфликты на Южном Кавказе?

С.М. Маркедонов в соответствии с теорией Э. Азара [12], квалифицирует армяно-азербайджанское противостояние (и, вероятно, это определение можно распространить и на другие конфликты на Южном Кавказе) как за-

тяжкой социальной конфликт, который исследует комплексно, рассматривая одновременно различные проявления одной и той же проблемы – межэтнического, межнационального, межгосударственного и международного характера, не выделяя приоритеты среди них, а интегрируя разные уровни анализа единого процесса [13].

Концепция «затяжного социального конфликта» (Protracted Social Conflict, PSC) описывает сложные и многогранные процессы, происходящие в обществе, когда различные группы вступают в длительное противостояние друг с другом. Это продолжительное столкновение интересов, ценностей, целей и потребностей различных социальных групп, которое характеризуется длительным периодом нестабильности и отсутствием окончательного разрешения.

Как отмечает Л. Тания, «большая часть кавказских конфликтов, несмотря на их сильную политическую составляющую, – конфликты ценностной природы... такие конфликты действительно трудно разрешать на основе компромисса... (и) во многих случаях можно наблюдать как непереговорное завершение, так и постепенное затухание конфликтов» [14]. Таким образом, конфликты на Южном Кавказе рассматриваются исследователями как сложные процессы большой длительности, носящие не только и не столько межэтнический, сколько аксиологический, культурный, социально-политический характер. Более подробно о терминологии описания конфликтов на Южном Кавказе будет сказано ниже.

Цели устойчивого развития ООН для содействия международному миру

Одна из целей устойчивого развития ООН, связанная с содействием международному миру, – 16-я цель: содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях [15]. В частности, цель 16.1 определена как «Значительно сократить распространенность всех форм насилия и уменьшить показатели смертности от этого явления во всем мире» [16]. Подход ООН – укреплять соответствующие государственные и международные институты [17], а также привлекать институты гражданского общества, содействующие нормализации и снижению насилия. Вслед за ООН академическое сообщество также смотрит на изменение институциональной системы государств, столкнувшихся с этническим конфликтом, как на неотъемлемую часть долгосрочного урегулирования [18].

Таким образом, рецепт ЦУР ООН – создание институциональных структур, которые бы позволяли работать с социальными, политическими, межэтническими, ценностными конфликтами и решать такие задачи как:

- диалог и коммуникация;
- медиация и фасилитация с привлечением нейтральной третьей стороны;
- поиск консенсуса и компромисса;
- образование и просвещение для межкультурной коммуникации;
- дальнейшая поддержка институциональных структур.

Следует отметить, что структура имеющихся институтов, инструментов и механизмов ООН не в полной мере нацелена на их применение в рамках урегулирования межэтнических конфликтов (Табл. 1), а успешная реализация ЦУР-16 может привести только к нейтрализации некоторых косвенных факторов враждебности в различных регионах. Кроме того, эффективность многочисленных миротворческих инициатив ООН сталкивается с условиями жесткой геополитической конфронтации.

Таблица 1. Применение механизмов ООН на Южном Кавказе.

Инструменты и механизмы	Их применение в регионе Южного Кавказа
Политико-дипломатическое посредничество Генерального секретаря ООН : миротворческие миссии и обеспечение дипломатического посредничества в урегулировании межэтнических конфликтов, работа специальных посланников	Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш призывал стороны к мирному урегулированию, проводил переговоры с главами Армении и Азербайджана, настаивал на мирном урегулировании через ОБСЕ
Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН	Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюции, призывающие стороны воздерживаться от насилия и соблюдать нормы международного права
Миссии наблюдателей и миротворцев	Непосредственное присутствие миссий наблюдателей и миротворческих контингентов ООН ограничено, поскольку основная ответственность за проведение мониторинга и поддержания мира лежит на международной структуре ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе)

Инструменты и механизмы	Их применение в регионе Южного Кавказа
Совет Безопасности ООН: решения относительно мер реагирования на международные конфликты, включая санкции против государств или группировок, виновных в нарушениях международного права	Серия резолюций Совета Безопасности ООН (№ 822, 853, 874 и 884), призванные прекратить боевые действия и ограничить их зону
Программа Развития ООН (UNDP) и поддержка национального уровня управления UNDP оказывает помощь странам в укреплении институтов власти, поддержке реформ судебной системы, защите гражданских прав и свобод, разработке национальных стратегий профилактики конфликтов	Программа развития ООН (UNDP) оказывала поддержку пострадавшим в конфликтах
Верховный комиссариат ООН по правам человека: контроль за соблюдением стандартов прав человека в странах, вовлеченных в межэтнический конфликт; расследования возможных нарушений; представление рекомендаций правительствам и международным организациям по улучшению ситуации	Верховный комиссариат ООН по правам человека неоднократно выражал озабоченность нарушениями прав человека в зонах конфликтов
Экономическая и гуманитарная помощь по линии Организации системы ООН, такие как Всемирная продовольственная программа (WFP), ЮНИСЕФ, ВОЗ, оказывают гуманитарную помощь пострадавшим в результате конфликтов	UNHCR и Всемирная продовольственная программа (WFP): организация предоставляла гуманитарную помощь беженцам и перемещённым лицам, обеспечивая предоставление убежища, питания и медицинской помощи
ООН реализует программы повышения информированности и образования по вопросам мирного сосуществования различных этносов, укрепления толерантности и уважения разнообразия. Институты гражданской интеграции и социального взаимодействия: вовлечение гражданского	Совместно с партнерами, такими как Европейский союз и отдельные государства-члены ООН, были организованы мероприятия по нормализации обстановки, поддержаны образовательные и социальные проекты: ЕС: поддержка инициативы Европейского института пограничных исследований (EBI);

Инструменты и механизмы	Их применение в регионе Южного Кавказа
общества в процессы принятия решений подчеркивается ООН. Создание платформ для конструктивного диалога между представителями различных этнических общин	ЕС: обучение молодых лидеров и активистов из Армении, Грузии, Азербайджана ведется в рамках совместных образовательных проектов; ЕС: Проект EU Neighbours East финансирует совместные культурные мероприятия, фестивали искусства и науки, направленные на сближение народов Южного Кавказа

Источник: составлено авторами.

Участие ООН в рамках урегулирования этнополитических конфликтов на Южном Кавказе

Многие годы абхазо-осетино-грузинский конфликт и карабахская проблема воспринимались как изолированные явления, влияющие только на страны Южного Кавказа и сопредельные территории. Такое восприятие формировалось как самой логикой конфликтов, очерчивающей линию противостояния между абхазами-грузинами, осетинами-грузинами или армянами-азербайджанцами в рамках определенного субрегиона или непризнанного государства, так и применением различных пропагандистских установок, усиливающих позицию той или иной стороны. Со временем пропаганда стала реальной политикой, а конфликт начал перерастать в противостояние не только, как пример, армян НКАО и титульной нации АзССР, но и в конфликт идей, ценностей, элит, вовлекая все больше акторов и ресурсов. Именно этим можно также объяснить низкий уровень вовлечения ООН в урегулирование конфликтов на Южном Кавказе, поскольку конфликты рассматривались, прежде всего, как межэтническое противостояние на территории с неопределенным статусом. При этом конкуренция принципов «территориальной целостности» или «права народов на самоопределение» усиливало дистанцию ООН как площадки взаимодействия признанных суверенных территориально-политических образований, имеющих определенный в результате геополитического консенсуса статус. Конфликты на периферийных территориях, имеющих конкретного «патрона», могли волновать эту международную организацию только в контексте возможных гуманитарных последствий (голод, бедность, миграция и т.д.).

Ключевой проблемой можно назвать недостатки в методологии определения конфликта в рамках ООН. Заложенная в основе формирования ООН логика сдерживания «вражеских государств» соответствовала геополитиче-

ским реалиям после Второй Мировой войны, однако она устарела уже в период деколонизации. В Уставе ООН для квалификации конфликтных отношений используются только термины «спор» и «ситуация», однако в эти категории никак не определяются [19]. Отказ от формирования механизмов определения международных конфликтов перекладывает основную ответственность за предотвращение и урегулирование международных противоречий на постоянных членов Совбеза ООН, поэтому возможная конфронтация между центрами силы может приводить к неэффективности миротворческой деятельности всей организации.

Этот аспект еще больше проявляется в том случае, если воспринимать *межэтнический конфликт как форму социально-политического противостояния между этническими группами, возникающего из-за конкуренции за ресурсы, влияние или социальное признание, где этничность становится инструментом политической мобилизации* [20]. Иными словами, этнополитические конфликты, исходя из их сложной структуры и многофакторности, не подвергаются четкому определению со стороны международных организаций, стремящихся сохранить нейтралитет в вопросе урегулирования конфликта [21], хотя в рамках ЦУР-16 под «содействием построению миролюбивого и открытого общества» понимается комплекс мер институционального характера, включающего не просто прекращение насилия, но и структурные реформы [22].

Исходя из этого, выбор методологии определения конфликтов на Южном Кавказе может столкнуться с проблемой определения рамок конфликтной ситуации, отталкиваясь от традиционного описания конфликта как этнополитического, поскольку применение ситуационного анализа по отношению к армяно-азербайджанскому или другим южнокавказским конфликтам становится менее эффективным в текущих условиях. Кроме этого, современное восприятие межэтнических конфликтов в рамках ООН все еще опирается на правовую фиксацию границ, а не на оценку глубинных причин: институциональной дискриминации, исторических травм или постколониального наследия [23]. В результате, конфликты, не достигшие масштаба региональной войны, остаются вне поля зрения международных структур, если они не угрожают интересам постоянных членов Совбеза ООН или не приводят к большим жертвам и потокам беженцев.

Специфика отношения ООН к южнокавказским конфликтам может еще больше проявиться в рамках типологизации этнических конфликтов, каждый из которых может продемонстрировать различный уровень вовлеченности международных организаций.

1. Ограниченное влияние миротворческих сил ООН на фоне этнополитического конфликта с риском геноцидальных действий (например,

Боснийская война и геноцид в Руанде), где вмешательство ООН затруднено из-за существующего паритета между враждующими этническими группами и отсутствия консенсуса между постоянными членами Совбеза ООН.

2. Участие в проектах урегулирования замороженных конфликтов между признанными или частично признанными акторами, создающее правовую неопределенность и блокирующее возможность задействовать универсальные инструменты ООН. В случае абхазо- и осетино-грузинских конфликтов, ООН стала одной из главных международных организаций, принимающих участие в урегулировании этих конфликтов. С 1993 по 2009г. в Абхазии и Грузии действовала Миссия наблюдателей ООН (UNOMIG). Миссия была призвана контролировать соблюдение перемирия и процесс разоружения. Кроме того, ООН наравне с ЕС и ОБСЕ стала инициатором формата Женевских дискуссий – единственной международной площадки, созданной после августовской войны 2008г. В то же время в Нагорном Карабахе деятельность по урегулированию конфликта была возложена на ОБСЕ, что ограничивало восприятие конфликтов как спорных ситуаций на европейской периферии.

3. Исключение из повестки ООН конфликтов по политическим причинам, чаще всего вследствие возможного вето постоянных членов Совбеза ООН (например, Абхазия и Южная Осетия после 2008г.) – здесь миссия ООН была свернута или заменена иными механизмами сродни Женевским дискуссиям.

4. Конфликты с конкурирующей юрисдикцией и влиянием третьих сторон, что делает вмешательство ООН нежелательным и невозможным. Присутствие таких акторов, как США, Россия, Турция и другие государства, имеющих собственные интересы и рычаги влияния, может создавать альтернативные форматы урегулирования, минимизируя роль ООН.

Такая типология не только систематизирует практику реагирования ООН, но и предлагает ключевые критерии вовлеченности этой организации в вопросе урегулирования: уровень международного признания сторон конфликта; наличие или отсутствие вето в Совбезе ООН; степень гуманитарной катастрофы в зоне конфликта; конкуренция юрисдикций и региональных интересов; присутствие миротворческих миссий и инструментов политического посредничества ООН [24]. Различные вариации данных показателей могут представить возможность участия ООН в урегулировании, однако сама комплексность ЦУР-16 с точки зрения применения не только гуманитарных мер разрешения конфликтов, но и необходимости институциональных реформ, международного мониторинга и поддержки справедливого правосудия сталкиваются с реалиями конфликтов и интересами крупных держав.

Особенности конфликтов на Южном Кавказе: конфликтная терминология

Трансформация межэтнических конфликтов отражается также в использовании терминов, обозначающих суть противостояния и его стороны. Термин «армяно-азербайджанский конфликт» изначально обладал негативным смыслом для армянской стороны, так как это описание конфликта обосновывало логику противостояния между Арменией и Азербайджаном (игнорируя борьбу за право на самоопределение армян Нагорно-Карабахской республики), обличая армянскую сторону в «агрессии» против Азербайджана. Конечно, данный термин может быть употреблен как альтернатива понятию «этнополитический конфликт», однако подобная терминология предоставила противоборствующим и заинтересованным сторонам инструмент для манипуляции в контексте формирования необходимого дискурса вокруг нагорно-карабахского конфликта. Кроме того, в работе «Буря на Кавказе» С. Маркедонов отмечал, что в текущих условиях «формируется новая повестка армяно-азербайджанского противостояния, где тема собственно Карабаха отойдет на второй план» [25], а в публикации 2022г. уже определял армяно-азербайджанское противостояние как «затяжной социальный конфликт» [26], демонстрирующий переплетение внешних и внутренних факторов.

В случае абхазо-грузинского и грузино-осетинского конфликтов данная терминология постепенно маргинализировалась и после 2008г. уступила место «грузино-российскому конфликту» или «российской оккупации грузинских территорий», что было вписано в контекст конфронтации между Западом и Россией. Со временем «этническая» суть конфликта между абхазами, осетинами и грузинами была оттенена глобальной конфронтацией, рассматривающей межэтнические отношения как частность мировых геополитических процессов.

Важно также отметить, что логика переговорного процесса всегда исходила из «этнического» понимания конфликта, предлагая определенный инструментарий для решения именно проблемы «мира между этносами». Тот же факт непризнания Арменией независимости НКР был обусловлен продолжающимися переговорами с целью нахождения компромисса для всех сторон конфликта. Становление постсоветской государственности в Армении, НКР, Грузии, Абхазии, Южной Осетии и Азербайджане во многом изменили контекст, в рамках которых обсуждался предмет урегулирования конфликтов. Армения и Арцах воспринимались как этнически, социально, экономически и политически единое пространство, хотя повестка переговоров оставалась иной. В то же время Азербайджан сохранял приверженность военному решению конфликта, обвиняя Армению в срыве переговоров, однако, не предлагая какой-либо программы по интеграции армян Нагорного Карабаха. Абхазская этнократия выстраивала свою политику на основе ревностного отстаивания

суверенитета, в то время как Южная Осетия сохраняла приверженность идеям ирредентизма в рамках объединения с Северной Осетией. Однако в рамках более широкого фона доминировал дискурс вокруг противостояния России и Грузии.

Несмотря на то, что грузинская сторона в отличие от азербайджанской разрабатывала программы по реинтеграции, основным аргументом как у Тбилиси, так и у Баку оставался территориальный аспект в контексте вопроса об «оккупированных» районах и возвращении беженцев, тогда как интересы этнических меньшинств игнорировались. К этому можно добавить высокий уровень ксенофобии как части государственной пропаганды, не позволяющей говорить о мирном сосуществовании в одном государстве в ближайшей перспективе.

Стоит также учитывать все уровни принятия политических решений, включающих как внутреннюю политику, так и структуру региональных и международных отношений. Исходя из этого можно заключить, что формирование на Южном Кавказе «национализирующих» государств [27] (уже в советский период, когда союзные республики становились квазинациональными образованиями) привело к размежеванию этносов по политическому признаку, так как гражданский национализм из-за отсутствия нужного инструментария (наличие институтов формальных связей, определенный уровень правосознания, развитие политических институтов) скатывался в примитивный этнонационализм. Размежевание происходило не только на определенных территориях, но и в умах людей, «дегуманизируя» своих соперников и отказываясь от дальнейшего диалога.

Инструментарий ООН в вопросе урегулирования межгосударственных конфликтов на Южном Кавказе

После 2020г. главные задачи ЦУР-16 на Южном Кавказе все сложнее реализовать, чему способствовала общая деградация среды безопасности в регионе. Массовый исход армянского населения из Нагорного Карабаха в сентябре 2023г. не был каким-либо образом охарактеризован в рамках ООН, несмотря на заявления об этнической чистке и влиянии этих событий на ухудшение общей гуманитарной ситуации в регионе и влиянии данного кейса на другие территории (прежде всего, сектор Газа) [28]. Вместе с тем можно отметить рост случаев судебного произвола в Грузии и Армении по политическим причинам [29], а также аресты правозащитников и суды в рамках продолжающейся антиармянской риторики Азербайджана [30].

Кроме того, нужно признать то обстоятельство, что суть конфликта определяется ООН на уровне Международного суда после осуществления военных агрессий и массовых убийств при высоком уровне политизации вопроса. Однако функция предотвращения конфликта не входит в юрисдикцию ООН,

хотя эта проблема может стать основой для реформирования этой организации. Рассмотрение дел в Международном суде ООН «Армения против Азербайджана» [31] может длиться около десятка лет, однако ситуация в регионе остается близкой к эскалации (Рис. 1.).

Рисунок 1. Динамика роста военных расходов стран Южного Кавказа (млрд долл.).

Источник: SIPRI Military Expenditure Database. URL: <https://www.sipri.org/databases/milex>

Несмотря на ограниченность возможностей ООН как отдельной организации, более ответственное отношение к анализу ситуации на Южном Кавказе представляется важным шагом к возможному урегулированию конфликтов. Однако в реальности данная организация становится инструментом политики отдельных государств, которые используют площадки ЮНЕСКО, наблюдательные миссии [32] или климатическую повестку [33] ООН в своих целях. Несмотря на то, что завершившее 44-дневную войну в Нагорном Карабахе трехстороннее заявление от 9 ноября 2020г. было намерено возвратить ООН в процесс урегулирования карабахского конфликта в контексте возвращения беженцев, ООН фактически отказалась от участия в реализации этого проекта [34] на фоне продолжающихся столкновений на границе. Таким образом, задачи ЦУР-16 входят в противоречие с ситуацией «на земле», создавая еще больше проблемных ситуаций связанных с дееспособностью ООН и его структур в рамках урегулирования конфликтов, что также отражается на доверии к данной организации внутри стран Южного Кавказа (Рис. 2).

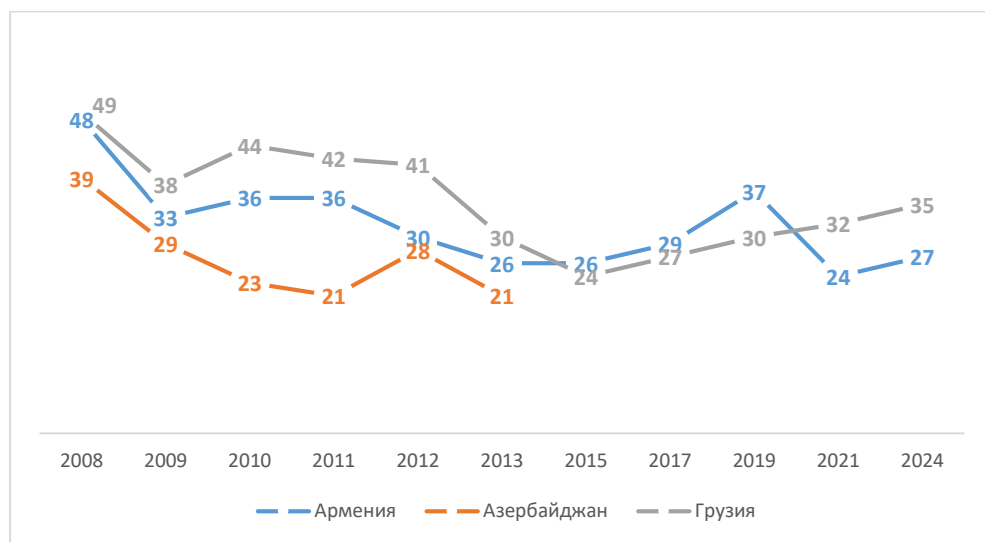

Рисунок 2. Уровень доверия ООН в Армении, Грузии и Азербайджане (в %).

Источник: <https://caucasusbarometer.org/en/cb-am/TRUSTUN/>

Зафиксированное низкое доверие к ООН в Армении (27%) показывает несоответствие действий организации ожиданиям армянского общества на фоне судебных процессов над удерживаемыми в Азербайджане пленными и общей реакции на прошедшие в 2020–2023 гг. событий [35]. Отношение Грузии к ООН выстраивается на возможности очередной раз поднять тему «оккупации» Абхазии и Южной Осетии, что становится магистральной линией грузинских властей в рамках участия в Генассамблее [36]. Что касается отношения Азербайджана к ООН, то, несмотря на проведение СОР-29, отношение к этой организации всегда было настороженным, а попытки выдворения некоторых международных структур говорят об углублении данной тенденции [37].

Столь ограниченная вовлеченность ООН в урегулирование южнокавказских конфликтов особенно контрастирует с ее амбициями по реализации ЦУР-16, что связано как с внутривосточной ситуацией в странах региона, так и с проблемой глобальной и региональной конкуренции. Это позволяет говорить о необходимости говорить о концептуальном обновлении роли ООН в рамках многополярной системы международных отношений, где кризисы и конфликты смещаются в сторону сложных региональных противоречий и не могут быть разрешены универсальными методами.

Предложенная типология конфликтов и критерии вовлеченности ООН позволяют по-новому взглянуть на механизмы работы организации, которая в будущем должна будет использовать гибридные форматы урегулирования

конфликтов, опираясь на взаимодействие с региональными и внерегиональными акторами. Такой формат может быть представлен в виде региональной медиации посредством сотрудничества с крупными державами, интересы которых связаны с регионом Южного Кавказа (например, России).

Результаты и обсуждение

Анализ инструментария ООН по урегулированию межэтнических конфликтов на Южном Кавказе выявляет глубокое расхождение между декларируемыми задачами ЦУР-16 и реальной эффективностью международных отношений. Несмотря на формальное присутствие и участие ООН в ряде гуманитарных и мониторинговых инициатив, организация демонстрирует ограниченные возможности в условиях высокой политизации региональных процессов и отсутствии превентивных механизмов воздействия. Негативные процессы в регионе остались без должной правовой и политической оценки ООН, что привело к снижению доверия к этой организации. С другой стороны, в условиях нарастающей региональной конкуренции и кризиса универсалистских моделей регулирования становится очевидной необходимость институционального обновления роли ООН и разработки гибридных механизмов урегулирования конфликтов.

В свою очередь, реализация ЦУР-16 нуждается не только в формальном соблюдении процедур, но и в глубоком учете структурных причин конфликтов. Без пересмотра подходов к взаимодействию с местными сообществами ООН рискует полностью потерять доверие, что также может привести к росту независимых региональных форматов взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лейнхарт А.* Демократия в многокомпонентных обществах: сравнительное исследование. М.: «Аспект Пресс», 1997, 287с.
2. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley and Los Angeles, California: "University of California Press", 1985, 697p.
3. *Филяева А.И.* Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990–2010-х годов // «Социально-гуманитарные знания», № 6. 2021. СС. 323–328. DOI: <http://doi.org/10.34823/SGZ.20-21.6.517734>
4. *Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton: "Princeton University Press", 1990, 304p.
5. *Walzer M.* On Toleration. New Haven: "Yale University Press", 1999, 144p.
6. *O'Flynn I.* Deliberative Democracy, the Public Interest and the Consociational Model // "Political Studies". Vol. 58, № 3, 2010. PP. 572–589.
7. *Тания Л.* Варианты стратегии урегулирования грузино-абхазского конфликта // «Центральная Азия и Кавказ», № 5, 2003. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-05/05.tanrus.shtml

8. Майендорфская Декларация 2 ноября 2008 года и ситуация вокруг Нагорного Карабаха. Сборник статей / Составители В.А. Захаров, А.Г. Арешев. М.: НП ИД «Русская панорама», 2009, 352с.
9. Женевские дискуссии по Закавказью // МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/situacia-vokrug-abhazii-i-uznoj-osetii-zenevskie-diskussii-po-zakavkaz-u/
10. ПАСЕ: «О создании пакта стабильности для Южного Кавказа» Резолюция 1525 URL: https://www.coe.int/T/ru/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BSanMarino2006%5D/Res1525_rus.asp
11. *Gamaghelyan P.* Towards an Inclusive Conception of Best Practices in Peace and Conflict Initiatives: The Case of the South Caucasus // “International Negotiation”. Vol. 26, № 1, 2020. PP. 125–150.
12. *Azar E.* The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. London: “Dartmouth Publishing Company”, 1990, 157p.
13. *Маркедонов С.* Трансформация армяно-азербайджанского конфликта: исторический опыт и современное состояние // «Мировая экономика и международные отношения». Т. 66, № 12. 2022. СС. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-120-130>
14. *Тания Л.* Варианты стратегии урегулирования грузино-абхазского конфликта // «Центральная Азия и Кавказ» URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-05/-05.tanrus.shtml
15. Цели в области устойчивого развития URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
16. Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества... URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/>
17. УВКБ: возвращение беженцев и внутренних переселенцев в Нагорный Карабах и прилегающие районы должно быть добровольным // UN news. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1391492>
18. *Филяева А.И.* Современные теории демократии об урегулировании межэтнических конфликтов: делиберативный подход // «Вестник Московского университета. Сер.: 12. Политические науки», № 5, 2020. СС. 112–119.
19. *Худойкина Т.В.* Мирное урегулирование и разрешение споров // «Московский журнал международного права», № 3, 1998. СС. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-3-52-60>
20. *Güven İ.* Revisiting Ethnic Framing in Conflicts: Challenging the Concept of Ethnic Conflict // “Journal of Humanity, Peace and Justice”. Vol 1, № 1, 2024. PP. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.26650/hupej.2024.10.1.1459672>
21. *Abdenur A.* UN Peacekeeping in a Multipolar World Order: Norms, Role Expectations, and Leadership. In: de Coning, C., Peter, M. (eds) United Nations Peace Operations in a Changing Global Order // “Palgrave Macmillan”, 2019. PP. 52–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_3
22. Цель 16. Содействие построению миролюбивого и открытого общества... URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/>
23. *Doucey M.* Understanding the Root Causes of Conflicts: Why it Matters for International Crisis Management. International Affairs Review, International Affairs Resource (IAR),

2024. URL: <https://www.iar-gwu.org/print-archive/9w4e9g1kqj9n2ui95nfsjjbxbh876g?-utm>
24. Doyle M., Sambanis N. *Making War and Building Peace: United Nations Peace Operations* // "Princeton University Press", 2006. PP. 126–127. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rtn4>
25. Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: «Центр анализа стратегий и технологий», 2021, 128с.
26. Bhaskar R., Danermark, B. Metatheory, interdisciplinarity and disability research: A critical realist perspective // "Scandinavian Journal of Disability Research", № 8 (4). 2006. PP. 278–297.
27. Brubaker R. National Minorities Nationalising States and External National Homelands in the New Europe // "Daedalus". Vol. 124 (2), 1993. PP. 107–132.
28. New Report: Freedom in Eurasia Declined in 2023 amid the Azerbaijani Regime's Conquest of Nagorno-Karabakh (February 29, 2024) // "Freedom House". URL: <https://freedomhouse.org/article/new-report-freedom-eurasia-declined-2023-amid-azerbaijani-regimes-conquest-nagorno-karabakh>
29. Ассоциация молодых юристов Грузии: «Преследование за посты – ограничение свободы слова, цель – посеять страх» (12.06.2025) / "Jamnews". <https://jam-news.net/ru/-правозащитники-о-преследовании-за-по/>; ЕС наносит армянскому народу серьезный ущерб, закрывая глаза на репрессии – Осканян (25.07.2025) / "Sputnik Armenia" URL: <https://am.sputniknews.ru/20250725/es-nanosit-armyanskomu-narodu-sereznyy-uscherb-zakryvaya-glaza-na-repressii---oskanyan-91675900.html>
30. Азербайджанец Бахруз Самедов приговорен к 15 годам тюрьмы за переписку с армянами (23.06.2025) / BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cev0eg42r8lo>
31. Международный Суд ООН отклонил оба предварительных возражения Азербайджана по делу «Армения против Азербайджана» // «Арменпресс». URL: <https://armenpress.am/ru/article/1204729>
32. UN Karabakh Mission Told 'Sudden' Exodus Means as Few as 50 Ethnic Armenians May Remain // UN news. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1141782>
33. Перед COP29 Азербайджан заручился поддержкой в палате лордов Великобритании // OCCRP. URL: <https://www.occrp.org/ru/proekt/know-your-host-why-it-matters-that-azerbaijan-is-hosting-the-cop29-climate-summit/pered-cop29-azerbaidzan-zarucilsia-podderzkoi-v-palate-lordov-velikobritanii-gde-vysoko-ocenili-ego-rol>
34. УВКБ: возвращение беженцев и внутренних переселенцев в Нагорный Карабах и прилегающие районы должно быть добровольным // UN news. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/11/1391492>
35. В армянский офис ООН передано письмо-требование об освобождении армянских пленных в Азербайджане (17.01.2025) / "Armenpress". <https://armenpress.am/ru/article/1209743>
36. Женевские дискуссии по Закавказью / МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/situacia-vokrug-abhazii-i-uznoj-osetii-zenevskie-diskussii-po-zakavkaz-u/
37. Azerbaijan Orders Closure of ICRC and Four UN Agency Offices, Citing Irrelevance. (6 Mar 2025) // "Caucasus Watch". URL: <https://caucasuswatch.de/en/news/azerbaijan-orders-closure-of-icrc-and-four-un-agency-offices-citing-irrelevance.html>

REFERENCES

1. *Lijphart A.* Democracy in Multi-Constituent Societies: A Comparative Study. Moscow: "Aspect Press", 1997, 287p. [In Russian].
2. *Horowitz D.* Ethnic Groups in Conflict. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1985, 697p.
3. *Filyaeva A.* Consociational and integrative approaches to settlement of interethnic conflicts: development in research of 1990s – 2010s. // "Socio-humanitarian knowledge", № 6, 2021. PP. 323–328. DOI: <http://doi.org/10.34823/SGZ.2021.6.517734> [In Russian].
4. *Young I.* Justice and the Politics of Difference. Princeton: "Princeton University Press", 1990, 304p.
5. *Walzer M.* On Toleration. New Haven: "Yale University Press", 1999, 144 p.
6. *O'Flynn I.* Deliberative Democracy, the Public Interest and the Consociational Model // "Political Studies". Vol. 58, № 3. 2010. PP. 572–589.
7. *Taniya L.* Options for a Strategy for Resolving the Georgian-Abkhaz Conflict // "Central Asia and the Caucasus", № 5, 2003. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-05/05.tanrus.shtml [In Russian].
8. The Mayendorf Declaration of November 2, 2008 and the situation around Nagorno-Karabakh. Collection of articles / Authors V. Zakharov, A. Areshev. Moscow: NP ID "Russkaya Panorama", 2009, 352p. [In Russian].
9. The Geneva discussions on Transcaucasia // MFA of the Russian Federation. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/-situacia-vokrug-abhazii-i-uznoj-oseii-zenevskie-diskussii-po-zakavkaz-u/ [In Russian].
10. PACE: On the establishment of a stability pact for the South Caucasus. Resolution 1525 URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BSanMarino2006%5D/Res1525_rus.asp [In Russian].
11. *Gamaghelyan P.* Towards an Inclusive Conception of Best Practices in Peace and Conflict Initiatives: The Case of the South Caucasus // "International Negotiation". Vol. 26, №. 1, 2020. PP. 125–150.
12. *Azar E.* The Management of Protracted Social Conflict: Theory and Cases. London: "Dartmouth Publishing Company", 1990, 157p.
13. *Markedonov S.* Transformation of the Armenian-Azerbaijani Conflict: Historical Experience and Current Developments // "World Economy and International Relations". Vol. 66, № 12, 2022. PP. 120–130. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-12-120-130> [in Russian].
14. *Taniya L.* Options for a Strategy for Resolving the Georgian-Abkhaz Conflict // Central Asia and the Caucasus. No. 5, 2003. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2003/journal_rus/cac-05/05.tanrus.shtml [In Russian].
15. Sustainable Development Goals URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>
16. Goal 16. Promote peaceful and inclusive societies... URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/peace-justice/>
17. UNHCR: The return of refugees and internally displaced persons to Nagorno-Karabakh and adjacent areas must be voluntary // "UN news". URL: <https://news.un.org/ru/story/-2020/11/1391492> [In Russian].

18. *Filyaeva A.* Theories of democracy and ethnic conflicts resolution: a deliberative approach // "Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences", № 5, 2020. PP. 112–119. [In Russian].
19. *Khudoykina T.* Peaceful settlement and resolution of disputes // "Moscow Journal of International Law", № 3, 1998. PP. 52–60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-1998-3-52-60> [In Russian].
20. *Güven İ.* Revisiting Ethnic Framing in Conflicts: Challenging the Concept of Ethnic Conflict // "Journal of Humanity, Peace and Justice". Vol 1, № 1, 2024. PP. 49–64. DOI: <https://doi.org/10.26650/hupej.2024.10.1.1459672>
21. *Abdenur A.* UN Peacekeeping in a Multipolar World Order: Norms, Role Expectations, and Leadership. In: de Coning, C., Peter, M. (eds) United Nations Peace Operations in a Changing Global Order. "Palgrave Macmillan", 2019. PP. 52–53. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_3
22. Goal 16. Promote peaceful and inclusive societies... URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/peace-justice/>
23. *Doucey M.* Understanding the Root Causes of Conflicts: Why it Matters for International Crisis Management // "International Affairs Review", "International Affairs Resource" (IAR), 2024. URL: <https://www.iar-gwu.org/print-archive/9w4e9g1kqj9n2ui95nfsjbx-bh876g?utm>
24. *Doyle M., Sambanis N.* Making War and Building Peace: United Nations Peace Operations. "Princeton University Press", 2006. PP. 126–127. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt7rtn4>
25. Storm in the Caucasus / D. Barry, G. Derluguian, A. Iskandaryan, M. Cazalet, A. Lavrov, K. Makienko, S. Markedonov, L. Nersisyan, R. Pukhov, D. Trenin, K. Has, M. Shepovenko / Ed. by R. Pukhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2021, 128p.
26. *Bhaskar R., Danermark, B.* Metatheory, interdisciplinarity and disability research: A critical realist perspective // "Scandinavian Journal of Disability Research", № 8 (4). 2006. PP. 278–297.
27. *Brubaker R.* National Minorities Nationalising States and External National Homelands in the New Europe // "Daedalus". Vol. 124 (2), 1993. PP. 107–132.
28. New Report: Freedom in Eurasia Declined in 2023 amid the Azerbaijani Regime's Conquest of Nagorno-Karabakh (February 29, 2024) // "Freedom House". URL: <https://freedomhouse.org/article/new-report-freedom-eurasia-declined-2023-amid-azerbaijani-regimes-conquest-nagorno-karabakh>
29. Georgian Young Lawyers' Association: Persecution for posts is a restriction of freedom of speech, the goal is to sow fear (12.06.2025) / "Jamnews". URL: <https://jam-news.net/ru/pravozashchitniki-o-presedovanii-za-po/>; The EU is causing serious harm to the Armenian people by turning a blind eye to repressions - Oskanyan (25.07.2025) / Sputnik Armenia. URL: <https://am.sputniknews.ru/20250725/es-nanosit-armyanskomu-narodu-sereznyy-uscherb-zakryvaya-glaza-na-repressii---oskanyan-91675900.html>
30. Azerbaijani Bahruz Samedov sentenced to 15 years in prison for corresponding with Armenians (23.06.2025) // BBC. URL: <https://www.bbc.com/russian/articles/cev0eg42r8lo>
31. The International Court of Justice rejected both of Azerbaijan's preliminary objections in the case of Armenia v. Azerbaijan // "Armenpress". URL: <https://armenpress.am/ru/article/1204729>

32. UN Karabakh Mission Told 'Sudden' Exodus Means as Few as 50 Ethnic Armenians May Remain // UN news. URL: <https://news.un.org/en/story/2023/10/1141782>
33. Ahead of COP29, Azerbaijan secured support in the UK House of Lords // OCCRP. URL: <https://www.occrp.org/ru/proekt/known-your-host-why-it-matters-that-azerbaijan-is-hosting-the-cop29-climate-summit/pered-cop29-azerbaidzan-zarucilsia-podderzkoi-v-palate-lordov-velikobritanii-gde-vysoko-ocenili-ego-rol>
34. UNHCR: The return of refugees and internally displaced persons to Nagorno-Karabakh and adjacent areas must be voluntary // "UN news". URL: <https://news.un.org/ru/story/2020-11/1391492>
35. A letter demanding the release of Armenian prisoners in Azerbaijan was submitted to the UN Office in Armenia (17.01.2025) // "Armenpress". URL: <https://armenpress.am/ru/article/1209743>
36. Geneva Discussions on Transcaucasia / Russian Foreign Ministry. URL: https://mid.ru-ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/situacia-vokrug-abhazii-i-uznoj-osetii-zenevskie-diskussii-po-zakavkaz-u/
37. Azerbaijan Orders Closure of ICRC and Four UN Agency Offices, Citing Irrelevance. (6 Mar 2025) // "Caucasus Watch". URL: <https://caucasuswatch.de/en/news/azerbaijan-orders-closure-of-icrc-and-four-un-agency-offices-citing-irrelevance.html>

THE SPECIFICS OF ETHNIC CONFLICT RESOLUTION IN THE CONTEXT OF THE UN'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS: THE CASE OF THE SOUTH CAUCASUS

N. Dunamalyan¹, D. Kazarinova²

Russian-Armenian (Slavonic) University¹,

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba²

ABSTRACT

The specifics of ethnic conflict resolution in the context of the UN's sustainable development priorities, on the example of the South Caucasus region, remains the most important priority of global and regional security. Along with the intensification of global turbulence, the security architecture of the entire region is intensively changing, while non-regional players and international organizations are taking an active position in these processes. This international organizations are to be guided not only by the interests of their member states, but also by global principles of sustainable development. The main principles laid down in the UN 2030 Agenda, in particular SDG-16, and their application to the resolution of interethnic conflicts are considered.

Keywords: interethnic conflicts, South Caucasus, Sustainable Development Goals, UN SDGs, consociative approach, integrative approach, deliberative approach, UN area of responsibility.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-147-157
УДК 32

Поступила: 11.12.2025г.
Сдана на рецензию: 13.12.2025г.
Подписана к печати: 25.12.2025г.

NATION-BUILDING PROCESSES IN THE REPUBLICS OF THE SOUTH CAUCASUS: MAIN FACTORS AND TRENDS OF DEVELOPMENT¹

H. Sargsyan¹, D. Sargsyan²

Russian-Armenian (Slavonic) University

hovhannes.sargsyan@rau.am, dsvs9995@gmail.com

ORCID¹: 0000-0002-7908-8759; ORCID²: 0009-0000-8883-0145

ABSTRACT

Following the collapse of the USSR, the states of the post-Soviet space underwent intensive nation-building processes. At the present stage, these processes are also being stimulated by transformations in the world order. The republics of the South Caucasus have not remained untouched by these developments; in each of them, a distinct nation-building policy is unfolding. The aim of this article is to identify the principal factors influencing the transformation of national identity and nation-building policies in the republics of the South Caucasus. Attention is drawn to a number of factors, including the ethnic and confessional composition of the population, the role of traditional institutions, the cultural and linguistic factor, foreign policy orientation, the level of development of civic culture, the influence of centers of power, and the presence of ethno-political conflicts, among others.

Keywords: South Caucasus, nation-building, identity politics, national identity, transformation of identities

Introduction

In various social and humanities disciplines, interdisciplinary identity studies are becoming increasingly relevant. On the one hand, this is due to the intensive processes of development taking place in different spheres of social life; on the other, it reflects the transformation of the existing world order. The concept of identity has also become popular in socio-political discourse, occupying an important place in the lexicon of political actors: some speak of an identity crisis, others advance a discourse on the preservation of national identity, while still others emphasize the need for its systematic development. In this article, we examine certain aspects of the transformation of national identity in the post-Soviet space within the

¹ The research was supported by the Higher Education and Science Committee of RA (Research project №24SSAH-5F032 “Identities in flux as a problem of political science research (on the example of the states of South Caucasus)”).

context of an emerging new world order. Our point of departure is the assumption that studying transforming identities forms the basis for effective and pragmatic domestic and foreign policy. We proceed from a moderate constructivist methodology, considering nation-building as an ongoing process and a form of policy in which the state is the primary actor [1]. At the same time, we adopt the perspective of a group of Russian scholars [2], who, in order to avoid the pitfalls of radical constructivism (i.e., understanding the nation merely as an artificial construct “assembled” by the state), propose instead the term identity politics. In this view, the state does not so much “build” or artificially construct the nation as it shapes it, purposefully guiding the process of its development. The article also draws on empirical data obtained through in-depth interviews conducted with Armenian, Azerbaijani, and Georgian experts within the framework of the project “Transforming Identities as a Problem of Political Science Research (The Case of the South Caucasus States)”.

Main Study

After the collapse of the USSR, a process of state formation unfolded across the post-Soviet space, in which nation-building developed in parallel with state-building. We agree with the assertion that these two processes did not always complement one another, but at times even competed [3]. This is largely because the emergence of new states took place in an environment marked by the flourishing of ethnonationalism - sometimes moderate, sometimes aggressive. This meant that the primordialist conflation of the nation with ethnicity inevitably came into conflict with the political (state-driven) project of the nation as a civic community. Moreover, most of the people in this region either had no prior experience of statehood or had lost it several centuries earlier. In our view, this applies to the South Caucasus states as well. Although Armenia and Georgia did have relatively long experiences of statehood, they were unable to realize the project of creating a modern nation-state. As a result, both became part of the Russian Empire and later the Soviet Union. Following the declaration of independence, these states were faced with the challenge of reconciling narrow ethnonational interests with the broader ambitions of civic state-building. In the case of Azerbaijan, the central challenge was the construction of a shared civic national identity in the context of significant ethnic and confessional diversity.

The ethnonational character of Soviet peoples was, to some extent, the result of the USSR’s deliberate constructivist nationalities policy. Once independent, post-Soviet states began systematically reforming this image. With the spread of ethnonationalism, what might be termed a “postcolonial syndrome” emerged: the Soviet period came to be portrayed as a time of colonial oppression, leading to a stance of distancing from, or even opposition to, Russia. The clearest example of such a policy in the South Caucasus is found in Georgia. For many post-Soviet

countries, distancing from Russia has taken the form of a pronounced pro-Western orientation, often expressed in the aspiration to “return to Europe.” Claims to a “European identity” are particularly evident in Ukraine, Moldova, and, in the South Caucasus, in Georgia. In Armenia, by contrast, where until recently the importance of strategic partnership with Russia - especially in the field of security - was widely recognized, much of the population viewed the Soviet past in a generally positive light. Azerbaijan occupies a more moderate position, officially declaring a stance of neutrality. At the same time, however, it engages in intensive cooperation with Turkey, emphasizing its Turkic identity, actively lobbies for its interests in Islamic organizations, while simultaneously presenting itself as a fully secular state.

A distinctive manifestation of the above-mentioned positions of the South Caucasus states is the extent of their involvement in integration projects unfolding in the post-Soviet space, most of which are initiated by Russia: Georgia does not participate in them; Azerbaijan is a member of the CIS; Armenia participates in the CIS, the CSTO, and the EAEU.

A special place in the nation-building policies of post-Soviet states is occupied by the politics of memory. Nearly all post-Soviet republics share a certain segment of common historical experience. However, different states interpret this past in different ways. At each stage of its development, every state interprets history in ways that serve its own interests: “The modern state, especially the national one, attaches enormous importance to the official version of history and seeks by all means to impose it on its citizens [4].” The reinterpretation of historical facts in line with contemporary interests, and the construction of distinct historical narratives by different states, have given rise to the so-called “memory wars.” Equally important is symbolic politics, which is closely tied to the politics of memory.

The processes of nation-building have been influenced not only by internal factors of societal and state development but also, naturally, by external ones, shaped by the transformation of the global order. The bipolar world, based on the antagonism between the capitalist and socialist systems (with their respective ideologies and values), which – time has shown – was rather effective with its rigid mechanisms of deterrence, collapsed along with the disintegration of the USSR and the socialist bloc. It then seemed that a unipolar world, dominated by Western liberal-democratic values, was taking shape. It is in this context that the processes of state- and nation-building in the post-Soviet space of the 1990s must be understood. In some cases, claims were made to an original European essence; in others, to ancient traditions of adherence to democratic values [5]. As a result, hybrid identities emerged, characterized by a peculiar blending of Western liberal-democratic values - aspiring to global status - on the one hand, and narrow ethnonational values on the other.

Yet the illusion of a unipolar world with a single value-ideological system did not last long. Today it is evident that a new polycentric world order is taking shape.

This process can be considered natural, given the fact of civilizational diversity. A polycentric order is being legitimized as an alternative to neo-colonialism. The contours of this emerging order remain uncertain and blurred. Accordingly, attempts at its theoretical description are also uncertain, reflected in the semantic vagueness of several new concepts: “Global South,” “world majority,” “global multipolarity,” and others. What is clear, however, is that at the current stage of development there is an intense struggle for the status of a global or regional center of power within this new order. In this struggle, contenders for such a status employ both hard and soft power. Soft power essentially consists of spreading one’s own ideals and values across other societies and states. In this context, identity - as a set of values and ideals - becomes a key resource for the development of centers of power in both domestic and especially in foreign policy: “States aspiring to the status of centers of power project their ideological and value-based agenda beyond their national borders, seeking to cultivate an attractive image of themselves as leaders of the international community” [6]. In our view, this factor is one of the defining elements in the transformation of identities, including in the post-Soviet space. As one Azerbaijani expert (A) observed: “Powerful external forces inject certain narratives into the public consciousness of the peoples of the South Caucasus, which in the end are meant to serve the realization of their political goals.”

An important factor influencing the transformation of identities in the South Caucasus is the foreign policy orientation of the state. As Azerbaijani expert B noted, it “is a crucial factor in shaping identity, since it directly affects domestic politics by subordinating national values and interests to the tasks of external orientation, becoming a powerful means of delineating ‘us’ versus ‘them,’ and shaping ‘legitimate’ forms of self-expression and interpretations of the past, present, and future.”

It must also be taken into account that the processes unfolding in the region, including nation-building, have been affected by the existence of interethnic conflicts as well as unrecognized and partially recognized states. Interestingly, inter-ethnic conflict itself has also been used as a tool of nation-building policy, serving as a powerful means of societal mobilization. As Azerbaijani expert B stated: “The Nagorno-Karabakh conflict became a trigger for consolidating the nation around the idea of territorial integrity, serving not only as a geopolitical challenge but also as a key element of the national narrative that gave meaning and purpose to the project of Azerbaijani statehood.” However, an even more significant instrument of Azerbaijan’s identity politics has not been the conflict with Armenia over Nagorno-Karabakh itself, but rather the complete demonization of Armenians as the image of the “Other.” Azerbaijani society is consolidated through this opposition. Azerbaijani expert A, who takes an oppositional stance toward the current government, observed that Armenophobia is “one of the resources of the Azerbaijani au-

thorities that enables them to maintain power, to disregard human rights, the constitution, and the basic principles of democracy – because there is a dangerous and frightening enemy next door against whom it is necessary to mobilize and always be ready to resist.”

The Soviet period had already contributed to laying the foundations of Azerbaijani identity.

As M. Zolyan notes: “During the Soviet years, various forms of identification (religious, tribal, regional), which had been dominant among Turkic-speaking Muslims in the pre-revolutionary period, gave way to national identification as Azerbaijanis” [7]. This was facilitated, first, by the policy of *korenizatsiya* (indigenization), which strengthened the positions of “titular nations” in the Transcaucasian republics. As a result of this policy, “throughout the seventy years of Soviet power in the South Caucasus, there was an ongoing exchange of populations and consolidation of the national character of the republics” [8]. Second, the Soviet policy of atheism played a significant role in weakening the religious identity of the population. Nevertheless, compared to the two other Transcaucasian states, national identity in Azerbaijan was much more amorphous by the time independence was achieved. Thus, Azerbaijan faced the dual task of carrying out two projects: the project of establishing Azerbaijani statehood and the project of creating an Azerbaijani nation [9].

Azerbaijan has sought to maneuver between the concepts of “Turkism” and “Azerbaijani-ness.” In domestic politics, the officially declared project is that of “Azerbaijani-ness,” which allows for the integration of the ethnically and confessionally diverse population into a unified model of a pan-Azerbaijani identity: “The ideology of Azerbaijani-ness, formulated by Heydar Aliyev, attempts to unite all ethnic and religious groups of the country within a framework of loyalty to the state, while at the same time, for various reasons, preserving the ethnic priority of the Turkic element” (Azerbaijani expert B). The ruling elite recognized that an emphasis on Turkism would lead to separatist movements; therefore, the national ideology had to be Azerbaijaniism, grounded in the principles of multiculturalism and tolerance, which, moreover, contributed to the internationalization of the country’s positive image [10]. In foreign policy, however, the project of “Turkism” is often invoked, allowing Azerbaijan to claim the status of a regional power center, with aspirations of becoming the center of the Turkic world.

Thus, nation-building policy in contemporary Azerbaijan is directed toward constructing a pan-Azerbaijani civic identity, based on efforts to level religious and ethno-tribal differences on the one hand, and on opposition to the Armenian factor on the other. It must be acknowledged that identity construction through antagonism yields significant results in the short term, but it cannot serve as the foundation for a long-term nation-building strategy. Any potential normalization of Armenian-

Azerbaijani relations may deprive the Azerbaijani authorities of an important resource for national mobilization. Whether a new constructive nation-building project in Azerbaijan will prevail, or whether anti-Armenian sentiment will remain the underlying basis, is something only the future will reveal.

SWOT Analysis of Nation-Building Policies in the Azerbaijan:

Strengths	Weaknesses
- Deliberate nation-building policy - Victory in the Second Karabakh War - Promotion of the ideology of “Azerbaijani-ness” and the value of Azerbaijani statehood - Position of formal neutrality - Self-presentation as a secular state - Strong lobbying of interests, carried out both at the state level and through non-state actors - Public diplomacy system and national branding aimed at creating a positive image of Azerbaijan	- Lack of a strong tradition of independent statehood and national development, as well as an original cultural tradition - Multiethnic population (ethnic amorphousness) - Religious heterogeneity - Authoritarian clan-based governance mechanisms under conditions of weak democratic institutions - Weak civil society - Artificial construction of history, often descending into falsification - Excessive dependence of nation-building policy on the demonization of Armenians
Opportunities	Threats
- Using the factor of victory in the Second Karabakh War to mobilize the population around the idea of Azerbaijani statehood - Using revenues from energy exports for modernization of the Azerbaijani state and society - Taking advantage of its strategic geopolitical location - Using resources from Turkey - Using resources from Israel	- Risk of interethnic conflicts - Risk of interconfessional conflicts - Excessive growth of Turkish influence and the spread of Pan-Turkist ideas (Turkification) - Growth of radical Islamist influence (Islamization) - Risks originating from Iran: the Shiite factor, the issue of Southern Azerbaijan, and the factor of Azerbaijan’s alliance with Israel - Possible sanctions due to strengthening authoritarian rule and anti-Armenian chauvinism

In Georgia, an extremely ethnonationalist project unfolded in the early 1990s, followed by a transition to the liberal-democratic Western model of a civic nation. The origins of this model, however, date back to the late 19th and early 20th centuries, when Georgian writer and publicist Ilia Chavchavadze articulated the “three

pillars” of Georgian identity (homeland, language, religion), and the nationalist organization Sakartvelo advanced the slogan “Georgia for Georgians” [10]. This principle is sometimes referred to as the Georgian “national project,” which was implemented by the First Georgian Republic (1918-1920) and continues to exist today in latent form.

At the present stage, there is an attempt to implement a more moderate project aimed at synthesizing traditional ethnonational and Western civic values. As Georgian expert A notes, the authority of the Georgian Church in society is so strong that “any political force coming to power seeks to establish ties with the Church in order to secure an electorate.” At the same time, however, the conservative values of the Church and its interpretation of Georgian identity often conflict with another contemporary vector of Georgian identity construction - Western integration and the aspiration to present itself as a European country with liberal-democratic values.

It is often assumed that Zviad Gamsakhurdia’s policy of ethnic nationalism was replaced by state nationalism under Mikheil Saakashvili, within the framework of his declared democratic and liberal values [11]. In reality, this is not entirely the case. For example, during Saakashvili’s rule, the intensive emigration of Armenia’s population from Georgia continued. Another indication is the excessively ethnonationalist model of history officially supported at the state level and presented in school textbooks, where the role of national minorities in the formation and development of Georgia is minimized, and all controversial issues are interpreted from the standpoint of narrow Georgian nationalism. The fact that many representatives of national minorities nonetheless consider Georgian citizenship and Georgian statehood to be special values reflects, on the one hand, certain successes in the field of nation-building, and on the other, serves as an indicator of their accelerating assimilation. Paradoxically, while constructing a civic nation, Georgia is at the same time advancing the goals of an ethnonational project.

SWOT Analysis of Nation-Building Policies in the Georgia:

Strengths	Weaknesses
- Ancient history - Rich culture - Respected ancient church - Deliberate policy of constructing a civic-state identity - Declaration of democratic values	- Ethnic diversity: presence of national minorities and sub-ethnic groups - Long absence of independent statehood - Discrepancy between the actual level of development of civil society and public institutions and the declared democratic values - Weak security system - Latent conflict between ethnic and civic nationalism

Opportunities	Threats
- Synthesis of tradition and civic values - Modernization of society - European integration - Strategic geopolitical location enabling balancing - NATO membership as a security guarantee	- Outbreak of interethnic and interconfessional conflicts under conditions of intensifying ethnonationalism - Clash between traditional and declared liberal-democratic values - Strengthening Turkish-Azerbaijani influence - Confrontation with Russia - Unresolved conflicts in Abkhazia and South Ossetia - Potential clash of interests between the state and the church

As for Armenia, in conditions where a cultural-confessional model of the nation predominates, there has essentially been no targeted identity (nation-building) policy [12]. This position was justified by the argument that the population of the Republic of Armenia is monoethnic. Yet ignoring the need for a nation-building policy on the basis of Armenia's monoethnic composition means that the nation is understood exclusively in ethnic terms. Meanwhile, the development of statehood and the aspiration to establish a national state presuppose, above all, the intensive development of the civic-state dimension of national identity, which ought to be a distinct component of nation-building policy.

Only after the defeat in the Second Karabakh War (2020) and the exodus of Armenians from Karabakh (2023) did the authorities begin to advance the project of the "real Armenia," which entails the deconstruction and "modernization" of certain traditional foundations of Armenian identity. It must be emphasized that this is taking place under conditions of foreign policy reorientation, shifting regional power configurations, and intense pressure from Turkey and Azerbaijan - factors that generate particular risks and threats.

SWOT Analysis of Nation-Building Policies in the Armenia:

Strengths	Weaknesses
- Ancient history - Ancient and rich culture - Ancient and authoritative church that played an exceptional role in Armenian history - Synthetic character of culture and civilization - Monoethnic population - Large diaspora	- Lack of strategic development projects - Absence of a systemic nation-building policy and its components: identity policy, memory policy, symbolic policy - Defeat in the Second Karabakh War and identity crisis

- Participation in integration unions	- Demythologization of national consciousness - Centuries-long absence of statehood - Atomization of society - Low level of political, civic, and state culture - Underdeveloped cultural and public diplomacy - Amorphous nature of the diaspora - Lack of a unified system of communication between diaspora communities, and between the diaspora and Armenia - Traumas of national consciousness (e.g., the Genocide)
Opportunities	Threats
- Development of civil society and democratic institutions - More effective use of diaspora networks - Role as a geopolitical and civilizational bridge - Participation in integration projects and balanced foreign policy - More effective use of cultural and public diplomacy resources	- Degradation of diaspora communities (disappearance of traditionally strong communities) - Intensifying assimilation processes in diaspora communities - Excessive ethnonationalism, which may lead to isolationism - Permanent domestic protests hindering consolidation and mobilization of resources - Unstable national security system, risk of new war - Regionalization

Conclusion

Thus, the development of national identity in the republics of the South Caucasus is determined both by the internal logic of societal and state development and by processes associated with fundamental transformations of the world order. This gives rise to certain challenges and risks. In this context, state identity policy acquires special significance. Such a policy can be effective only if it is based on scientific analysis and foresight. Therefore, the study of transforming identities is a prerequisite both for constructive domestic policy - aimed at the ideological and value-based mobilization of society under conditions of global, regional, and national change - and for the implementation of effective foreign policy.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ачкасов В.А. Этнополитология. М.: «Юрайт», 2014. С. 102.

2. См.: Идентичность: Личность, общество, политика, энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семененко // ИМЭМО РАН, М., 2017.
3. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // «Полис», № 5, 2017. С. 56.
4. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. ИКЦ «Академкнига». М.: 2003. С.14.
5. Летняков Д.А. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // «Мир России», № 2, 2016.
6. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Центры силы в мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства // «Полис. Политические исследования», № 5, 2025. С. 122.
7. Золян М.С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // «Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)», 2004, № 2. С. 32.
8. Дерлугьян Г.М. Мировая война местного значения // Буря на Кавказе / Под ред. Р.Н. Пухова. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. С. 19.
9. Золян М.С. Этнополитический конфликт и национальная идентичность: о некоторых аспектах Нагорно-Карабахского конфликта // «Вестник РАУ (серия: гуманитарные и общественные науки)», 2004, № 2. С. 31.
10. Ergun A. Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence // “Nationalities Papers” (2022), 50: 4, Cambridge University Press. PP. 813–830.
11. Варданян Т. Грузия: идентичность в политических программах и действиях // «21-й век», № 3 (15), 2010. СС. 53–54.
12. Там же. С. 57.
13. Развитие гражданской идентичности в Республике Армения: тенденции, вызовы, риски: коллективная монография / Ответственный редактор О.Л. Саркисян. Ер.: Изд-во РАУ, 2023. СС. 59–60.

REFERENCES

1. Achkasov V. Ethnopolitical Science. M.: Urait, 2014. P. 102. (In Russ.)
2. See: Identity: Personality, Society, Politics, Encyclopedic Edition / ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS, M., 2017. (In Russ.)
3. Semenenko I., Lapkin V., Bardin A., Pantin V. Between the state and the nation: dilemmas of identity politics in post-soviet societies // Polis, 2017, No. 5. P. 56.
4. Shnirelman V. Memory Wars: Myths, Identity, and Politics in Transcaucasia. ITC “Akademkniga”. M.: 2003. P. 14.
5. Letnyakov D. Nation-Building: Identity Politics in Post-Soviet States // “Mir Rossii”, № 2, 2016.
6. Semenenko I., Lapkin V., Pantin V. Centers of power in world politics: diversifying leadership resources // “Polis. Political Studies”, № 5, 2025. P. 122.
7. Zolyan M. Ethnopolitical Conflict and National Identity: On Some Aspects of the Nagorno-Karabakh Conflict // Vestnik RAU (series: humanitarian and social sciences), 2004, № 2. P. 32.
8. Derluguyan G. World War of Local Significance // Storm in the Caucasus / Ed. by R.N. Pukhov. Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies, 2021. P. 19.

9. Zolyan M. Ethnopolitical Conflict and National Identity: On Some Aspects of the Nagorno-Karabakh Conflict // Vestnik RAU (series: humanitarian and social sciences), 2004, № 2. P. 31.
10. Ergun A. Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence // "Nationalities Papers", 2022, 50: 4, Cambridge University Press. PP. 813–830.
11. Vardanyan T. Georgia: Identity in Political Programs and Actions // "21st Century", № 3 (15), 2010. PP. 53–54.
12. Ibid. P. 57.
13. Development of Civil Identity in the Republic of Armenia: Trends, Challenges, Risks: A Collective Monograph / Editor-in-Chief O. Sargsyan. Yerevan: RAU Publishing House, 2023. PP. 59–60.

**ПРОЦЕССЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКАХ
ЮЖНОГО КАВКАЗА: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

О.Л. Саркисян, Д.О. Саргсян

Российско-Армянский (Славянский) университет

АННОТАЦИЯ

После развала СССР в государствах постсоветского пространства развернулись интенсивные процессы нациестроительства. На современном этапе эти процессы стимулируются также трансформациями миропорядка. Это не обходит стороной и республики Южного Кавказа, в каждой из которых разворачивается своеобразная политика нациестроительства. Исследовательской целью данной статьи является выявление основных факторов, влияющих на процессы трансформации национальной идентичности и политику нациестроительства в республиках Южного Кавказа. Обращается внимание на ряд факторов: этнический и конфессиональный состав населения, роль традиционных институтов, культурно-языковой фактор, внешнеполитическая ориентация, уровень развития гражданской культуры, влияние центров силы, наличие этнополитических конфликтов и др.

Ключевые слова: Южный Кавказ, нациестроительство, политика идентичности, национальная идентичность, трансформация идентичностей.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-158-166
УДК УДК 327.5+620.9+656

Поступила: 17.11.2025г.
Сдана на рецензию: 19.11.2025г.
Подписана к печати: 16.12.2025г.

РОЛЬ ЭНЕРГОТРАНСПОРТНОЙ ПОВЕСТКИ В ФОРМИРОВАНИИ КОНСТАНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ТУРЦИИ: АНАЛИЗ ОФИЦИАЛЬНОГО ДИСКУРСА ПО ЗАЩИТЕ И РАЗВИТИЮ КРИТИЧЕСКИХ ИНФРАСТРУКТУР В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРАНЗИТА (2009–2025гг.)¹

М.Г. Аванесян

Российско-Армянский (Славянский) университет
mikayelava@tutanota.com
ORCID 0000-0003-4769-9026

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена основным этапам становления энерготранспортного дискурса в официальных планах и стратегиях правительства Турции за последние пятнадцать лет. Представлены основные генезисы возникновения «хабовой» («узловой») геостратегии, внутренние вызовы для политического руководства государства в контексте планирования и реализации крупнейших транс-региональных энергетических и логистических проектов. В формировании основных констант энерготранспортной политики отображаются трансформации в представлении развития соответствующих областей, их смысловой и содержательной насыщенности. Анализ ключевых слов позволяет оценить уровень преобразований в представлении турецкого политического дискурса. Кроме того, анализ дискурсивных особенностей энерготранспортного аспекта в официальных стратегиях является индикатором состоятельности тех проектов, в которых Турецкая Республика представляется ключевой. В статье также содержатся элементы «доктринального» подхода в создании официальной стратегии, соотношения развития дискурса исходя из временных достижений и намечаемых целей.

Ключевые слова: политический дискурс, энергетика, транспортная политика.

Введение

Концептуальное осмысление значения критических инфраструктур важно в формировании основных стратегических положений национальной

¹ Исследование выполнено при поддержке Комитета по высшему образованию и науке МОНКС РА в рамках базового финансирования.

безопасности. Турция, как одна из наиболее развитых индустриальных стран региона декларирует основные принципы становления определенных сфер исключительно через планово-отчетные мероприятия, которые реализуются уже больше двадцати лет. Одной из задач данного исследования является отображение важности реализации Турецкой Республикой стратегических постулатов и целей в энерготранспортной области и в формировании *консолидирующего* дискурса. Политическая форма коммуникаций в Турции, несмотря на свою систему однородности, демонстрирует реалистические подходы в составлении, реализации и интерпретации официальных стратегий и документов. Обращая во внимание фактор цифровизации, необходимо отметить, что на современном этапе Турция придерживается *доктринального* подхода, то есть – проецирование будущих инициатив на концептуальные программы и стратегии.

Исходя из этого, цель данной статьи заключается в демонстрации конструктивной важности стратегического подхода в формировании энерготранспортной повестки на примере политического дискурса Турции. Необходимо констатировать, что данное исследование сфокусировано на анализе официального дискурса (и иных краеугольных стратегических линий), а не на акцентировании эффективности данных стратегий (*более того, их оценок*). Кроме того, предполагается исследовать следующие задачи:

- оценка уже состоявшихся государственных стратегий в энерготранспортных областях;
- демонстрация уровня однородности политического дискурса по терминологической и концептуальной насыщенности.

Методологическая основа данной статьи исходит из необходимости рассмотрения особенностей *дискурс-анализа* в политологических исследованиях. В контексте Турции данный метод позволяет выдвигать определенные тезисы развития энерготранспортного сектора, риторики официальных институтов в вопросах смысловой нагрузки и связывания некоторых идеологических аспектов. Для определения генезиса развития (*или трансформаций*) ключевых слов в энерготранспортных *концептах* применяется метод *контент-анализа* (Табл. 2). Генезисы основных внешнеполитических ориентиров, истории государственных подходов в формировании национальных ориентиров (см. Этапы развития и Табл. 2) были обособлены в рамках *сравнительного (компаративистского) анализа*.

Представленные стратегии, которые были приняты Правительством Турции отражают действительную идеологическую повестку по реализации мегапроекта «узловой» (*или «хабовой»*) геоэкономики. Под данную концепцию были реализованы различные методологические мероприятия, связанные с доктринальной унификацией. После 2014 года ответственными государ-

ственными учреждениями Турции были предприняты существенные попытки по интеграции различных концепций по развитию энерготранспортного сектора, в том числе и благодаря изучению опыта ЕС, обобщенного после реализации проекта “TRACECA”. Несмотря на отсутствие каких-либо практических перспектив по углублению евроинтеграции, созданное еще в начале 2000-х годов «Агентство по регулированию энергетического рынка» (“EMRA”), продолжило свою работу. Указанная структура занималась приватизацией не только целого сектора, но и сопутствующих инфраструктур. Либерализация энергетического рынка затронула также и транспортную составляющую, а в интервале 2015–2021 гг. данный курс ознаменовал переход на неолиберальные основы развития критических инфраструктур. Кроме того, произошли и некоторые изменения в понимании энерготранспортного дискурса в Турции на официальном уровне (*эмпирический анализ лексики*), а именно – отход от концептуально аморфных значений энерготранспортных «центров» и «коридоров» к более централизованному «узлу» («хабу») [1].

Официальные стратегии в областях энергетики и транспорта: сравнительный анализ в дискурсивных представлениях

Государственные представления (*как дискурсивные конструкции*) о будущей энерготранспортной стратегии варьировались исходя из курсов правящей партии «Справедливость и развитие», сложившихся в течение времени. При рассмотрении дискурсивных особенностей Правительством Турции необходимо выделить три основных этапа.

Первый этап (2009–2014) характеризуется позиционированием страны в качестве нового плацдарма развития энерготранспортных инициатив в формате Европа-Азия, значительным уровнем европоцентричности.

Второй этап (2015–2019) осмысляется в попытках трансформации текущих транс-региональных проектов в национальные, из призмы геοэкономического суверенитета Турции.

Третий этап (2019) символизирует начало новой геостратегической эпохи – энерготранспортного суверенитета, характеризуется концентрацией критической инфраструктуры в Турции.

Основные стратегические константы в энерготранспортном дискурсе видоизменялись в течение времени, исходя из логики официального политического курса. Для представления основных позиций по определению геοэкономических интересов Турции необходимо провести сравнительный анализ официальных стратегий. Как уже было указано, на первом этапе становления энерготранспортный дискурс характеризовался представлением Турции как объекта в проектах Европейского союза.

Девятый план развития (2007–2013), представленный государственной плановой организацией, выдвинул три главных фундаментальных тезиса

стратегического развития: транзитный коридор ЕС, безальтернативность евроинтеграции, а также диверсификация (или же “Arz Güvenliği” – тур. – «Безопасность поставок») [2]. Государственная стратегия в области энергетической политики (2010–2014гг.) характеризуется аналогичными процессуальными векторами, с менее концептуально содержательными тезисами: энергетический проект «Италия-Греция-Турция» (или же “Nabucco”), становления проектов по построению «географического узла» и его монетизация, тотальная либерализация энергетического сектора [3].

Второй этап становления энерготранспортного дискурса осмысливается сквозь призму институционализации соответствующей сферы в форме национализации курса либерализации (*который в дальнейшем трансформировался в неолиберальный курс, прим. автора*). Новый стратегический план Минэнерго Турции (2015–2019) выдвигает тезисы о капитализации энергетических потоков в государственный бюджет, дедуктивного подхода к регулированию цен, а также – укреплению национального суверенитета через развитие малых ГЭС [4]. Иным фундаментальным документом является «Десятый план развития» (2014–2018), изданный уже Министерством развития Турции, актуализирует тезисы о планомерном переходе к энерготранспортному суверенитету. Во-первых, внешнеполитический отход от интеграции ЕС не является резким (в том числе, реализация проекта «Трансанатолийского коридора»). Во-вторых, отмечается появление атомной энергетики (совместно с российским «Росатомом»). В-третьих, исходя из логики соответствующего плана Минэнерго Турции, появляется значение термина «локализация местных ресурсов» (тур. “Yerli kaynaklar”, прямой предшественник идеологии «национальной энергии» – прим. автора), символизирующий начало этапа энерготранспортного суверенитета [5]. Принципиальные изменения также произошли в стратегическом плане (2014–2018) Минтранса Турции. Среди различных перспективных направлений отмечается завершение железнодорожной линии «Баку-Тбилиси-Карс» формированием транспортных ответвлений – логистических центров (тур. Lojistik Merkez), а также поддержка участия в европейском проекте «TRACECA» [6].

Несмотря на корреляцию основных стратегических подходов, геоэкономические константы Турции зачастую радикально трансформируются. К примеру, на третьем этапе модернизации энерготранспортного дискурса в стране наблюдалась тенденция к интеграционной изменчивости, от ЕС к собственной геостратегической важности. К примеру, «Одиннадцатый план развития» (2019–2023), издаваемый уже управлением стратегии и бюджета Администрации Президента Турции предусматривает постепенный отказ от применения концепции в геостратегии «Коридор» к более обширному «Центр перевалки» (тур. “Aktarma Merkezi”). В транспортном аспекте абсолютизируется роль «Срединного коридора», который развивается в рамках турецкого

дискурсивного обсуждения над европейскими “TEN-T”, “VIKING”, “TRACECA” [7]. Другой документ – «Двенадцатый план развития» (2024–2028) концентрирует внимание на развитии малых атомных электростанций, использовании природного угля (*который добывается в Турции*), в призме национальной энергетики: среди транспортно-логистических инициатив «Срединный коридор» не обсуждается, а представляется ближневосточный «Путь Развития» (тур. “Kalkınma Yolu”) [8].

Энергетические стратегии министерства энергетики и природных ресурсов Турции тоже регламентируют определенные дифференцированные подходы в формировании политического дискурса. Примечательно, что в рамках генеральных планов наблюдаются тенденции перехода к курсу национального неолиберализма, отображающееся в некоторых особенностях. В энергетическом контексте укрупнение национальных мощностей по хранению, передаче и добыче нефтегазовых ресурсов, также формируется официальная позиция по созданию «хабовой» («узловой») геостратегии – создание крупнейшего регионального центра по обработке нефтегазовых ресурсов. Примечательно, что актуализируются вопросы развития атомной энергетики (АЭС «Аккую»), а в актуальной стратегии – построение других малых атомных реакторов), а также усиление дискурса декарбонизации (зеленой энергетики) к 2028г. [9], [10].

Отметим, что транспортный дискурс за последние восемь лет также претерпел определенные трансформации. Как уже было указано, «Срединный коридор» (*который, по сути, является одним из ответвлений китайского проекта «Один пояс, один путь»*) является структурально императивным в геоэкономическом воззрении официального политического дискурса Турции, однако новые концепции, разработанные профильным министерством до 2028г., подчеркивают важность уже так называемого «Зангезурского коридора», как важного узла в диверсификации транспортной логистики. Тем не менее, если сравнивать два плана (2019–2023, 2024–2028), то становится ясно, что официальный дискурс преследует цель показать необходимость интеграции турецкой промышленности в действующие региональные транспортные коридоры [11], [12].

Необходимо подчеркнуть, что транспортные планы занимают определенную нишу в формировании стратегических интересов в Турции. Важнейшим документом по преобразованию данного дискурса является «Мастер-план транспорта и логистики 2053», в преамбуле которого закреплён принцип достижения лидерства Турции в глобальных транспортных и логистических проектах. Кроме того, проект «Срединного коридора» доведен до уровня основной геоэкономической идеологии в сочетании с проектом «Один пояс,

один путь». Кроме того, отмечается важность развития железнодорожных сообщений в Турции, как некий этап обеспечения конкурентоспособности на пути Европы-Азии [13].

Таблица 1. Основные партнеры и векторные ориентиры (выжимка из планов из стратегий) [1–13].

Этап / Модель	Период	Векторный ориентир (в энергетике)	Векторный ориентир (по транспорту)
I. Либерализм (этап Евроинтеграции)	2009–2013	Европейский Союз, Азербайджан	Европейский Союз (ЕС)
II. Неолиберализм (открытый рынок)	2014–2018	Азербайджан, Российская Федерация, Иран	Китай, Центральная Азия
III. «Национальный Либерализм» (этап суверенности)	2019 – н.д.	Российская Федерация, страны Ближнего Востока	Китай, страны Ближнего Востока, Центральная Азия

Таблица 2. Эволюция применения терминов (для определения изменений в дискурсе) [1–13].

Период	«Коридор»	«Хаб / Центр»	«Суверенитет»	«Многовекторность»
2009–2013	Высокая	Низкая (<i>не несет той смысловой нагрузки</i>)	Средняя	Высокая
2014–2018	Средняя	Этап Роста (<i>рассматривается и представляется впервые</i>)	Этап роста	Средняя
2019–2028	Низкая (в энергетике) Высокая (в логистике)	Высокая	Высокая	Высокая

Несмотря на увеличивающийся уровень тенденции суверенизации, необходимо отметить, что актуальные константы турецкой энерготранспортной геостратегии развивались в логике европейского либерального политического дискурса. Отчасти данный курс можно приписать не только к будущим гипотетическим перспективам усугубления отношений с ЕС, а скорее к поддержанию должного уровня конкурентоспособности внутренних инфраструктур и рынков к перспективам полной реализации «хабовой» («узловой») стратегии. «Десятый план развития» содержит в себе ключевой элемент примера системы европейской либерализации – “ENTSO-E” (европейской системы обмена электроэнергией) [14], в котором Турция на данный момент находится в статусе наблюдателя. Учитывая данный факт, в последующих

планах и стратегиях Турции, наблюдаются элементы технократизации (*цифровизации*) регулирования рыночной политики электроэнергии. С 2015г. в г. Стамбуле постоянно действует биржа “EPIAS” [15], целью которой является определение ценовых предложений на рынке электроэнергии.

Учитывая предыдущие особенности в формировании политического дискурса, энерготранспортный компонент в геостратегии Турции имеет отличительные особенности. В своей статье Ёзкайнар Б. и другие отмечают некоторые особенности энерготранспортного фактора в политическом дискурсе Турции: во-первых, описывая концептуальную значимость, авторы прибегают к определенной «*секьюритизации*» термина энергетической безопасности; во-вторых, поддерживается технократический аспект в формировании национальных планов; в-третьих, производятся подмены основных векторов в пользу националистических особенностей – через нарративы и переход к добавлению слоганов «*Milli*» (переводя с турецкого языка – *национальный*) [16]. В другой статье Озен Х. демонстрируются и некоторые элементы вестернизации дискурса вокруг энерготранспортных стратегий: к примеру, активно поддерживается курс «зеленой энергии», однако, как считает автор, дискурс нацелен на сокрытие искренних проблем экологичности (в частности, выбросов CO₂), а также попытки легитимировать предприятия лиц, связанных с руководством; кроме того, поддерживается идея «*секьюритизации*», так как правящая партия «Справедливость и развитие» предпринимает попытку предоставить энергетическую безопасность Турции как элемент борьбы с внешними акторами [17].

Заключение

Политический дискурс в Турции существенно трансформировался в период правления партии «Справедливость и развитие». Энерготранспортные проекты и программы являются прямым отображением внешнеполитических векторов каждой эпохи. Необходимо констатировать, что современный вектор суверенизации сложно представить в рамках политического популизма. Возможные направления будущего развития дискурса будут сконцентрированы под идеями конформизма, но с определенными политическими подоплеками. Учитывая резкую трансформацию на националистический крен, энерготранспортный дискурс Турции в будущем актуализирует элементы легитимации определенных реакционистских действий. На современном этапе уже наблюдаются такие тенденции в формировании «узловой» («хабовой») геостратегии: установление референтных цен на транзитный товар, использование местных индустриальных мощностей, увеличение значимости местной инфраструктуры. Данные тенденции нацелены на укрупнение внутреннего экономического потенциала для реализации более глобальных инициатив, каковыми и является «хабовая» («узловая») стратегия.

ЛІТЕРАТУРА

1. Bilgin M. Turkey's energy strategy: What difference does it make to become an energy transit corridor, hub, or center? // "Energy Policy", № 23 (May), 2010. PP. 113–128. ISSN 1696–2206. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/767/76715004007.pdf>
2. Dokuzuncu Kalkınma Planı (2007–2013). Ankara: Devlet Planlama Teşkilatı, 2006. 256p.
3. T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. Stratejik Plan (2010–2014). Ankara: Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı, 2010, 144p.
4. T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. 2015–2019 Stratejik Planı. Ankara: T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı, 2015, 129p.
5. T.C. Kalkınma Bakanlığı. Onuncu Kalkınma Planı (2014–2018). Ankara: T.C. Kalkınma Bakanlığı, 2013, 198p.
6. T.C. Ulaştırma Denizcilik ve Haberleşme Bakanlığı. Stratejik Plan (2014–2018). Ankara: T.C. Ulaştırma Denizcilik ve Haberleşme Bakanlığı, 2014. 124p.
7. T.C. Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. On Birinci Kalkınma Planı (2019–2023). Ankara: T.C. Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı, 2019, 191p.
8. T.C. Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. On İkinci Kalkınma Planı (2024–2028). Ankara: T.C. Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı, 2023, 241p.
9. T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. 2019–2023 Stratejik Planı. Ankara: T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı, 2018, 163p.
10. T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. 2024–2028 Stratejik Planı. Ankara: T.C. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı, 2023, 195p.
11. T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı. 2019–2023 Stratejik Planı. Ankara: T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı, 2019, 92p.
12. T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı. 2024–2028 Stratejik Planı. Ankara: T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı, 2024, 156p.
13. T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı. Ulaştırma ve Lojistik Ana Planı: 2053. Ankara: T.C. Ulaştırma ve Altyapı Bakanlığı, 2022, 243p.
14. T.C. Kalkınma Bakanlığı. Onuncu Kalkınma Planı (2014–2018). Ankara: T.C. Kalkınma Bakanlığı, 2013. 198p. P. 105.
15. Şenerdem E., Akkemik K. Evaluation of the reform in the Turkish electricity sector: a CGE analysis // "International Journal of Economic Policy Studies". Vol. 14, № 2, 2020. PP. 389–419.
16. Özkaynak B., Turhan E., Aydın C. The Politics of Energy in Turkey: Running Engines on Geopolitical, Discursive, and Coercive Power // "The Oxford Handbook of Turkish Politics" / ed. Tezcür G. M. Oxford: "Oxford University Press", 2020. PP. 225–248. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.29.
17. Ozen H. Why is 'clean' energy opposed? The resistances to geothermal energy projects in Turkey // "Environment and Planning E: Nature and Space". Vol. 7, № 4, 2024. PP. 1580–1600.

**THE ROLE OF THE ENERGY-TRANSPORT AGENDA IN
FORMING CONSTANTS OF TURKEY'S NATIONAL
SECURITY: AN ANALYSIS OF THE OFFICIAL DISCOURSE
ON THE PROTECTION AND DEVELOPMENT OF CRITICAL
INFRASTRUCTURES IN THE CONTEXT OF EURASIAN
TRANSIT (2009–2025)**

M. Avanesyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article is devoted to the main stages of the formation of the energy-transport discourse in the official plans and strategies of the Turkish government over the past fifteen years. The main genesis of the “hub” geo-strategy is presented, along with the internal challenges for the political leadership of the state in the context of planning and implementing the largest trans-regional energy and logistics projects. The formation of the main constants of the energy-transport policy reflects transformations in the perception of the development of the relevant areas, as well as their semantic and substantive richness. An analysis of key words makes it possible to assess the level of transformations in the representation of Turkish political discourse. Furthermore, the analysis of the discursive features of the energy-transport aspect in official strategies serves as an indicator of the viability of those projects in which the Republic of Turkey appears as a key player. The article also contains elements of the specificity of the “doctrinal” approach in creating an official strategy, and the correlation of discourse development based on temporal achievements and planned goals.

Keywords: political discourse, energy, transport policy.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-167-180
УДК 32+37

Поступила: 03.11.2025г.
Сдана на рецензию: 07.11.2025г.
Подписана к печати: 11.12.2025г.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ И СИСТЕМНЫЙ ПОДХОДЫ

М.Л. Арутюнян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
marianna.harutyunyan@rau.am
ORCID: 0009-0005-3922-0275*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретико-методологические основания анализа образовательной политики и государственной политики в сфере образования. Отмечается, что при широком использовании данных понятий в научном дискурсе отсутствует их единое и общепринятое определение, что обуславливает методологическую фрагментарность исследований в данной области. Методологической основой исследования выступают конструктивистский подход и системный анализ. Конструктивистский подход позволяет рассмотреть образовательную политику как социально сконструированное явление. Системный подход дает возможность проанализировать образовательную политику как целостную, многоуровневую и динамическую систему.

Ключевые слова: образовательная политика, государственная политика в сфере образования, конструктивизм, системный подход.

Введение

Актуальность обращения к образовательной политике как к объекту политического анализа обусловлена трансформациями современного общества, связанными с цифровизацией, усложнением социальных взаимодействий и изменением механизмов публичного управления. Образование перестает рассматриваться исключительно как социальная сфера и все чаще интерпретируется как стратегический ресурс государства, инструмент формирования человеческого капитала, гражданской идентичности и полемической стабильности. В этих условиях образовательная политика перестает быть исключительно сферой административного регулирования и все в большей степени выступает как пространство социального конструирования, где пересекаются интересы государства, экспертных сообществ, образовательных институтов и гражданского общества. Современные образовательные стратегии форми-

руются под влиянием сетевых (цифровых) коммуникаций, экспертных дискурсов и общественных ожиданий. Это делает недостаточными традиционные институционально-управленческие модели анализа и требует привлечения подходов, способных учитывать, как структурные, так и социально-коммуникативные измерения политики.

Конструктивистский подход позволяет рассматривать образовательную политику как результат социального конструирования смыслов и практик, тогда как системный подход обеспечивает анализ институциональных связей между образованием, государством и другими подсистемами общества. Использование данных методов в политическом анализе представляется актуальным в условиях трансформации профессиональных траекторий и формирования новых моделей гражданской идентичности, где образование выступает ключевым механизмом социализации и воспроизводства ценностных ориентиров.

Актуальность данного исследования обусловлена также тем, что в современной научной литературе отсутствует единый подход к пониманию и анализу понятия «образовательная политика». Несмотря на широкое использование данной категории, в научной литературе нет их однозначных и общепринятых определений.

Проблематика образовательной политики представлена в трудах многих зарубежных исследователей, например, Пьер Бурдьё анализирует образовательную политику как механизм воспроизводства социального неравенства через концепцию культурного капитала [1]. Дж. Дьюи рассматривал образовательную политику как важнейший инструмент формирования демократического общества [2]. И.Д. Фрумин исследовал эту политику через призму модернизации и цифровизации образования, А.Г. Асмолов рассматривает образовательную политику как инструмент проектирования будущего общества [3]. Э.Д. Днепров в своих трудах раскрывал содержание самого понятия «образовательная политика» [4].

Конструктивистский подход представлен в трудах ученых, изучающих роль идей, дискурсов и социальных представлений в формировании образовательной политики. Данный подход позволяет рассматривать образовательную политику как результат социального конструирования. Теоретические основания социально-конструктивистского анализа заложены в работах П. Бергера, Т. Лукмана.

Системный подход к анализу образовательной политики нашел отражение в исследованиях, посвященных взаимодействию государства, общества и образовательных институтов. Уже с середины XX века системный подход начал активно проникать в сферу политического знания. Одним из первых, кто применил системный анализ к исследованию социальных и явлений, был

американский социолог Т. Парсонс. В работе «Социальная система» он социальную систему рассматривал как совокупность индивидов, взаимодействующих друг с другом в определенной физической среде, где их отношение к ситуации и друг к другу определяются и опосредуются системой общепринятых символов (элементами культуры) [5]. Первое системное исследование в сфере политологии было проведено Д. Истоном, который, в отличие от Т. Парсонса, полностью сфокусировал свое внимание на политической системе, результатом чего явилась модель взаимодействия политической системы с внешней средой [6].

Вместе с тем, несмотря на значительное количество исследований, проблема комплексного анализа образовательной политики с позиции конструктивистского и системного подхода остается недостаточно разработанной, что и определяет научную новизну данного исследования.

Целью исследования является изучение образовательной политики как объекта политического анализа с использованием конструктивистского и системного подходов.

Для достижения поставленной цели предлагается решение следующих задач:

- рассмотреть теоретические основы анализа образовательной политики в контексте политологии;
- проанализировать возможности конструктивистского подхода в изучении образовательной политики;
- выявить основные положения системного подхода к образовательной политике.

Гипотеза исследования заключается в предположении, что наиболее продуктивный анализ образовательной политики возможен при использовании конструктивистского подхода и системного анализа.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологических подходов к анализу образовательной политики в рамках политологии. Результаты исследования могут способствовать углубленному пониманию механизмов формирования и реализации образовательной политики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов при разработке и совершенствовании государственной политики, а также в подготовке аналитических материалов как для институтов государственной власти, так и для научно-исследовательских организаций.

Методологическую основу исследования составляют конструктивистский подход, предполагающий анализ образовательной политики как результат социального конструирования; системный анализ, который рассматривает образовательную политику как элемент сложной политико-социальной системы, находящейся во взаимосвязи с другими институтами государства и общества. В работе применяются также общенаучные методы: анализ и синтез.

Основная часть

В современных условиях проблема образовательной политики занимает одно из ключевых мест в общественно-политическом дискурсе и выступает одной из приоритетных сфер внутренней социальной политики государства.

Образовательная политика долгое время воспринималась преимущественно как предмет педагогики или государственного управления. Однако со второй половины XX века образовательная политика все активнее включается в поле политической науки. Это связано с тем, что образование стало рассматриваться не только как социальная услуга, но и как важнейший инструмент государственной власти, идеологии формирования общественного порядка. С точки зрения политической науки, образовательная политика представляет собой сферу, в которой пересекаются интересы государства и общества. Через систему образования государство влияет на формирование/конструирование ценностей, норм и политической культуры граждан.

Несмотря на широкое использование в научном и экспертном дискурсе таких понятий, как «образовательная политика», государственная политика в сфере образования», образовательная стратегия, «государственная стратегия в сфере образования», данные категории остаются терминологически и методологически неоднозначными. В современной научной литературе отсутствует единое, общепринятое определение этих понятий, что свидетельствует как о сложности самого феномена, так и о недостаточной концептуальной проработанности терминологического аппарата. Данная ситуация затрудняет как теоретический анализ образовательной политики, так и сопоставление результатов различных исследований.

Образовательную политику можно рассматривать как систему концептуальных идей, целей, задач и практических действий, направленных на развитие сферы образования, а также как механизм, обеспечивающий защиту базовых прав и свобод человека и способствующий ускорению социально-экономического и научно-технического прогресса.

Образовательная политика – это своего рода программа либо план, направленный на изменение (модернизацию, реформирование) системы образования, в котором определены доступные средства его реализации. Можно сказать, что формирование образовательной политики – это разработка правил деятельности в сфере образования. Образовательная политика не всегда разрабатывается и внедряется в жизнь государством: ее носителями могут быть элиты, церковь, диаспора [7].

На основе образовательной политики формируется образовательная стратегия, которая в основном направлена на реформирование (модернизацию) системы образования. Это своего рода программа, в которой указаны основные средства реализации образовательной политики. Образовательная стратегия характеризует долговременные, наиболее принципиально важные

установки, планы, основные направления и принципы развития системы образования как целостного социального института [8].

Государственную политику в сфере образования можно выделить как структурный компонент образовательной политики. Именно органы государственной власти на практике формируют ценностные и социокультурные основы образовательного процесса, определяют основные принципы образовательной политики и направления ее реализации, устанавливают правовые нормы и механизмы деятельности в сфере образования, организуют и контролируют образовательную деятельность в масштабе страны, устанавливают минимальный объем обязательных знаний (государственный образовательный стандарт), а также контролируют процесс подготовки и переподготовки педагогических кадров. Государство гарантирует доступ каждого человека к базовому образованию и обеспечивает равенство при поступлении в соответствующие учебные заведения для получения высшего образования [9].

Государственная политика в области образования определяет стратегию развития и направление государственного реформирования системы образования.

Государственная стратегия в сфере образования – это официально принятый государством документ, указывающий вектор развития системы образования государства, в котором определены и выверены цели, способы, средства, необходимые ресурсы, условия и сроки реализации. Государственная стратегия направлена на развитие системы образования с учетом политической, экономической и интеграционной ситуации в стране.

Государственная стратегия в сфере образования часто включает в себя направленность на создание общих представлений о смысле существования и принадлежности к определенной общности. В данном контексте образование рассматривается не просто как инструмент передачи знаний, а практикой, которая формирует коллективную идентичность через освоение исторических, культурных, гражданских и нравственных основ. Через образовательные институты государство транслирует культурные нормы, язык и символы, которые обеспечивают преемственность и единство общества, задает основы коллективного сознания, поддерживает культурное единство и формирует представления о себе и своем месте в мире. Образование, таким образом, становится пространством передачи метанарративов, формирующих коллективное сознание в зависимости от проводимой в государстве политики. В философии и политологии данные проблемы можно рассмотреть в русле философии или методологии конструктивизма.

В последние два десятилетия дискуссии вокруг конструктивизма во многом обусловлены различиями в трактовке его природы. Конструктивизм рассматривается либо как эпистемологический подход, либо как самостоятельная теория познания. Сегодня особое внимание уделяется интерпретации

конструктивизма в контексте образовательных практик и его роли в процессе формирования знания. Конструктивизм выступает как жизнеспособная релятивистская эпистемологическая парадигма, представляющая собой альтернативу традиционным объективистским моделям познания, характерным для классической науки. В отличие от объективистов, конструктивисты (особенно радикальные конструктивисты) исключают возможность существования «позитивной онтологии в качестве источника знания», следовательно, знание, как результат процесса познания, является конструированием реальности, а не представлением внешней реальности, то есть его открытием [10].

Сторонники конструктивизма возводят свой подход к античному скептицизму (Пиррон) и учению Протагора; своими предшественниками они считают также представителей средневекового номинализма и отдельных мыслителей Нового времени (Р. Декарт, Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм) [11]. Однако одними из родоначальников современного конструктивизма считается итальянский просветитель Джамбатисто Вико. Он предложил представление о человеке как о существе, совершенство которого, в отличие от совершенства Бога, состоит в совпадении познавательной и созидательной деятельности и который вынужден «составлять» свое познание из элементов.

В середине 1960-х гг. в методологии социальных наук возникло представление, что реальность – это набор мыслительных конструкций, что она в конечном счете есть текст (П. Бергер, Н. Лукман) [12]. В 1966 году конструктивизм рассматривался и в рамках социологической теории. Так американские социологи П. Бергер и Т. Лукман в своем труде «Социальное конструирование реальности» доказывали, что окружающая нас действительность сконструирована самими людьми [13]. К началу 1980-х складывается уже особое философско-методологическое течение – «радикальный конструктивизм» (П. Ватцлавик, Э. фон Глазерсфельд, Х. фон Ферстер и др.). Усиливая трактовку реальности как системы значений, представители этого течения подчеркивают аспект «сделанности» этой реальности [14].

Согласно конструктивизму, любой продукт сознания как самостоятельной реальности по отношению к объективной реальности является результатом лишь его конструктивно проективной деятельности. Продуктом такой деятельности является не только научное знание, но и методология его получения и обоснования [15].

Согласно конструктивизму, главной целью и основной функцией научного познания является конструирование им субъективной реальности как возможной модели некоторой области объективной реальности. Как отмечает С.А. Лебедева, «этот процесс является творческим и опирается, прежде всего, на содержательные и операционные ресурсы самого сознания. Созданная сознанием субъективная реальность выступает в функции эталона при сравнении ее с объективной реальностью. Она приобретает статус объективности

только после ее удачного отождествления с определенной областью объективной реальности. С позиций эпистемологического конструктивизма результатами творческой деятельности сознания являются не только все виды, уровни и области научного знания, но и те методологические средства, которые используются при их создании» [16].

Реальность конструктивистами рассматривается как динамический процесс, так как существующий порядок создается человеком, следовательно, и политическая и образовательная реальности есть социальные конструкции, которые создаются под влиянием политических акторов. В рамках данного подхода знания, ценности и смыслы не передаются в готовом виде, а формируются субъектами образовательного процесса в ходе взаимодействия и коммуникации. Как утверждают Бергер П. и Лукман Т., «человек биологически предопределен к конструированию мира, в котором он живет с другими. Этот мир становится для него доминирующей и определяющей реальностью. Ее границы установлены природой, но стоит этому миру возникнуть, и он оказывает на природу обратное влияние. В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя» [17].

В политико-философском измерении конструктивизм приобретает особое значение, поскольку раскрывает связь между знанием, властью и процессом легитимации социального порядка. Конструктивизм позволяет рассматривать познание как социально опосредованный процесс, зависящий от дискурсивных практик, институциональных структур и механизмов власти. Таким образом, знание в конструктивистской парадигме выступает не только когнитивной, но и политической категорией, отражающей борьбу за интерпретацию реальности.

В контексте образовательной политики конструктивистский подход приобретает особую значимость поскольку образование выступает инструментом формирования социальной реальности, гражданского и политического сознания. В условиях информационного общества именно образовательные институты становятся пространством, где происходит не просто передача знаний, а их социальное и идеологическое конструирование, направленное на воспроизводство определенных ценностей и моделей поведения.

Образовательная политика, таким образом, понимается не только как система нормативных решений, но и как совокупность практик, в которых формируются новые модели мышления, гражданское сознание. Методология конструктивизма дает возможность понять, каким образом политика в сфере образования способствует созданию условий для самостоятельного конструирования знаний и ценностей в условиях информационного общества.

Однако для всестороннего изучения процессов, происходящих в сфере образования, необходимо обратиться к системному подходу, который позволяет рассматривать образование как целостный, многоуровневый социальный организм.

Изначально системный подход зародился в недрах естественных наук – прежде всего биологии, кибернетики и физиологии, где исследователи стремились постичь логику функционирования целостных живых организмов во взаимодействии с окружающей средой.

В 1930-е годы австрийский биолог Л. Берталанфи предложил, а после Второй мировой войны сформулировал общую теорию систем, основанную на идее изоморфизма законов, которым подчиняются системные объекты, предложив классическое определение понятия системы, которую он определял как комплекс взаимодействующих, или взаимосвязанных, элементов [18].

Уже с середины XXв. системный подход начал активно проникать в сферу политического знания. Одним из первых, кто применил системный анализ к исследованию социальных явлений, был американский социолог Т. Парсонс. В работе «Социальная система» он социальную систему рассматривал как совокупность индивидов, взаимодействующих друг с другом в определенной физической среде, где их отношение к ситуации и друг к другу определяется и опосредуется системой общепринятых символов (элементами культуры) [19]. Первое системное исследование в сфере политологии было проведено Д. Истоном, который, в отличие от Т. Парсонса, полностью сфокусировал свое внимание на политической системе, результатом чего явилась модель взаимодействия политической системы с внешней средой [20].

Д. Истон, рассматривал политику не как совокупность изолированных институтов, а как саморегулирующуюся систему, находящуюся в постоянном обмене со своим социальным окружением. Он утверждал, что любая политическая система должна уметь адаптироваться к внешним вызовам, перерабатывая общественные требования в легитимные решения. В модели политической системы Д. Истон центральное место занимают понятия «входа» (импульсов) и «выхода» (ответов на импульсы). Благодаря механизму системной связи система получает информацию о последствиях собственных действий и корректирует поведение, стремясь к равновесию [21].

Основными направлениями исследования в рамках системного анализа являются: разработка концепции и принципов постановки и разрешения практических проблем на основе системной идеологии; поиск способов интегрирования методов и результатов исследования специальных дисциплин в целевую технологию решения проблем; разработка методик, приемов и моделей комплексного исследования и проектирования различных системных объектов [22].

Системный подход в исследовании образования исходит из представления о том, что образовательная сфера является не изолированной совокупностью институтов, а сложной открытой системой, взаимодействующей с внешней социальной, политической, культурной средой. В рамках данного подхода образовательная политика рассматривается как механизм регулирования взаимосвязей между различными элементами системы – государственными структурами, образовательными учреждениями, преподавателями, обучающимися, родителями, а также институтами гражданского общества и рынка труда. Основной акцент системный анализ делает на взаимодействии, обмене информацией и обратных связях, обеспечивающих устойчивость и адаптивность системы образования. Именно через эти связи реализуются процессы воспроизводства знаний, ценностей и норм, что позволяет образовательной системе не только исполнять свои традиционные функции, но и реагировать на новые вызовы – экономические, технологические, культурные и политические. Системный подход также позволяет выявить скрытые механизмы влияния внешней среды на образовательную политику; экономические интересы, идеологические установки, государственные приоритеты и глобальные тенденции развития. Таким образом, система образования рассматривается не как изолированная структура, а как открытая, динамически развивающаяся система, в которой взаимодействие элементов определяет, как эффективность ее функционирования, так и качество производимых ею социальных результатов.

В условиях информационного общества системный подход приобретает особую актуальность, поскольку позволяет не только описывать, но и прогнозировать изменения в образовательной сфере, исходя из логики взаимосвязей и целостности социальной системы.

Современные процессы цифровизации и изменения социальных структур требуют переосмысления традиционных подходов к исследованию образовательной политики. В условиях формирования информационного общества образование утрачивает исключительно инструментальный характер и становится пространством конструирования социальных смыслов, идеологий и гражданского сознания. Комплексное применение вышеуказанных методологических подходов обеспечивает целостное раскрытие сущности образовательной политики, как многоуровневого феномена.

Заключение

Опираясь на рассмотренные определения понятий «образовательная политика» и «государственная политика в сфере образования», можно сделать вывод, что последняя представляет собой структурный элемент образовательной политики, если понимать ее как теоретическую основу или систему идей, задающих цели и ориентиры государственной деятельности в области

образования. В то же время образовательная политика находит свое практическое воплощение через государственную политику в сфере образования. Таким образом, данные понятия находятся во взаимосвязи и взаимодополняют друг друга. Иначе говоря, если образовательная политика в большей степени связана с разработкой образовательных программ, то государственная политика в сфере образования направлена на достижение поставленных целей и реализацию этих программ на практике.

Методологии конструктивизма и системного подхода открывают возможности для более глубокого понимания механизмов формирования образовательной политики в условиях современных социально-политических трансформаций.

Сочетание конструктивистского подхода и системного анализа расширяет аналитические возможности исследования образовательной политики, позволяя рассматривать ее одновременно на структурном и смысловом уровнях. Данный методологический синтез обеспечивает связь между институциональными трансформациями и формированием сознания, ценностей и моделей поведения участников образовательного процесса. Это позволяет не только выявить механизмы функционирования и изменения образовательной системы, но и раскрыть смысловые основания принимаемых решений, их влияние на формирование гражданского сознания и ценностных ориентиров в условиях информационных и цифровых преобразований общества.

Современные процессы цифровизации и изменения социальных структур требуют переосмысления традиционных подходов к исследованию образовательной политики. В условиях формирования информационного общества образование утрачивает исключительно инструментальный характер и становится пространством конструирования социальных смыслов, идеологий и гражданского сознания. Комплексное применение вышеуказанных методологических подходов обеспечивает целостное раскрытие сущности образовательной политики, как многоуровневого феномена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Van Zanten A. Bourdieu as education policy analyst and expert: a rich but ambiguous legacy // "Journal of Education Policy", № 20 (6), 2005. PP. 671–686. [Эл. ресурс] URL: <https://sciencespo.hal.science/hal-01521689/file/2005-van-zanten-bourdieu-as-education-policy-analyst-and-expert.pdf> (Дата обращения: 12.06.2025).
2. Дьюи Дж. Демократия и образование. М.: «Педагогика-Пресс», 2000. [Эл. ресурс] URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000654051/ (Дата обращения: 14.12.2025).
3. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: «Просвещение», 2012 [Эл. ресурс] URL: https://asmolovpsy.ru/wp-content/uploads/2022/11/optika_prosveshheniya.pdf (Дата обращения: 04.12.2025).

4. Днепров Э.Д. Образовательная политика как предмет исследования // «Историко-педагогический журнал», № 1, 2015 [Эл. ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-kak-predmet-issledovaniya> (Дата обращения: 18.10.2025).
5. Парсонс Т. О социальных системах. Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: «Академический проспект», 2002. [Эл. ресурс]. URL: <https://pavroz.ru/files/parson-sosistemah.pdf> (Дата обращения: 09.11.2025).
6. Истон Д. Подход к анализу политических систем // «Вестник московского университета. Сер. 12: Политические науки», № 5, 2015. [Эл. ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-analizu-politicheskikh-sistem> (Дата обращения: 09.11.2025).
7. Арутюнян М.Л. О соотношении понятий «образовательная политика» и «государственная политика в сфере образования» // «Вестник РАУ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки». Ер.: Изд-во РАУ, 2016, № 3 (24). С. 19.
8. Образовательная политика: теории и концепции, тенденции и стратегии развития / А.К. Мынбаева, Ш.Т. Таубаева, А.А. Булатбаева, Н.А. Анарбек. Алматы: Казак университети, 2014, 228с. С. 15.
9. Арутюнян М.Л. О соотношении понятий «образовательная политика» и «государственная политика в сфере образования» // «Вестник РАУ. Сер. Гуманитарные и общественные науки». Ер.: РАУ, № 3 (24), 2016. С. 20.
10. Бабиц Н. Конструктивизм: обучение и преподавание // «Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева», № 3 (25), 2013. [Эл. ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivizm-obuchenie-i-prepodavanie> (Дата обращения: 11.11.2025).
11. Филатов В.П., Касавин И.Т., Рузавин Г.И., Антоновский А.Ю. Обсуждаем статьи о консерватизме. // Epistemology & Philosophy of Science [Эл. ресурс]. URL: https://www.ResearchGate.net/publication/306264671_Obsuzdaem_statii_o_konstruktivizme (Дата обращения: 20.09.2025).
12. Там же.
13. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. [Эл. ресурс] URL: https://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovanie_realnosti_t_r.pdf (Дата обращения: 05.11.2025).
14. Василюк Ф., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский В.А., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. Глава 6: Конструктивизм как умонастроение и как методология. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. [Эл. ресурс] URL: <https://www.hse.ru/data/2012/11/12/1248282240/g6.pdf> (Дата обращения: 20.09.2025).
15. Лебедев С.А. Конструктивизм научного познания и его методологии // «Журнал философских исследований». Т. 9, № 3, 2023. СС. 3–15. [Эл. ресурс]. URL: <https://naukara.ru/ru/nauka/article/70445/view>
16. Там же.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. [Эл. ресурс]. URL: https://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovani_e_realnosti_tr.pdf (Дата обращения: 05.11.2025).

18. *Шабров О.Ф.* Системный подход в политической науке // Современная политическая наука: методология. М.: «Аспект-пресс», 2019. [Эл. ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/341778620_Sistemnyj_podhod_v_politiceskoj_nauke (Дата обращения: 09.11.2025).
19. *Парсонс Т.* О социальных системах. Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: «Академический проспект», 2002 [Эл. ресурс] URL: <https://pavroz.ru/files/parson-sosistemah.pdf> (Дата обращения: 09.11.2025).
20. *Головенкин Е.Н.* Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология», № 1, 2016. СС. 48–57. [Эл. ресурс] URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9105/8556/ru_RU (Дата обращения: 09.11.2025).
21. *Истон Д.* Подход к анализу политических систем // «Вестник московского университета. Сер. 12: Политические науки», № 5, 2015. [Эл. ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-analizu-politicheskikh-sistem> (Дата обращения: 09.11.2025).
22. *Головенкин Е.Н.* Системный подход: эволюция и его применимость в современной политической теории // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология», № 1, 2016. СС. 48–57. [Эл. ресурс] URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9105/8556/ru_RU (Дата обращения: 09.11.2025).

REFERENCES

1. *Van Zanten A.* Bourdieu as education policy analyst and expert: a rich but ambiguous legacy // “Journal of Education Policy”, № 20 (6), 2005, PP. 671–686. [El. resource] URL: <https://sciencespo.hal.science/hal-01521689/file/2005-van-zanten-bourdieu-as-education-policy-analyst-and-expert.pdf> (Accessed: 12.06.2025).
2. *Dewey J.* Democracy and education. Transl. from Engl. M.: “Pedagogika-Press”, 200p. [El. resource] <https://disk.yandex.ru/i/YTsFLSttqiA3B> (Accessed: 14.12.2025).
3. *Asmolov A.* Optics of enlightenment. sociocultural perspectives. M.: “Enlightenment”, 2012. [El. resource] URL: https://asmolovpsy.ru/wp-content/uploads/2022/11/optika_prosveshheniya.pdf (Accessed: 04.12.2025).
4. *Dneprov E.* Educational policy as a subject of research // “Historical and pedagogical journal”, № 1, 2015 [El. resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-politika-kak-predmet-issledovaniya> (Accessed: 18.10.2025).
5. *Parsons T.* On Social Systems. Ed. by V. Chesnokova and S. Belanovsky. M.: “Academichesky Prospekt”, 2002. [El. resource]. URL: <https://pavroz.ru/files/parson-sosistemah.pdf> (Accessed: 09.11.2025).
6. *Easton D.* An approach to the analysis of political systems // “Moscow University Bulletin. Ser. 12: Political Science”, № 5, 2015. [El. resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-analizu-politicheskikh-sistem> (Accessed: 09.11.2025).
7. *Harutyunyan M.* Correlation of notions educational policy and public policy in the field of education // “Vestnik of RAU. Ser.: Humanities and social sciences”. Yer.: RAU, № 3 (24), 2016. P. 19.
8. Educational policy: theories and concepts, trends and development strategies / A. Mynbaeva, Sh. Taubaeva, A. Bulatbaeva, N. Anarbek. Almaty: Kazakh University, 2014, 228p. P. 15.
9. *Harutyunyan M.* Correlation of notions educational policy and public policy in the field of education // “Vestnik of RAU. Ser.: Humanities and social sciences”. Yer.: RAU, № 3 (24), 2016, P. 19.

10. *Babić N.* Constructivism, learning and teaching // “The bulletin of KSPU named after V.P. Astafyev”, № 3 (25), 2013. [El. resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstruktivizm-obuchenie-i-prepodavanie> (Accessed: 11.11.2025).
11. *Filatov V., Kasavin I., Ruzavin G., Antonovsky A.* Discussing articles on conservatism. // Epistemology & Philosophy of Science [El. resource]. URL: https://www.ResearchGate.net/publication/306264671_Obsuzdaem_statii_o_konstruktivizme (Accessed: 20.09.2025).
12. Ibid.
13. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. M.: «Medium», 1995. [El. resource]. URL: https://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovaniye_realnosti_tr.pdf (Accessed: 05.11.2025).
14. *Vasilyuk F., Zinchenko V., Meshcheryakov B., Petrovsky V., Pruzhinin B., Shchedrina T.* Methodology of Psychology: Problems and Prospects. Chap. 6: Constructivism as a Mind-set and as a Methodology. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2012. [El. resource] URL: <https://www.hse.ru/data/2012/11/12/1248282240/g6.pdf> (Accessed: 09.20.2025).
15. *Lebedev S.* Constructivism of scientific knowledge and its methodology // “Journal of Philosophical Research”. Vol. 9, № 3, 2023. PP. 3–15. [El. resource]. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/70445/view>
16. Ibid.
17. *Berger P., Luckmann T.* The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. M.: «Medium», 1995. [El. resource]. URL: https://ktpu.kpi.ua/wp-content/uploads/2014/02/0458680_BCA67_piter_berger_lukman_t_socialnoe_konstruirovaniye_realnosti_tr.pdf (Accessed: 05.11.2025).
18. *Shabrov O.* Systems approach in political science. // “Modern political science: methodology”. M.: “Aspect-press”, 2019. [El. resource] URL: https://www.researchgate.net/publication/341778620_Sistemnyj_podhod_v_politicheskoy_nauke (Accessed: 09.11.2025).
19. *Parsons T.* On Social Systems. Ed. by V. Chesnokova and S. Belanovsky. M.: “Academichesky Prospekt”, 2002. [El. resource]. URL: <https://pavroz.ru/files/parsonsosistemah.pdf> (Accessed: 09.11.2025).
20. *Golovenkin E.* Systems approach: evolution and its applicability in modern political theory // “Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Political science”, № 1, 2016. PP. 48–57. [El. resource] URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9105/8556/ru_RU (Accessed: 09.11.2025).
21. *Easton D.* An approach to the analysis of political systems // “Moscow University Bulletin. Series 12: Political Science”, № 5, 2015. [El. resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhod-k-analizu-politicheskikh-sistem> (Accessed: 09.11.2025).
22. *Golovenkin E.* Systems approach: evolution and its applicability in modern political theory // “Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Ser.: Political science”, № 1, 2016. PP. 48–57. [El. resource] URL: https://journals.rudn.ru/political-science/article/view/9105/8556/ru_RU (Accessed: 09.11.2025).

EDUCATIONAL POLICY AS AN OBJECT OF POLITICAL ANALYSIS: CONSTRUCTIVIST AND SYSTEMIC APPROACHES

M. Harutyunyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

This article examines the theoretical and methodological foundations for analyzing educational policy and public policy in the field of education. It is noted that despite the widespread use of these concepts in academic discourse, a unified and generally accepted definition is lacking, leading to methodological fragmentation in research in this area. The methodological basis of the study is a constructivist approach and systems analysis. The constructivist approach allows for the examination of educational policy as a socially constructed phenomenon. The systems approach enables the analysis of educational policy as a holistic, multi-level, and dynamic system.

Keywords: educational policy, state policy in the field of education, constructivism, systems analysis.

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-181-193

УДК 32

Поступила: 16.06.2025г.

Сдана на рецензию: 01.09.2025г.

Подписана к печати: 22.12.2025г.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

М.С. Галстян

Российско-Армянский (Славянский) университет

gasak.marine@gmail.com

ORCID: 0009-0008-5920-9489

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «дискурс» как междисциплинарный, многогранный феномен, охватывающий лингвистические, социальные, политические и философские аспекты и исследуется история возникновения и этапы становления термина «экологический дискурс». Выделяются четыре ключевые этапы эволюции общественного восприятия экологического дискурса: путь от морально-нравственного обращения к совести общества до институционализированной и политически значимой формы коммуникации. Рассматриваются виды экологического дискурса. Дано условное обозначение границ дискурса.

Ключевые слова: экологический дискурс, экологическая политика, экологические проблемы, экополитика.

Введение

Понятие «дискурс» по сей день является одним из самых многозначных научных терминов без общепризнанного определения, которое может вобрать в себя все случаи его употребления. Согласно этимологии, слово «дискурс» пришло к нам из древнегреческого языка через латынь. В древнегреческом διέξοδος (diexodos) имел широкий спектр значений: путь, проход, выход и, в переносном смысле, решение ситуации. В латыни слово discursus было связано с глаголом «бегать», и за этим понятием стоит метафора некой быстрой передачи идей и размышлений. Таким образом исходное значение слова «дискурс» исторически было связано с движением, а позже развились другие значения, такие как «речь» и «размышления». Существуют различные подходы к рассмотрению данного определения, но несмотря на значительный вклад, внесенный учеными разных областей в «дискурсивный» анализ, следует отметить, что на сегодняшний день отсутствует единое определение как самого дискурса, так и его экологической интерпретации. Однако в условиях нарастающей важности экологической повестки вопросы окружающей среды вышли за рамки интересов узко-ориентированных специалистов. Сегодня

экологические вызовы формируют новые формы общественного и политического сознания, нормативной регуляции. *Актуальность темы* обусловлена необходимостью уточнения понятийных границ экологического дискурса и обозначения его внутренней структуры.

Цель статьи – выявление ключевых подходов для определения экологического дискурса и разграничение этапов становления термина в политической науке. Для этой цели был использован повествовательный (narrative) метод обзора литературы. Источники подбирались на основе их академической значимости и релевантности тематике. Основными каналами поиска выступили академические базы данных, а также библиографии ключевых публикаций.

Основная часть

Анализ научной литературы позволяет отметить, что теория дискурса в современности образовала самостоятельную междисциплинарную сферу, отражающую тенденцию к интеграции в развитии современной науки. Перед тем, как перейти к определению экологического дискурса, мы сделаем небольшой обзор того, как зарождался и воспринимался учеными сам «дискурс». Многие исследователи относят появление этого термина к середине XX века и принято считать, что он был введен немецким лингвистом, специализирующимся на дискурс-анализе, прагматике, семиотике и теории коммуникации, З. Харрисом в 1952 году [1]. Изучая позиции ряда наук, необходимо отметить, что понятие «дискурс» поддается неоднозначной трактовке. Самое емкое, хотя и ненаучное объяснение термина было дано советским профессором филологических наук Ниной Давыдовой Арутюновой и звучит она так: «дискурс – речь, погруженная в жизнь» [2].

В лингвистике дискурс обобщенно понимается как связанный текст с экстралингвистическими факторами, такими как исторический, социальный, культурный и пр. В рамках политологии дискурс зачастую характеризует разные феномены, вследствие чего не представляется возможным выделить общепринятое определение термина. Также сложно упомянуть о единой теории дискурса. Политологи подчеркивают непростую структуру и многофункциональность дискурса. Так, например, доктор филологических наук А.П. Чудинов считает, что в интерпретацию этого термина необходимо включить совокупность всех факторов, которые влияют на восприятие речи [3]. Схожей точки зрения придерживается и нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк, который считает, что дискурс представляет собой сложное «единство языковой формы, значения и действия которого соответствуют термину «коммуникативное событие»» [4]. Более широкое понятие представлено в работах современного немецкого социолога и философа Юргена Хабермаса, взгляды которого относят и к школе неомарксизма, и к кантовской школе. В работах Ю. Хабермаса дискурс – это некая форма коммуникации, в процессе которой

происходит командная рефлексия относительно предпосылок обсуждения какого-либо вопроса, в результате которой все участники дискуссии без принуждения выберут такой тип поведения, с которым все согласятся [5].

Следует еще раз подчеркнуть, что в разных сферах термин «дискурс» раскрывается по-разному, и порой это может ввести в заблуждение участников дискурса. Также нередко бывает, что многообразие определений не только не раскрывают содержания понятия, но и могут быть несинонимичными. Исходя из того, что «нет единой позиции о том, что такое дискурс, и как его анализировать» [6], обозначим, что в этой работе автор будет придерживаться концепции, предложенной В.Е. Чернявской о том, что «дискурс» – это совокупность тематически интертекстуально соотнесенных между собой текстов и систему когнитивных, коммуникативно-прагматических целеустановок автора [7]. В связи с тем, что существуют разные позиции не только к определению дискурса в целом, но есть и различные подходы к интерпретации его экологического аспекта, в этой работе экологический дискурс будет рассматриваться как совокупность вербальных и невербальных смыслообразующих проявлений, объединенных экологической тематикой. Анализ источников позволил проследить хронологию развития и выделить четыре этапа становления этого термина.

Первый этап, по мнению автора, датируется 1960–1970 гг. и обусловлен ухудшением экологической ситуации в Соединённых Штатах Америки в этот период, что вызвало острый общественный и политический отклик. Книга «Безмолвная весна», написанная американской экокритиком Рэйчел Карсон [8] в 1962 г., впервые представила на широкое обсуждение экологические последствия промышленного развития, инициировав широкий общественный и научный интерес. Работа Рэйчел Карсон, обнажив мало освещаемые экологические проблемы, стала поворотным моментом в формировании общественного сознания. До этой работы экология была выведена в сугубо академическое поле и не входила в сферу массовой политики и гражданской активности. Автор обвинила государственные и корпоративные структуры в замалчивании рисков, поставив под сомнение технократический прогресс и обозначив новую рамку восприятия: природа – не ресурс, а объект защиты.

Десять лет спустя, в 1972 г. вопросы взаимодействия человечества и окружающего нас мира были затронуты в докладе по проекту, опубликованному группой исследователей во главе с Деннисом Медоуз [9]. В докладе с критическим названием «Пределы роста» была использована первая в истории система компьютерной модели, то есть была сделана попытка моделирования и прогнозирования будущего с помощью технологий. В своей работе ученые, приведя анализ взаимосвязи между ростом населения, индустриализацией, производством продуктов питания и загрязнением окружающей среды, обос-

новали необходимость ограничения экономического роста для предотвращения экологических катастроф. Это вызвало большой резонанс как среди промышленников, так и привело к дискуссиям на международном уровне.

Вышеуказанные две работы, сравнительный анализ которых произведен в Табл. 1, ознаменовали первый этап и заложили двойной фундамент экологического дискурса: Карсон выделила моральный и эмоциональный подтекст экологической проблемы, а Медоуз и соавторы указали на системность, требующую переосмысления глобальных моделей развития.

Таблица 1. Сравнительный анализ: «Безмолвная весна» и «Пределы роста».

Элемент анализа	«Безмолвная весна»	«Пределы роста»	Как они взаимодействуют
Фокус	Экологическая угроза на микро-уровне (пестициды, локальная природа)	Макроуровень – глобальные системы, экономика, демография	Вместе охватывают весь спектр – от локальной среды до планетарных границ
Метод	Журналистско-научный, нарративный	Моделирование, количественный прогноз	От качественного переживания к стратегическому мышлению
Цель	Пробудить совесть общества, показать вред	Предупредить о системной границе роста	Этический и прагматический вызовы власти
Влияние	Законодательные инициативы в США, движение за запрет DDT	Создание концепции устойчивого развития, повестка Римского клуба	Вместе создали политическую и научную базу для экологического дискурса

Благодаря симбиозу этих работ сформулирован фундамент для таких понятий, как устойчивое развитие, экологическая справедливость, зеленая экономика и экологическая безопасность.

Следующим этапом становления экологического дискурса как научного направления стал период 1970–1990-х годов. Он ознаменовался формированием теоретического каркаса и интеграцией экологических проблем в социально-гуманитарные дисциплины. Особенностью этого этапа стало оформление экологического дискурса как многомерной исследовательской области, способной охватывать политические, философские и лингвистические аспекты взаимодействия общества и природы.

Американский ученый Линтон К. Колдуэлл в своей работе “Environment: A Challenge for Modern Society” предложил термин «экологическая политика» и описал механизмы включения экологических факторов в систему государственного управления. Его подход стал основой для институционализации экологической ответственности на уровне национальных правительств [10].

Линтон К. Колдуэлл также является автором первого закона, касающегося экополитики: «Национальный закон об экологической политике» [11]. НЗЭП был принят в 1969 году и вступил в силу в 1970г. Он считается первым крупным законодательным актом, посвященным вопросам охраны окружающей среды на государственном уровне. До него не существовало систематического подхода к учету экологических последствий при планировании и реализации государственной политики. Принятие «Национального закона об экологической политике» стало переломным моментом, так как впервые была зафиксирована обязанность государственных органов оценивать воздействие на окружающую среду перед тем, как принимать решения о строительстве, промышленности и т. д. Как следствие в практику были выделены такие инструменты, как Оценка воздействия на окружающую среду (Environmental Impact Assessment). Этим механизмом сейчас пользуются по всему миру.

Юрген Хабермас в фундаментальной двухтомной работе «Теория коммуникативного действия» [12] разработал концепцию рациональной публичной коммуникации, применимую к экологической политике. Согласно Хабермасу, легитимная экологическая политика может быть реализована только в рамках свободного общественного обсуждения, где дискурс становится инструментом достижения общественного согласия. Эта идея легла в основу нормативного понимания экологического дискурса как средства демократического управления рисками.

Лингвист Теун А. ван Дейк в своих исследованиях ввел представление о дискурсе как «единстве языковой формы, значения и действия», что позволило использовать методы дискурс-анализа для исследования риторики, нарративов и манипулятивных стратегий в экологической политике. Его подход открыл новые возможности для изучения экологической тематики через призму языка и власти.

Завершением этого этапа стала влиятельная монография Джона С. Драйзека «Политика Земли: экологические дискурсы», где он предложил системную типологию экологических дискурсов: от реформистских, ориентированных на устойчивое развитие и корректировку текущих институтов, до радикальных, предлагающих коренное изменение экономических и культурных основ. Драйзек рассматривал дискурс как ключ к пониманию того, как различные группы интерпретируют и формируют экологическую повестку: согласно мнению профессора, экологический дискурс является методом освоения мира. Исследуя работу Джона Драйзека, можно классифицировать дискурс экологии на два вида, а именно: радикальный и реформистский (Рис. 1) [13].

Рисунок 1. Виды экологического дискурса по Дж. Драйзеку.

Реформистский экологический дискурс включает в себя устойчивое развитие и дискурс урегулирования вопросов. К примеру, совершенствование в области экологии посредством политических и экономических реформ. Радикальный экологический дискурс включает в себя дискурс сервайвализма (survivallism) и дискурс зеленого радикализма. Сервайвализм предполагает, что экономический рост и прирост населения должны находиться в одной цепочке взаимодействия экосистемы. Идея зеленого радикализма состоит в постоянном изменении политики в области промышленности и сознания человечества с целью достижения единой гармонии между людьми и природой.

Итак, можно утверждать, что с 1970-х по 1990-е годы происходило становление экологического дискурса как особой формы коммуникации, отражающей изменение общественного сознания в условиях нарастающего экологического кризиса. В этот период язык начал рассматриваться не только как средство описания окружающей среды, но и как инструмент формирования экологических ценностей и идеологий.

Третьим этапом развития термина можно считать период с 1990-х до начала 2010-х гг. На этом этапе экологическая проблематика закрепляется не только в научной и политической повестке, но и в системе образования, в медиа, культуре и законодательстве, экологический дискурс становится самостоятельной и междисциплинарной исследовательской областью. Именно в это время происходит институционализация экологического дискурса: он приобретает теоретические рамки, профессиональные сообщества, методологический инструментарий и широкую сферу применения.

Одним из важнейших достижений этого этапа стало формирование эколингвистики как отдельной научной дисциплины: ее задача – исследование взаимосвязи между языком, мышлением и экологическим сознанием. В 1996г. выходит книга Питера Мюльхауслера «Экология языка», где впервые внятно ставится вопрос о воздействии языка на экологическую практику [14]. Ученый критикует лингвистический империализм и утверждает, что сохранение языкового разнообразия связано с сохранением биоразнообразия.

В этот же период активно развивается критический дискурс-анализ, применяемый к экологической тематике. Одним из ключевых теоретиков становится Норман Фэрклоу, чьи работы «Язык и власть» [15] и «Дискурс и социальные изменения» [16] оказывают значительное влияние на гуманитарные науки. Он рассматривает дискурс как форму социальной практики и акцентирует внимание на том, как язык структурирует власть и формирует идеологию – в том числе и в экологическом контексте.

Еще одним важным вкладом стало развитие теории концептуальной метафоры, предложенной Джорджем Лейкоффом и Марком Джонсоном в книге «Методы, которыми мы живем» [17], опубликованной в 1980-ом, но приобретшей особое значение в 1990-е годы. Благодаря этому подходу стало возможным анализировать, какие образные структуры лежат в основе общественного восприятия экологических проблем. Например «война с природой», «земля как мать» и др.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов появляются исследования Аррана Стибба, который акцентирует внимание на роли нарративов и «историй, в которые мы верим» как глубинных дискурсивных структур. В своей работе «Эколингвистика» [18] он систематизирует экологический дискурс и делит его на «деструктивные» и «устойчивые» – в зависимости от их влияния на экологическое поведение и мышление общества.

Особенностью этого этапа является расширение экологического дискурса на множество сфер: он становится не только предметом научного анализа, но и инструментом политической мобилизации, образовательной реформы и культурного воздействия. В это время экологические темы проникают в школьные учебники, медиаконтент, кампании НПО и корпоративную коммуникацию. Формируются транснациональные экологические сети, такие как Greenpeace и WWF, активно использующие дискурсивные стратегии для влияния на общественное мнение.

Таким образом, этап институционализации и дифференциации экологического дискурса ознаменовался не только теоретическим укреплением, но и выходом за пределы академического поля – в массовую культуру, политику и повседневное мышление. Это время стало фундаментом для дальнейшего перехода к цифровому и активистскому этапу экологического дискурса, начиная с 2010-х годов.

Современный этап развития экологического дискурса характеризуется широким привлечением критических подходов. В журнале исследований социальной политики отмечено, что «экологический дискурс характеризуется высокой фрагментацией, где монополией на принятие решений и оценку рисков не обладают единолично ни экологи, ни политики, ни журналисты» [19]. Данное высказывание можно интерпретировать следующим образом: процедура решения задач политического уровня, касающегося вопросов по экологии, выстраивается при участии различных групп и при активном участии граждан страны. Необходимо подчеркнуть, что дискурс в области экологии создает исключительные условия для оптимального принятия решений в области политики и формирует современные подходы политизации экологического дискурса среди других видов дискурсов.

Основой практической деятельности по обеспечению экологической безопасности и защите государства и человека в целом выступает концепция, которая создается государством в области экологической политики. Утвержденные ООН цели устойчивого развития прямо указывают на необходимость и безальтернативность согласованной политики разных стран, ориентированной на поддержание природоохранного баланса. В концепции экополитики выделяются цели, задачи, принципы и стратегические направления экологической политики с учетом национально-государственных интересов. В то же время все большую популярность набирают так называемые «зеленые» движения, выходящие за рамки одной страны. По утверждению французского философа-постмодерниста Жана Бодрийяра, экологические движения преимущественно поддерживаются со стороны крупных корпораций с целью их контроля и косвенного использования на своих условиях [20]. Схожей позиции придерживается и армянский политог Ваге Давтян: «...активность (промышленных компаний) в “зеленом сегменте” зачастую позволяет им сбрасывать часть своего налогового бремени, для чего в некоторых европейских странах уже введены так называемые “зеленые сертификаты”» [21]. Здесь важно обозначить границы дискурса и проследить, когда дискурс переходит в полемику. Дискурс и полемика явно отличаются друг от друга целью, результатом, формой подачи, отношением к оппоненту. Важно отметить, что часто встречается и переходная зона, когда под сомнение ставятся базовые понятия и нормы дискурса. На примере Амулсарских протестов в Армении можно привести три сценария:

- дискурс: эксперты обсуждают, как реализовать проект с минимальным экологическим ущербом;
- переходная зона: жители Джермука под руководством экологов ставят под сомнение легитимность проекта;
- полемика: эмоциональные лозунги по типу: «Государство нас убивает», «Правительство обкрадывает народ».

Особую роль сегодня играет экологический дискурс в глобальной политике, проявляясь в международных экологических договорах и инициативах, таких как Парижское соглашение по климату, принятое 12 декабря 2015г., Глобальный метановый пакт 2021г., Коалиция финансовых лидеров за углеродную нейтральность 2023г. и др.

Согласно исследованиям А.В. Зайцевой, «экологический дискурс» является непростым коммуникативно-речевым процессом, представляющим из себя тип социальной коммуникации. В базе такой коммуникации находится «речемыслительная деятельность людей, в конкретном историко-культурологическом контексте» предметом которой является экология, окружающая среда, ее защита и безопасность [22]. Отсюда следует, что целью экологического дискурса выступает закрепление общих регламентов и норм по взаимодействию людей с экологией.

Подобной точки зрения к определению экологического дискурса придерживается и Е.В. Иванова. «Экологический дискурс», по ее мнению, – это единство письменных и устных текстов, вне зависимости от функциональных жанров и стилей предметов которых являются дискуссии на экологические темы [23].

Е.А. Сухоруков в своей работе раскрывает понятие экологического сознания [24]. По его мнению, «экологическое сознание» – это такая форма социального сознания, которая находится в стадии образования, включая в себя комплекс идей, взглядов, доводов, мотиваций, которые отражают экологическую сторону социального существования. А именно: практику реальных отношений человека с окружающей средой, включая принципы такого поведения, которое окажет рациональное влияние в цепочке «общество-природа» [25].

Необходимо заметить, что глобальная нынешняя экологическая повестка включает различные согласованные на международном уровне цели, охватывающие различные социальные и экологические проблемы. Например, изменение климата, сохранение биоразнообразия, экономическое сотрудничество, миграцию и, совсем недавно, реагирование на пандемию. Почти каждая страна, неправительственная организация и крупная корпорация участвуют в инициативах, направленных на достижение одной или нескольких из этих политических целей. Однако способность человечества предоставить своевременные и точные научные данные для решения этих проблем остается ограниченной.

Для эффективного решения глобальных экологических проблем требуется беспрецедентная интеграция и синтез фактических данных, включая данные и модели, созданные научным сообществом, традиционные знания и исследования заинтересованных сторон [26].

Заключение

Таким образом, существуют разные позиции и различные подходы определения «экологический дискурс». Однако можно суммировать, что экологический дискурс – это совокупность представлений, концепций и дискуссий, которые формируют общественное восприятие и интерпретацию экологических проблем и вопросов. В этой работе автор дал определение экологического дискурса как совокупность вербальных и невербальных смыслообразующих проявлений, объединенные экологической тематикой. Анализ источников позволил проследить хронологию развития и выделить четыре этапа становления этого термина.

Этот дискурс включает в себя не только научные данные и экологическую теорию, но и социокультурные, политические, экономические и этические аспекты взаимодействия человека с окружающей средой. Экологический дискурс может быть представлен в различных формах: от научных публикаций до массовых медиа, художественных произведений и повседневных разговоров. На протяжении последних шести десятилетий экологический дискурс прошел путь от морально-нравственного обращения к совести общества до институционализированной и политически значимой формы коммуникации. Хронологию становления термина автор разделил на 4 ключевых этапа:

1960–1970гг. Заложен двойной фундамент экологического дискурса и сформирована новая рамка восприятия природы не как ресурса, а как объекта защиты. Впервые были поставлены под сомнение последствия технократического прогресса, а государства и корпорации были обвинены в замалчивании экологических рисков.

1970–1990гг. Формирование теоретического каркаса и интеграция экологических проблем в социально-гуманитарные дисциплины. Особенностью этого этапа стало оформление экологического дискурса как многомерной исследовательской области, способной охватывать политические, философские и лингвистические аспекты взаимодействия общества и природы.

1990–2010-е гг. Институционализация и дифференциация. Параллельно с укреплением теоретической базы экологический дискурс выходит за пределы академического поля: в массовую культуру, политику и повседневное мышление.

С 2010-х гг. – по настоящее время. Цифровизация и политизация экологического дискурса, развитие активистских движений. Особая роль экологического дискурса в глобальной политике и повестке международных отношений.

Важно отметить, что современный экологический дискурс не нейтрален, он отражает интересы, ценности и видения авторов, что приводит к частому конфликту понятий. Сегодня в равной степени доминируют и реформистские и радикальные формы экологического дискурса. Основанные на принципах устойчивого развития, включения экологических целей в корпоративную и

государственную повестку находят поддержку у международных организаций, корпораций и правительств. Вместе с тем, развиваются и экоанархистские направления в рамках активистских движений, напоминая о структурных причинах экологического кризиса и ограниченности реформаторского подхода. В перспективе дальнейших исследований представляется важным анализировать экологический дискурс в новых форматах: цифровых медиа, образовательных программах, культурной продукции, а также в законодательных актах на региональных и государственных уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Harris Z. Discourse Analysis. Linguistic Society of America. Vol. 28, № 1, 1952. PP. 1–30.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Языкознание: Лингвистический энциклопедический словарь (гл. ред. В.Н. Ярцева, 1-е изд.). М.: «Большая российская энциклопедия», 1990. СС. 136–137.
3. Чудинов А.П., Будаев Э.В. Этапы развития зарубежной политической лингвистики // «Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-zarubezhnoy-politicheskoy-lingvistiki> (Дата обращения 02.07.2022).
4. Дейк ван Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Изд-во «Стереотип», 2022. С. 212.
5. Habermas J. Ideal Speech Situation. Cambridge Habermas Lexicon. Cambridge: “Cambridge University Press”, 2019. С. 182.
6. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2004. С. 12.
7. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса: уч. пособие, 4-ое изд. М.: «Флинта», 2016. С. 203.
8. Carson R. Silent Spring. Boston: “Houghton Mifflin”, 1962.
9. Meadows D., Meadows D., Randers J., Behrens W. III. The Limits to Growth. New York: “Universe Books”, 1972.
10. Caldwell L. Environment: A Challenge for Modern Society. New York: “Natural History Press”, 1970.
11. Каранда А.В. Экологическая политика: понятие, виды, принципы // «Молодой ученый», № 3 (293), 2020. СС. 352–354. URL: <https://moluch.ru/archive/293/66514/> (Дата обращения: 25.03.2025).
12. Habermas J. The Theory of Communicative Action: In 2 vols. Cambridge: “Polity Press”, 1987–1991.
13. Dryzek J. The Politics of the Earth. 4th edition. Oxford: “Oxford University Press”, 2021. P. 328.
14. Mühlhäusler P. Linguistic ecology: Language change and linguistic imperialism in the Pacific region. London: “Routledge”, 1996.
15. Fairclough N. Language and Power. London: “Longman”, 1989.
16. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: “Polity Press”, 1992.
17. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago: “University of Chicago Press”, 1980.

18. *Stibbe A.* Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. NY: "Routledge", 2015.
19. *Бычкова О., Либерская Е.* Экологический дискурс в современном обществе: между наукой, политикой и медиа. Социология власти. Т. 30. № 3, 2018. СС. 42–66.
20. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М.: «Добросвет», 2000. С. 258.
21. *Давтян В.С.* Почему нефтегазовые монополии финансируют «зеленую» энергетику https://realtribune.ru/news-economics-1493/?utm_source=chatgpt.com (Дата обращения 18.03.2025).
22. *Зайцева А.В.* Типология текстов экологического дискурса ФРГ: автореф. дис. канд. филол. наук. Смоленск, 2017. С. 25.
23. *Иванова Е.* Лингвокогнитивное моделирование экологического дискурса, М.: «ФЛИНТА»: «Наука», 2017. С. 176.
24. *Сухоруков Е.А.* Современная немецкая сказка как инструмент формирования экологического сознания: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 2017. С. 28.
25. Там же.
26. Европейская комиссия. 2020. COM (2020) 67 final: Формирование цифрового будущего Европы. https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_0.pdf (Дата обращения: 18.03.2025г.).

REFERENCES

1. *Harris Z.* Discourse Analysis // "Linguistic Society of America". Vol. 28, № 1, 1952. PP. 1–30.
2. *Arutyunova N.* Discourse. Linguistics: Linguistic Encyclopedic Dictionary (ed. by V. N. Yartseva, 1st ed.). Moscow: "Great Russian Encyclopedia", 1990. PP. 136–137 (In Russian).
3. *Chudinov A., Budaev E.* Stages of Development of Foreign Political Linguistics. Bulletin of SUSU. Series: Linguistics, 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-razvitiya-zarubezhnoy-politicheskoy-lingvistiki> (accessed: 02.07.2022) (In Russian).
4. *Van Dijk T.A.* Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication. Moscow: "Stereotype Publishing", 2022. P. 212 (In Russian).
5. *Habermas J.* Ideal Speech Situation. Cambridge Habermas Lexicon, 2019. P. 182.
6. *Phillips L., Jørgensen M.* Discourse Analysis: Theory and Method. Kharkiv: "Humanitarian Center Publishing", 2004. P. 12.
7. *Chernyavskaya V.* Text Linguistics. Discourse Linguistics: A Textbook, 4th ed. Moscow: "Flinta", 2016. P. 203 (In Russian).
8. *Carson R.* Silent Spring. Boston: "Houghton Mifflin", 1962.
9. *Meadows D., Meadows D., Randers J., Behrens W. W. III.* The Limits to Growth. New York: "Universe Books", 1972.
10. *Caldwell L.* Environment: A Challenge for Modern Society. New York: "Natural History Press", 1970.
11. *Karanda A.* Environmental Policy: Concept, Types, Principles. "Young Scientist", № 3 (293), 2020. PP. 352–354. URL: <https://moluch.ru/archive/293/66514/> (accessed: 25.03.2025) (In Russian).
12. *Habermas J.* The Theory of Communicative Action: In 2 vols. Cambridge: "Polity Press", 1987–1991.
13. *Dryzek J.* The Politics of the Earth, 4th ed. "Oxford University Press", 2021. P. 328.

14. *Mühlhäusler P.* Linguistic Ecology: Language Change and Linguistic Imperialism in the Pacific Region. London: "Routledge", 1996.
15. *Fairclough N.* Language and Power. "Longman", 1989.
16. *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Cambridge: "Polity Press", 1992.
17. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: "University of Chicago Press", 1980.
18. *Stibbe A.* Ecolinguistics: Language, Ecology and the Stories We Live By. London, New York: "Routledge", 2015.
19. *Bychkova O., Liberskaya E.* Environmental Discourse in Modern Society: Between Science, Politics, and Media. *Sociology of Power*, 2018, Vol. 30, № 3. PP. 42–66 (In Russian).
20. *Baudrillard J.* The Transparency of Evil. Moscow: "Dobrosvet", 2000. P. 258 (In Russian).
21. *Davtyan V.* Why Oil and Gas Monopolies Fund "Green" Energy. URL: <https://realtribune.ru/news-economics-1493/> (accessed: 18.03.2025) (In Russian).
22. *Zaitseva A.* Typology of Texts in the Environmental Discourse of Germany: Abstract of PhD Thesis in Philology. Smolensk, 2017. P. 25 (In Russian).
23. *Ivanova E.* Linguocognitive Modeling of Environmental Discourse. Moscow: "Flinta"/"Nauka", 2017. P. 176 (In Russian).
24. *Sukhorukov E.* The Modern German Fairy Tale as a Tool for Shaping Ecological Consciousness: Abstract of PhD Thesis in Philology. Moscow, 2017. P. 28 (In Russian).
25. Ibid.
26. European Commission. 2020. COM (2020) 67 final: Shaping Europe's Digital Future. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-shaping-europes-digital-future-feb2020_en_0.pdf (accessed: 18.03.2025) (In Russian).

ENVIRONMENTAL DISCOURSE: ORIGINS AND STAGES OF DEVELOPMENT

M. Galstyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

This article examines the concept of "discourse" as an interdisciplinary, multifaceted phenomenon encompassing linguistic, social, political, and philosophical aspects. It also explores the history and development of the term "environmental discourse". Four key stages in the evolution of public perception of environmental discourse are identified: the path from a moral appeal to the conscience of society to an institutionalized and politically significant form of communication. The types of environmental discourse are examined. A provisional definition of the boundaries of discourse is provided.

Keywords: ecological discourse, environmental policy, environmental issues, ecopolitics.

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.24412/1829-0450-2025-4-194-206

Поступила: 31.08.2025г.

УДК 8

Сдана на рецензию: 13.09.2025г.

Подписана к печати: 26.10.2025г.

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ В РАУ (ОСОБЕННОСТИ, МЕТОДЫ И ТРУДНОСТИ)¹***Н.М. Искандарян****Российско-Армянский (Славянский) университет**naira.iskandaryan@rau.am**ORCID: 0000-0002-7914-7966***АННОТАЦИЯ**

В данной статье речь идет о том, что преподавание сегодня иностранных языков, в том числе армянского, рассматривается в контексте межкультурной коммуникации. Преподавание армянского языка русскоязычным студентам – одновременно, и интересная, и сложная задача. Одним из главных приоритетов преподавания армянского языка как иностранного является применение сравнительного подхода и эффективное преодоление языковых трудностей, что подразумевает сочетание родного и изучаемого языков.

Для более эффективного усвоения материала важно использовать различные методы обучения: лекции, видео, аудиозаписи, онлайн-ресурсы, приложения для изучения языка, а также самостоятельную работу с упражнениями. При этом необходимо учитывать особенности «клипового мышления» современных студентов: им необходимо постоянное обновление информации, разнообразие видов деятельности и творческий подход.

Для этого полезно организовывать задания в определенной последовательности, использовать активные методы обучения и включать наглядные материалы, такие как рисунки, схемы, таблицы, видео и онлайн-приложения. Курс рассчитан на три семестра. Опыт показывает, что при работе с такой группой обучающихся важно развивать не только языковые навыки и навыки чтения, но и навыки межкультурного общения.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, армянский язык, русскоязычные студенты, межкультурная коммуникация, языковые трудности, сопоставительный подход, межкультурный контекст.

¹ Статья подготовлена на основе доклада, представленного на Международной научной конференции «Россия – Армения: диалог культур» 18–19 апреля 2025г, Москва.

Изучение армянского языка русскоязычными студентами представляет собой одновременно увлекательную и сложную задачу. Несмотря на глубокие исторические и культурные связи между Арменией и русскоязычными странами, различия в языковых структурах порождают ряд трудностей при изучении. Настоящий доклад направлен на анализ ключевых особенностей армянского языка, методов его преподавания, а также на выявление основных проблем, с которыми сталкиваются студенты, и путей их преодоления.

Одной из приоритетных задач преподавания является эффективное преодоление языковых барьеров с использованием компаративного подхода, предполагающего сопоставление родного и изучаемого языков. В Российско-Армянском университете преподавание армянского языка как иностранного для русскоязычных студентов осуществляется более двадцати лет. В современных условиях преподавание армянского языка рассматривается не только в контексте межкультурной коммуникации, но и в рамках обязательного образования. Закон Республики Армения «О языке» (1993) гласит, что армянский язык признан государственным и должен использоваться во всех сферах жизни, включая образование. В соответствии с этим положением, обучение и воспитательный процесс во всех образовательных учреждениях страны осуществляется на армянском языке, а его изучение является обязательным компонентом учебной программы. В РАУ курс армянского языка рассчитан на три семестра.

Практика преподавания показывает, что успешное овладение армянским языком тесно связано с формированием у студентов языковых и культурных компетенций, а также навыков читательской грамотности. Умение воспринимать, анализировать и интерпретировать различные типы текстов способствует не только усвоению языка, но и успешной социальной адаптации обучающихся в армяноязычной среде. В этих условиях особую актуальность приобретают **компаративные** методы обучения, требующие выявления и описания лингвистических закономерностей армянского языка. Армянский язык, принадлежащий к обособленной ветви индоевропейской языковой семьи, существенно отличается от русского, что подчеркивает необходимость применения специальных подходов в преподавании. Наиболее значительные различия касаются следующих аспектов.

1. **Фонетика и произношение:** армянский алфавит включает 39 букв, многие из которых не имеют аналогов в русском языке. Особую сложность представляют звуки, такие как гласный «*ր*», а также несколько согласных звуков «*թ*, «*փ*, «*ք*», «*ձ*, «*ծ*, «*ճ*» и др.

2. **Грамматическая структура:** в армянском языке отсутствует категория рода, существует система из семи падежей и разнообразных форм спряжения глаголов, что требует тщательного усвоения.

3. Лексика: несмотря на определенное количество заимствований, **базовая лексика** армянского языка сильно отличается от русской, что усложняет запоминание слов и их активное использование в повседневной речи.

Указанные особенности предъявляют высокие требования к преподавателям и требуют гибкости в выборе методических средств. Использование сопоставительного анализа, визуальных и интерактивных материалов, а также элементов культурологического подхода позволяет повысить мотивацию студентов и обеспечить формирование устойчивых языковых навыков. Таким образом, преподавание армянского языка как иностранного должно учитывать лингвистическую специфику, социокультурный контекст и психолого-педагогические особенности целевой аудитории. «При изучении иностранного языка необходимо сопоставление систем родного и изучаемого языков в области фонетики, лексики и грамматики, что дает единица коммуникации» [1]. Для эффективного восприятия нового материала студентами важно использовать разнообразные методы подачи информации: *презентации, видео- и аудиофрагменты, объяснения преподавателя, а также самостоятельную работу с материалом через упражнения*. При этом необходимо учитывать особенности **клипового мышления** современных студентов: им важно постоянное обновление информации, смена видов деятельности и творческий подход. Для этого полезно чередовать задания, использовать активные методы работы и визуальные материалы. В преподавании армянского языка для русскоязычных студентов используется несколько методических подходов, каждый из которых вносит свой вклад в процесс освоения языка. Рассмотрим некоторые из них.

1. Коммуникативный подход. Акцент на активной разговорной практике, где особое внимание уделяется реальным повседневным ситуациям, в которых студенты могут применить полученные знания. Пример: *Բարի օր, նից եւ:* *Բնի լիւ-լիւ* (на армянском и русском языках). Это помогает студентам быстрее освоить основные фразы и выражения, используемые в повседневной жизни.

2. Компаративный анализ. Сравнение элементов двух языков (русского и армянского) позволяет студентам понять и быстрее адаптироваться к новым конструкциям и особенностям грамматики.

3. Мультимодальный подход. Использование аудио, видеоматериалов, диалогов и практических упражнений делает процесс обучения более эффективным, способствуя лучшему восприятию материала.

4. Интерактивные занятия. Ролевые игры, диалоги и групповые проекты так же способствуют развитию практических навыков и повышают мотивацию студентов к обучению.

5. Онлайн-ресурсы и приложения. Платформы для изучения иностранных языков, такие как **Duolingo**, **LingoHut**, **AYOlingo** и другие, играют важную роль в закреплении новых слов и фраз, а также в поддержании интереса к изучению языка.

Использование сочетания этих методов позволяет сделать изучение армянского языка увлекательным и доступным процессом, преодолевая языковые барьеры и способствуя активному развитию коммуникативных навыков студентов. Чтение – важный этап в обучении армянскому языку, который способствует расширению словарного запаса и углублению знаний грамматики. Использование адаптированных классических армянских произведений способствует приобщению студентов к армянской литературе и фольклору, а также развивает навыки чтения. Этот этап, как правило, приходится на третий, завершающий семестр обучения, когда студенты уже обладают базовыми знаниями языка и готовы перейти к более сложным материалам. Студенты знакомятся с культурой и традициями Армении через литературные и публицистические адаптированные тексты (например: Շ. Մարտիրոսի, «Հայր և հայր», Գ. Էմին, «Զգույշ խնդիր Հայաստանում», Ե. Չարենց «Ինչքան որ հոյս կա իմ արևմտ...», «Տրնդեզ», «Վարդապետ» и т.д.). Работа с текстами стимулирует развитие навыков пересказа, обсуждения и аргументированного высказывания. Основной задачей является не только обучение **литературному произношению, чтению, пониманию и умению вести беседу на широкий спектр тем**, но и приобщение студентов к самостоятельному чтению классических армянских произведений, а также современных текстов различных жанров. Опыт преподавания показывает, что знакомство с классическими образцами ускоряет и стимулирует процесс обучения, включая «механическую» сторону [2], как, например, заучивание стихотворений и фраз. Новые слова и выражения усваиваются в контексте реальных текстов, что позволяет студентам активно обогащать свою лексику.

Для более эффективного обучения необходимо выстроить оптимальную методическую систему, которая будет базироваться на сопоставительном анализе русского и армянского языков. Важно выявить лингвистические явления армянского языка, которые совпадают с русским языком, а также те, которые являются уникальными и не имеют аналогов в русском. Это позволит студентам осознать отличия и схожести между языками, что способствует более глубокому пониманию и усвоению материала. Как отмечал Л.В. Щерба, «...единственный путь, который в какой-то мере может гарантировать обучающимся ... активное владение тем или другим иностранным языком от опасностей смешанного двуязычия, – это путь сознательного отталкивания от родного языка: учащиеся должны изучать всякое новое более трудное явление иностранного языка, сравнивая его с соответствующим по значению явлением родного языка» [3]. Поэтому все особенности армянского

языка должны восприниматься студентами не бессознательно, а сознательно, через сопоставление с родным языком.

Основные трудности, с которыми сталкиваются студенты

Наш многолетний опыт преподавания армянского языка в русскоязычной аудитории выявил несколько ключевых трудностей.

1. Типы языков

Армянский и русский языки принадлежат к разным типам языков: русский – флективный, армянский — агглютинативный. Это различие часто вызывает трудности в восприятии и построении предложений.

2. Языковая интерференция

Из-за того, что языковое мышление у русскоязычных студентов ориентировано на русскую языковую систему, они сталкиваются с интерференцией – влиянием родного языка на освоение армянского.

3. Фонетические трудности

В армянском языке существует больше звуков, чем в русском, что делает фонетическую сторону изучения особенно сложной. Это требует постепенного представления звуков через сопоставление с русской фонетикой, а иногда и прибегать к фонетике других языков (английский, французский).

В Российско-Армянском университете в качестве учебного пособия мы используем учебник д.п.н. Аиды Маркосян «Крунк Айастан» [4]. Обучение армянскому языку начинается с **вводно-фонетического** курса. Освоение произносительных навыков начинается с фонетических упражнений, в ходе которых учащиеся тренируются в правильном произнесении звуков армянского языка. Особое внимание уделяется тем звукам, которые характерны для армянского языка, но отсутствуют в русском. Для этого используются аудиоматериалы, включённые в учебник. На начальных этапах обучение может столкнуться с психологическим барьером, связанным с освоением нового алфавита. Чтобы помочь преодолеть этот барьер, на первых уроках для письма и чтения преподаватель использует имена собственные и слова, которые схожи или идентичны в армянском и русском языках. Это помогает студентам быстрее адаптироваться и уверенно работать с армянскими буквами.

Богатство и сложность звукового строя армянского языка диктует целесообразность его постепенного представления (через сопоставление с фонетикой русского языка, а также, в отдельных случаях, через сравнение с другими языками), закрепления чтением отдельных слов, словосочетаний, фраз. Данный подход позволяет не только освоить фонетику, но и создать прочную основу для дальнейшего изучения грамматики и лексики армянского языка. Поскольку во вводно-фонетическом курсе, начиная с первого урока, даются также элементарные сведения о грамматической структуре армянского языка, с самого начала вводится минимальный лексический материал. Изучающему армянский язык посредством русского необходимо знать, что он начинает не

на голом месте. Приступая к изучению, он имеет в своем распоряжении значительное количество общих с русским языком слов, облегчающих освоение армянского. Можно выделить некоторые основные слои подобных слов.

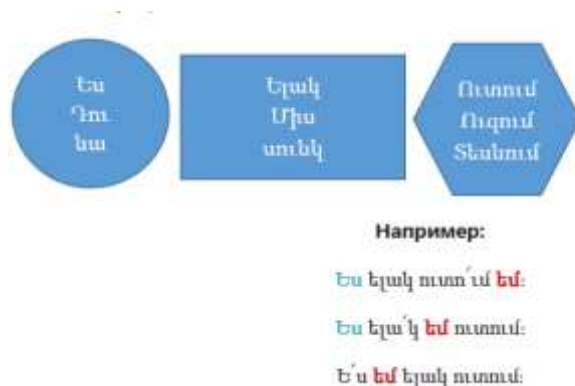
Первым слоем общей армяно-русской лексики является общее индоевропейское наследие. Правда, во многих случаях генетическую общность слов можно выявить только посредством тщательного лингвистического анализа, но в остальных случаях эта общность очевидна сама собою. Например: *мать* – *майр* (*մայր*), *дочь-дустр* (*դուստր*), *уж* – *иж* (*իժ*), *змея, гадюка*; *мясо* – *мис* (*միս*), *жила* – *джил* (*ջիլ*), *голова* – *глух* (*գլուխ*), *очи* – *ачк'* (*աչք*), *сердце* – *сирт* (*սիրտ*), *умереть* – *мернел* (*մեռնել*), *лакать* – *лакел* (*լակել*), *лизать* – *лизел* (*լիզել*), *месяц* – *амис* (*ամիս*), *смуглый* – *муг* (*մուգ*), *он, она* – *на* (*նա*), *сей* – *са* (*սա*) и т.д.

Второй слой общей армяно-русской лексики образуют обоюдные заимствования (экзотизмы): борщ, булка (мн. ч. булки), дума, килька, кисель, копейка (копек), квас, молокан, пряник, чугу́н, лаваш, хаш, хоровач, хашлама, гата, ариса и др. Богатство лексики требует специальных способов ее усвоения: **группируются близкие по звучанию или значению** [5], относящиеся к одной тематической группе, слова. Например: երբ (когда) – երբեմն (иногда) – երբեք (никогда), օր (день) – օրս (сегодня) – օրեքս (полдень), օդ (воздух) – օդաչու (пилот) – օդանավ (самолет)

Самобытность словообразовательной системы, обилие сложных и производных слов, диктует необходимость их **гнездового представления**, так как легче усваиваются взаимосвязанные языковые элементы. Например: *учить* – *սովորել* (учиться) – *սովորական* (обычный) – *սովորաբար* (обычно), *гость* – *հյուր* (гостеприимный), *шутка* – *լիպիկ* (шутка) – *լիպիկապահ* (шутник).

В каждом уроке приводятся словосочетания с новыми словами. Переводя на русский, мы часто ориентируемся не на правильность русской речи, а на **близость к структуре армянской фразы**. В ряде случаев мы не следуем принятому в русском языке порядку слов, так как **симметричность фраз** облегчит восприятие обучающихся. Таким образом, обучающийся избавляется от дополнительных трудностей, обусловленных несимметричностью языков на различных уровнях. Например: **Արմենի տունը** – **Армена** дом (дом Армена), **աշակերտի տունը** – **ученика** тетрадь (тетрадь ученика).

Порядок слов в армянском предложении относительно свободный. Логически важный компонент высказывания притягивает к себе вспомогательный глагол и выделяется интонационно.

«При обучении устной речи имеет большое значение произношение. При этом не только для умения понятно говорить, но и для умения понимать говоримое. Нужно научиться не только произносить, но и слышать иностранные звуки. Часто случается, что человек, умеющий сравнительно прилично говорить, попадая в иностранную среду, ничего не понимает; это потому, что он не умеет слушать иностранную речь: он не знает, как деформируются звуки данного языка в быстрой речи (а в каждом языке они деформируются по-своему)» [6]. Обучение **диалогической речи** – важный этап в развитии говорения. В самом начале занятия необходимо познакомить обучающихся с новой лексикой, которая встретится в текстах диалогов и речевых ситуациях. Следующий этап занятия – работа над **речевыми образцами**.

- Բարի օր: (Добрый день.)
- Բարև: (Привет.)
- Ոնց ե՞ս: (Как ты?)
- Լավ, շնորհակալություն: Դու՞նց ես: (Хорошо, спасибо. А ты как?)
- Ես էլ եմ լավ, մերիկ: (Я тоже хорошо, спасибо.)
- Ի՞նչ կա –չկա: (Как дела? Что нового?)
- Բան չկա, սովորականի պես: Իսկ քեզ մոտ: (Ничего, как обычно. А у тебя?)
- Ինձ մոտ էլ նույնը: (У меня так же.)

Третий этап – чтение диалога по ролям. Таким образом происходит усвоение языкового материала диалога, усвоение способов **связи реплик** в диалоге и воспроизведение диалога. Далее следует работа над расширением возможностей диалога-образца за счет изменения компонентов ситуации. Студенты получают задание, в котором нужно восстановить реплики диалога. Например:

Задайте вопрос для приведенных ответов [7]. Образец: –... եր մեկնում: – Առավոտյան: → – Ե՞րբ եր մեկնում: – Առավոտյան: –... եր մեկնում: – Երեկոյան:

—... եր մեկնում: – Ժամը իննին:

—... եր մեկնում: – Այո, մենք:

Итак, в процессе выполнения предложенных заданий у студентов формируются **умения**: запрашивать информацию, адекватно реагировать на реплику собеседника, **употреблять штампы** диалогической речи, комбинировать реплики при построении диалога, строить диалоги самостоятельно.

Сложности при обучении армянскому языку

Одной из значительных трудностей в преподавании армянского языка является **различие между современной литературной нормой и живым разговорным языком**. Долгое время армянский язык был «домашним» языком образованных людей, а литература, публицистика и журналистика часто использовали слова и выражения, которые могут быть устаревшими, или принадлежат официальной речи, а также включать элементы западноармянского языка. Эта неоднородность в лексической палитре создает дополнительные сложности для студентов, изучающих армянский язык.

Существенную сложность в процессе овладения армянским языком представляет явление языковой (лингвистической) интерференции, являющееся одной из наиболее распространенных причин возникновения различных проблем в речевой деятельности обучающихся, «таких как *акцент, искажение смысла высказывания, семантические ошибки и непонимание текста коммуникативным партнером*» [8]. Различия между армянским и русским языками проявляются на различных уровнях и становятся причиной трудностей при изучении армянского языка. В современной научной литературе чаще всего рассматривают интерференцию на **фонетическом, грамматическом, лексическом и семантическом** уровнях. «Проблема интерференции достаточно сложна, она окончательно не изучена и не решена. В лингвистике появление термина «интерференция» связывают с деятельностью Пражского лингвистического кружка» [9]. Фонетическая интерференция проявляется, когда обучающийся ассоциирует фонемы изучаемого языка с фонемами родного языка, что приводит к появлению акцента и отклонениям от произносительных норм целевого языка. Например, смягчение звука [т] перед гласным [и] в армянском. Грамматическая интерференция включает в себя морфологическую, синтаксическую и пунктуационную составляющие. Рассмотрим некоторые сложности, с которыми сталкиваются студенты на **фонетическом и лексическом** уровнях.

1. Ошибки при постановке ударения: в армянском языке ударение фиксированное – на гласном последнего слога в слове, в то время как в русском языке оно динамичное, разноместное и имеет смысловозначительную функцию («за́мок» и «замо́к»). Например: **Մատիտ** (матит) – карандаш, **մատանի** (матани) – кольцо.

2. В русском языке существует явление редукции гласных в безударных позициях, что делает гласные более слабыми. В армянском языке такого явления нет – все гласные произносятся четко, независимо от ударения. Например, слово **բոլորը** (все) звучит без изменений, в то время как в русском безударный звук подвергается редукции (Москва=Маскв^а). В армянском языке фонема [o] всегда выступает в роли только [o]. (арм. **բոլորը** (все), рус. **բոլորը** (балоры)).

3. В армянском языке есть звуки, которых нет в русском. Например, звук [ɾ]. Но напоминание студентам о том, что в словах *рубль, да ладно, храбр* слышится призвук, очень похожий на [ɾ], становится намного легче.

4. Для современного армянского языка характерно отсутствие корреляции согласных по мягкости и твердости, что является значительным отличием от русского языка. В армянском языке согласные произносятся твердо, однако под влиянием русского языка могут возникать случаи смягчения армянских согласных, таких как [m], [n], [l]. Это может создавать дополнительные трудности в усвоении правильного произношения армянских звуков, так как студенты, привыкшие к мягким согласным в русском языке, могут перенести эту особенность в армянский. Такие расхождения в фонетических системах языков требуют внимательного подхода к обучению, с акцентом на правильное произношение и корректировку ошибок, связанных с мягкостью и твердостью согласных.

5. Грамматическая категория рода. Еще одной особенностью армянского языка является отсутствие у существительных грамматической категории рода, которая выражена в русском языке. В армянском языке род может выражаться, но с помощью суффикса **-ուհի** [-uhi], добавляемого к слову, чтобы обозначить женский род. Например: *բժիշկ* (врач) → *բժշկուհի* (врач – женщина), *ուսուցիչ* (учитель) → *ուսուցչուհի* (учительница).

6. Вопросительный знак. В армянском языке вопросительный знак «?» ставится **над ударным гласным** в слове, на котором падает логическое ударение. Это помогает ясно выразить, какой именно элемент в предложении является объектом вопроса. Например:

- *Այդպիսի ծիրանի ծառ կա՞նք* – «**Есть ли** абрикосовое дерево в саду?» (ударение на слове «**есть**»).
- *Այդպիսի ծիրանի ծառ կա՞նք* – «**Есть ли в саду** абрикосовое дерево?» (ударение на слове «**в саду**»).

Такой подход позволяет точнее выражать смысл вопроса и помогает избежать недоразумений.

7. Использование формы единственного числа вместо множественного: интересной особенностью армянского языка является использование формы **единственного числа**, даже когда речь идет о множестве предметов, если из контекста понятно, что речь идет о нескольких объектах. Например: *Նա*

ծիրսի շատ է սիրում – «Он очень любит **абрикосы**» (вместо «абрикосы» используется форма ед. ч. «абрикос»).

8. Произношение специфических армянских звуков: армянский язык содержит специфические звуки, такие как **ծ** и **ճ**, которые могут быть для русскоязычных студентов трудными для произношения. Для правильного освоения этих звуков полезно использовать скороговорки и аудио материалы, чтобы улучшить произношение. Например: *Ծիրնը ծառին ծւխում է, ծիւ, ծիւ, ծիւ...*

9. Давнопрошедшее время: в армянском языке существует категория **давнoproшедшего времени**, которое обозначает действия, результаты которых очевидны или воспринимаются как завершенные в момент говорения. Это время отличается от прошедшего совершенного времени, так как в давнопрошедшем времени используется вспомогательный глагол. Например: *Եւ տեսիւ, որ Աշոտը նստիւի թղթեց* – «Я увидел, что Ашот принес письмо». *Եւ մոռացեալ եմ գրիչ բերել* – «Я забыл принести ручку».

10. Сопоставление как общенаучный метод обучения языку является одним из условий результативности обучения армянского языка как иностранного. В случаях, когда невозможно прямое типологическое сопоставление с русским, полезно обращаться к материалам других языков, таких как **английский**, для пояснения трудных грамматических конструкций. Например, армянский глагол «իմեմ» (быть) может быть объяснен через аналогию с английским:

- Եւ եմ I am
- Դու ես You are
- Նա է He / She is
- Մենք ենք We are
- Դուք եք You are
- Նրանք են They are

Таким образом, указанные расхождения, которые, как уже видно, проявляются на всех уровнях языка и порождают закономерные трудности при обучении армянскому языку. Процесс овладения иностранным языком требует не ограничиваться заучиванием лексики и грамматических норм, а осваивать целостную языковую систему, устанавливая параллели между родным и изучаемым языком. Что касается интерференции, независимо от того, где проявляется ее влияние и насколько сильно она искажает смысл, для изучающих иностранный язык всегда стоит первостепенная задача – **минимизировать ее воздействие**. Полностью избавиться от интерференции, к сожалению, невозможно. Комплексный подход к обучению армянского языка дает возможность не только языковой адаптации, но и полноценному участию студентов в академической и общественной жизни армяноязычного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казаева Л.И. Родной язык в процессе обучения иностранному // «Вестник Югорского государственного университета». Вып. 6, 2007. СС. 43–46.
2. Тioян С., Григорян О., Урутян Р. Самоучитель армянского языка. Ер.: «Зангак-97», 2007, 392с.
3. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: «Высшая школа», 1974. С. 111.
4. Маркосян А.С. Крунк Айастан (и «Журавль Армении»): вводный курс с аудиозаписями. М.: «Баласс», 1998. С. 176.
5. Тioян С., Григорян О., Урутян Р. Самоучитель армянского языка. Ер.: «Зангак-97», 2007. С. 392.
6. Щерба Л.В. Как надо изучать иностранные языки, § 27. URL: https://translationsrus.blogspot.com/2014/10/blog-post_64.html (Дата обращения: 28.08.2025).
7. Маркосян А.С. Крунк Айастан (и «Журавль Армении»): вводный курс с аудиозаписями. М.: «Баласс», 1998. С. 176.
8. Жумадилова Г.А., Сайлаубекова Д.С. Интерференция как актуальная проблема перевода в межкультурной коммуникации // «Вестник Алтайской государственной педагогической академии», № 19, 2014. СС. 92–97.
9. Багана Ж., Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта // «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», № 2, 2011. СС. 10–15.

REFERENCES

1. Kazaeva L. Native language in the process of teaching a foreign language // “Bulletin of the Yugra State University”, Issue 6, 2007. PP. 43–46 [In Russian].
2. Tioyan S., Grigoryan O., Urutyanyan R. Self-study Guide to the Armenian Language. Yerevan: “Zangak-97”, 2007, 392p. [In Russian].
3. Shcherba L.V. Teaching foreign languages in secondary schools. General questions of methodology. Moscow: “Higher School”, 1974. P. 111 [In Russian].
4. Markosyan A.S. Krunk Hayastani (“The Crane of Armenia”): an introductory course with audio recordings. Moscow: “Balass”, 1998. P. 176 [In Russian].
5. Tioyan S., Grigoryan O., Urutyanyan R. Self-study Guide to the Armenian Language. Yerevan: “Zangak-97”, 2007, 392p. [In Russian].
6. Shcherba L. How to study foreign languages, § 27. URL: https://translationsrus.blogspot.com/2014/10/blog-post_64.html (Accessed: 28.08.2025) [In Russian].
7. Markosyan A. Krunk Hayastani (“The Crane of Armenia”): an introductory course with audio recordings. Moscow: “Balass”, 1998. P. 176 [In Russian].
8. Zhumadilova G., Sailaubekova D. Interference as a current problem of translation in intercultural communication // “Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy”, № 19, 2014. PP. 92–97 [In Russian].
9. Bagana Zh., Blazhevich Yu. Lexical interference in language contact // “Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University”, № 2, 2011. PP. 10–15 [In Russian].

SPECIFICS OF TEACHING ARMENIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS AT RAU (FEATURES, METHODS, AND CHALLENGES)

N. Iskandaryan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

Today, the teaching of foreign languages, including Armenian, is considered in the context of intercultural communication. Teaching Armenian to Russian-speaking students is both an interesting and a challenging task. One of the main priorities in teaching Armenian as a foreign language is to use a comparative approach and to overcome linguistic difficulties effectively, which means combining the native language and the target language.

For a more effective understanding of the material, it is important to use different teaching methods: lectures, videos, audio recordings, online resources, language learning apps, as well as independent work through exercises. At the same time, it is necessary to consider the characteristics of modern students' "clip thinking": they need continuous updating of information, variety in activities, and a creative approach.

For this purpose, it is useful to organize tasks in a sequence, use active teaching methods, and include visual materials such as pictures, diagrams, tables, videos, and online applications. The course is designed for three semesters. Experience shows that when working with a group of learners like this, it is important to develop not only language and reading skills but also intercultural communication skills.

Keywords: foreign language teaching, Armenian, Russian-speaking students, intercultural communication, linguistic difficulties, comparative approach, intercultural context.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аванесян М.Г. – к.п.н., старший преподаватель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Арутюнян М.Л. – старший преподаватель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Аршакян М.А. – аспирант Кафедры международного и европейского права Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Восканян М.А. – д.э.н., профессор, заведующая Кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Галстян М.С. – соискатель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Говдя В.В. – д.э.н., профессор, заведующий Кафедрой бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Григорян А.Т. – ассистент Кафедры экономической теории и проблем переходного периода Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Давтян В.С. – д.п.н., профессор Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Дегальцева Ж.В. – к.э.н., профессор Кафедры бухгалтерского учета ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»

Дунамалян Н.А. – к.п.н., доцент Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Искандарян Н.М. – к.филол.н., доцент Кафедры армянского языка и литературы Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Казаринова Д.Б. – к.п.н., доцент Кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН)

Куфлева В.Н. – к.ю.н., доцент Кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Лалабекова В.Р. – старший преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Мнацаканян В.Р. – преподаватель Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Нерсисян И.Н. – юрист центра правовой информации «ИРТЕК»

Саргсян Д.О. – преподаватель Кафедры политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Саркисян О.Л. – к.ф.н., доцент, заведующий Кафедрой политологии им. К.А. Мирумяна Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Хагагортян И.А. – магистрант специализации «Международная экономика» Кафедры экономики и финансов Российско-Армянского (Славянского) университета (РАУ)

Хачикян С.Р. – к.п.н., независимый исследователь

**Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета.
Серия: гуманитарные и общественные науки, № 4 (55), 2025г.**

**Vestnik of Russian-Armenian (Slavonic) University
(Series: Humanities and Social Sciences), № 4 (55), 2025**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есаян, Н.Б. Бадалян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

*Editor-in-Chief of the RNI – M.E. Avakyan
Proofreader – A.S. Yesayan, N.B. Badalyan
Computer layout – A.S. Bzikyan*

*Адрес Редакции научных изданий Россий-
ско-Армянского университета: 0051, г.
Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123 тел./факс:
(+374 12) 77-57-75 (внутр. 392) e-mail:
maria.avakian@rau.am*

*Address of the Editorial Board of
Scientific Publications
of the Russian-Armenian University:
0051, Yerevan, st. Hovsep Emin, 123
tel./fax: (+374 12) 77-57-75 (ext. 392)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

**Заказ № 2
Подписано к печати 02.03.2026г.
Формат 70х100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл.12.9 п.л. Тираж 110 экз.**

**Order No. 2
Signed for publication 02.03.2026 For-
mat 70x100¹/₁₆. Offset paper No. 1.
Volume 12.9 conv. p.l. Circulation 110 copies**